

CONTACTS BOOKS
СОЮЗ

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
СЕРГЕЙ МУСАНИФ
**ВСЕЛЕННАЯ
НЕУДАЧНИКОВ**

Annotation

Мир далекого будущего... Мир, в котором человечество пережило восстание машин и встретилось с братьями по разуму. Мир, в котором три расы вынуждены вступить в жесткую конкуренцию за место под звездами, готовясь развязать войну, равной которой еще не было. Мир, в котором возникла раса генетически улучшенных людей, а машина времени может быть использована как оружие массового поражения. Мир, в котором право на жизнь на планетах Солнечной системы надо еще заслужить...

Способен ли выходец из двадцать первого века чего-то добиться в таком мире, или его удел прозябать в резервации – среди людей из категории «социального минимума», обитателей станции под названием «Вселенная неудачников»? И эта ли станция истинная Вселенная неудачников?

- [Роман Злотников,](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Часть первая](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [Часть третья](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)

- [ГЛАВА 4](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

**Роман Злотников,
Сергей Мусаниф
Вселенная неудачников**

ПРОЛОГ

Убивать легко.

Не знаю, смог бы я с такой же легкостью стрелять в людей. Вполне возможно, что не смог бы, несмотря на все эти курсы усиленной боевой подготовки. А впрочем, кто знает...

В любом случае Чужие не похожи на людей. Они больше смахивают на персонажей компьютерной игры, поэтому меня не покидает чувство нереальности всего происходящего.

Да и футуристическое оружие, которое я сжимаю в своих руках, не придает событиям реалистичности. Плюс джунгли с растениями, которые никогда не росли на моей родной планете...

Полное ощущение какого-нибудь «Анриала». Или «Крайзиса» вперемешку с «Думом».

А уж в шутерах от первого лица я всегда был настоящим профи...

Десантники Чужих не таятся. Они уже считают эту планету своей. Имеют право – местное подобие орбитальной обороны им удалось уничтожить меньше чем за пять часов. Рекордный срок для населенных планет земного типа.

Единственный космопорт был захвачен еще через час.

По большому счету туземную армию и армией-то сложно назвать. Народное ополчение, вооруженное по образцу позапрошлого века и действующее исключительно на голом энтузиазме. Нам говорили, что взвод пехоты Альянса способен выбить до нескольких батальонов местных вояк, при этом даже особенно не напрягаясь. Хотя я не особенно верю. Американцы в Афганистане имели едва не большее техническое превосходство, но малограмотные афганские крестьяне жарили их там всюду. Как, впрочем, и советских десятилетием-двумя раньше. Но для моих соратников, детей улицы гиперурбанизированного мира, мысль, что техническое превосходство определяет все, – единственно верная. И даже единственно возможная. Мол, с технологическим превосходством не поспоришь. Крестьяне с вилами против закованных в панцирную броню рыцарей много не навоюют. Ну да пусть себе тешатся...

Я занимаю позицию на вершине холма. Дюк находится на соседнем, таким образом мы контролируем две доминирующие над местностью высоты. Все как по учебнику. Впрочем, на самом деле мы только по учебнику пока и умеем. Собственного опыта у всех с гулькин нос или

вообще – абсолютный ноль. Минус 273,15 по Цельсию. Но, судя по всему, в этот раз это вполне сработает. Ибо Чужие, похоже, даже учебник читали плохо. Они просто тупо прут по открытому пространству, беспечно крутя головами и скалясь. Наверное, их тоже пичкали какими-то сказочками про подавляющее превосходство. Технологическое, расовое или видовое...

Мы позволяем Чужим подойти поближе. Мы знаем, за чем они охотятся и что ищут в этих лесах. И для того, чтобы получить желаемое, Чужим придется пройти мимо нас.

Их пятнадцать, стандартный штурмовой отряд. Пятнадцать взрослых особей, прирожденных бойцов. В рукопашной схватке у человека нет ни единого шанса справиться с взрослым воином скаари. Они слишком сильны, и рефлекс у них процентов на пятьдесят быстрее человеческих. А это значит, что нам надо стрелять очень быстро. И очень точно.

Если бы нас было хотя бы трое... Увы, на весь отряд нашлось всего две снайперских винтовки, поэтому и пошли мы с Дюком. Как два лучших стрелка. Хотя Азим утверждал, что он стреляет лучше любого из нас... Но он не пехотинец, он вообще не имеет к Альянсу никакого отношения, и никто из наших парней не рискнул бы пойти с ним в паре. Азим – профессионал не хуже нас, а может быть, в чем-то и лучше. Но он служит в другой армии. И просто поэтому ни одному из нас не достичь с ним даже минимально необходимого для успеха уровня взаимодействия. Мы отрабатывали разные схемы боя. У нас разный язык жестов, разные привычки, разные схемы поддержки и целеуказания...

Скаари приближаются. Я не думал, что название расы из когда-то популярной компьютерной игры доживет до этих дней. Тем более не думал, что это название может обрести свое реальное воплощение. Но ведь они действительно похожи...

Визор выдает пятьсот двенадцать метров до цели, когда я слышу голос Дюка, доносящийся из имплантированного в мой череп динамика:

– Работаем.

Я навожу прицел на предпоследнего в группе бойца. Виртуальный прицел – это небольшой красный крестик, видимый исключительно в моем визоре. Чистый «Дум». Только функции «сохранение» и «загрузка» не работают.

Дюк стреляет первым.

СВК-90, входящая в комплект стандартного вооружения штурмовых отрядов Альянса, работает бесшумно, и выстрела никто не слышит. Даже скаари с их обостренным слухом.

Замыкающий отряд воин падает, получив пулю в голову.

Зря эти ребята полную броню решили не надевать. Все-таки не на пикник собирались.

Я стреляю секунды на две позже Дюка и снимаю бойца, ставшего замыкающим после выстрела моего сержанта. Быстро перевожу прицел, валю следующего. Мой третий выстрел совпадает со вторым выстрелом Дюка.

Только теперь скаари начинают суетиться.

Похоже, ребята действительно расслабились. В тех фильмах, которые нам крутили в учебке, Чужие реагировали на угрозу гораздо быстрее. Или нас специально запугивали, или мы сейчас просто не на тот клан нарвались...

В общем, засуетиться-то они засуетились, только деваться от нас им некуда.

Из всех естественных укрытий в наличии только деревья, и обеспечивающей маломальское прикрытие толщиной ствола может похвастаться едва лишь одно из пяти.

В принципе деревья и высокая, местами доходящая до пояса трава могли бы их спасти. Если бы снайпер был один. Но мы с Дюком били с двух сторон.

Я сделал шесть выстрелов по формуле, которую нам вдалбливали инструкторы по боевой подготовке. Один выстрел – одна смерть.

За это время Дюк свалил четверых. Он очень хорош для своего времени и рода войск, но ему не хватает моего геймерского опыта. Некоторые компьютерные персонажи двигаются с гораздо большей скоростью, чем существующие в реальности враги.

Остается пятеро.

Они пытаются укрыться в траве, выбирая места, где она растет повыше. Встроенный в визор датчик движения показывает мне три цели.

Эффективность огня снижается. Для того чтобы убрать следующую пару Чужих, мне приходится потратить целых три выстрела.

Дюк достает еще одного.

– Двое, – выдыхает сержант.

Такое ощущение, что он висит у меня над плечом. На самом деле до него почти километр.

Двое. Это он верно заметил. Умеет считать, зараза. Только я вот ни одного не вижу. И датчик движения ничего не фиксирует. То ли эти двое самые умные, то ли самые везучие...

– Инфракрасный режим. – Дюк сообщает на доли секунды раньше меня.

Только все это без толку. Температура тела скаари подстраивается под температуру окружающей среды. Конечно, если речь не идет об отрицательных или запредельно высоких температурах. Но здесь, на фоне тропических джунглей...

– Без мазы, – сообщает Дюк то, что я уже и так вижу.

Пытаюсь представить, что я бы сделал на месте этих двух скаари. Отступать бессмысленно, пространство позади них отлично простреливается. Прорываться вперед глупо. Затаиться на месте – без толку, двое опытных снайперов рано или поздно найдут такую мишень.

Я бы постарался вычислить стрелка и ликвидировать угрозу. Даже если стрелков двое. Уничтожь одного, и ты окажешься в более выгодном тактическом положении, чем был до этого. Ибо займешь господствующую высоту.

Допустим, они знают, что стрелков двое. Не могут не знать, хоть чему-то же их учили. Стали бы они в такой ситуации разделяться или попытались бы навалиться вдвоем на одного?

Я перевожу взгляд выше и внимательно присматриваюсь к склону холма, на котором залег Дюк. Не сомневаюсь, что он в это время осматривает склон моего холма.

...Я выпускаю винтовку из рук, резко перекаत्याюсь влево, попутно выхватывая из кобуры игольник. Импульс штурмового лазера скаари бьет по тому месту, где я лежал мгновение назад, и превращает винтовку в лужу расплавленного пластика и металла.

– ... мать! – орет в наушнике Дюк.

Скаари внезапно оказывается на вершине холма. До него всего около пяти метров – расстояние двух его прыжков. Он видит меня и срывается с места.

Черт подери, какой же он быстрый. Как в учебных фильмах.

Он отталкивается от земли второй раз и летит прямо на меня, когда я всаживаю три иголки ему в голову. Голова взрывается, как перезрелый арбуз, который расстреляли из дробовика.

Проблема скаари в том, что они слишком полагаются на свое физическое превосходство. И если у них есть выбор между стрельбой и рукопашной, они предпочитают рукопашную.

Возможно, в девяти случаях из десяти такой подход сработал бы. Но не со мной.

Я всегда голосую за стрельбу.

Обезглавленный труп скаари падает в полуметре от меня. Остается только последний штурмовик. Или не остается?

- Я снял одного на склоне, – сообщает мне Дюк. – Ты жив, Алекс?
- Живее всех живых. – Этой хохмы он все равно не знает.
- Тогда пошли собирать трофеи, – говорит Дюк. – Чувствую я, что наши приключения в этих лесах затянутся надолго...

Часть первая

ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 1

Не помню, что мы праздновали. Мотологический новый год, сдачу кем-то какого-то экзамена или покупку машины. В общем, тема вечеринки не особенно важна. Повод для вечеринки – это только повод, и он забывается после первой принятой бутылки.

Вечеринка была правильная.

Правильная вечеринка – это та, которая не укладывается в один вечер, требуя все нового и нового продолжения. Сменялись лица, сменялась обстановка, менялись напитки и посуда, а вечеринка продолжалась, потому что show must go on, как пел незабвенный спидоносец Фредди.

Мы пили. Кабаки, из которых нас выгоняли, сменялись ночными клубами, в которые нас не хотели пускать, были чьи-то квартиры с прокуренными кухнями и соседями, обещающими вызвать милицию, чьи-то машины, в которых мы куда-то ехали. А когда и просто сидели в салоне, говорили за жизнь или травили анекдоты и пили. Была какая-то дача, в которую мы вломились в отсутствие хозяина, но Вадик утверждал, что хозяин в курсе и в принципе не возражает. Были смазливые девицы, чьих лиц я не запоминал, а имен даже не пытался запомнить.

Кто-то жаловался мне на жизнь, кто-то клялся в вечной дружбе, кто-то порывался выяснять отношения, кто-то объяснял мне, как следует писать, кто-то учил меня жить. А я пил.

В первый день запоя человек пьет по какому-то поводу, будь то неразделенная любовь, удачная покупка или просто желание выпить. Все остальные дни он просто оттягивает похмелье.

Я вышел на кухню в незнакомой квартире. В глаза било солнце, никто не догадался приглушить его свет. Хотелось курить и умереть прямо сейчас. Не знаю, чего хотелось больше.

На кухне сидел Вадик. Взгляд его говорил красноречивее слов, но он решил все-таки озвучить терзавшую его мысль.

– В холодильнике можешь не смотреть, – сказал он. – Пива нет.

Сообщи мне сейчас кто-нибудь, что Страшный суд назначен на послезавтра, не думаю, что я расстроился бы сильнее.

– Денег тоже нет, – продолжал Вадик. – Ни копейки. А у тебя?

– Хрмпф, – сказал я глубокомысленно. – Какой сегодня день?

Вадик посмотрел на календарь, вмонтированный в его дорогие часы:

– Вторник.

- А месяц?
 - Фиг знает. Июль, по-моему.
 - От блин, – сказал я. – А число какое?
- Еще один взгляд на часы.
- Шестое.

Вечеринка началась в районе двадцать девятого, это я помнил точно. Неплохо потусовались, как сказал Ильич, слезая с броневика.

- А мы где? – продолжил я допрос.
- Фиг знает, – сказал Вадик. На этот раз взгляд на часы результатов не дал, картой местности они не обладали. – По-моему, это Москва.
- Уже хорошо, – сказал я.

На Вадике были только трусы и часы, о чем я уже неоднократно упоминал. На мне были джинсы, выглядевшие так, как будто их обладатель спал в них последнюю неделю. Самое поганое, что так оно, скорее всего, и было.

Я пошел в комнату. В комнате спали тела. На ком-то из них я увидел свою футболку. Тело под футболкой было женским и незнакомым. А поскольку футболка была единственным драпирующим его предметом, тело не хотело с ним расставаться. Но спросонья особо сопротивляться не могло.

Отвоевав предмет гардероба, я натянул его на себя, нашел в прихожей мои кроссовки и вернулся на кухню. Вадик по-прежнему восседал за столом с голым торсом и, судя по выражению его лица, думал о тварности окружающего мира.

- Пойдем? – спросил я.
- Не, – сказал он. – Я уже три дня дома не был. Ленка меня убьет.
- Убьет, – согласился я. – Но она все равно тебя убьет, так какая разница, сегодня или завтра?
- Желаю умереть похмеленным, – сказал Вадик.

Как гласит русская народная мудрость, для того чтобы правильно похмелиться, требуется выпить чуть больше, чем было выпито вчера. Я прикинул, сколько я вчера выпил. Если я выпью сегодня еще больше...

Лучше умереть сейчас.

Я вышел из дома и только на улице вспомнил, какое сегодня число и что это означает. И пожалел, что не умер еще вчера.

Третьего числа истекал срок аренды квартиры, в которой я жил, и хозяин ни в какую не соглашался его продлить. И он обещал, что четвертого числа, если я сам не уберусь, он выбросит меня на улицу вместе

со всеми моими шмотками. Поскольку я не доставил ему удовольствия выбросить лично меня, ему пришлось удовольствоваться выбрасыванием моих вещей. В мусорный контейнер, как он и обещал. Я тот контейнер видел, бомжи тоже.

Мало чего там осталось, да и то, что осталось, не вызывало желания достать его из мусорного бака и надеть на себя, даже после необходимой дезинфекции.

Естественно, ноутбук на помойку он выбрасывать не стал. Оставил себе в качестве компенсации морального вреда.

Восьмого я сидел в кафе, курил сигареты из купленной на последние деньги пачки и пил кофе, который знакомый бармен наливал мне в кредит. Одновременно со всем этим я прикидывал, к кому сегодня можно попроситься на ночлег.

Вариантов было не так много.

У женатых друзей лучше не ночевать. Их вторые половины имеют обыкновение смотреть на меня не очень добрыми глазами.

Холостые друзья делятся на две части – трудоголики и алкоголики. С трудоголиками скучно. С алкоголиками я долго не протяну. Был еще вариант завалиться к какой-нибудь подруге, но настроение совсем к этому не располагало.

И тут позвонил Стас.

Его звонок стал для меня манной небесной. Или оазисом посреди пустыни, в которой я умирал от жажды. Или чем-то там еще... Неважно. Но именно с этого звонка все и началось.

– Привет, Леха, – сказал он. – Ты сейчас где? Если географически?

– В «Парусе».

– Шикарно. Ты пробудешь там еще минут сорок?

– Позволь полюбопытствовать, с какой целью?

– Есть тема. Тебе понравится.

– Жду, – сказал я.

Стас подъехал не через сорок минут, а через час. Но это нормально. Пробки и все такое...

Припарковав свой «Форд-Фокус» напротив кафешки, он вошел в зал с видом хозяина жизни, который так любят напускать на себя менеджеры среднего звена, недавно получившие повышение, и плюхнулся на стул напротив меня.

– По шкале «имидж на миллион долларов» ты смотришься цента на два, – заявил он, заказывая двойной эспрессо.

– Я их взял взаймы, – сказал я. – Что за тема?

– Ты ведь сейчас доблестный, российский безработный?

– Я предпочитаю формулировку «свободный художник».

– И как долго ты уже свободен?

– Примерно полгода.

– Денег хочешь?

– Кто ж их не хочет? Когда на сеновал приходить?

– Загранпаспорт у тебя есть? – спросил он, проигнорировав вопрос о сеновале.

– Где-то был.

– Испанский еще помнишь?

– Коррида, – сказал я. – Мучас грациас, хихо де пута.

– Очень смешно, – сказал Стас. – Короче, тема такая. Наш генеральный по делам в Латинскую Америку свалить должен. Типа деловая поездка. А сам он по-испански, как я – по-китайски. Примерно на том же уровне, может быть, даже чуть хуже. Он попросил меня подыскать ему переводчика, и я сразу о тебе вспомнил.

– А штатного переводчика у вас нет?

– Должность толмача штатным расписанием не предусмотрена, – сказал Стас. – Три штуки баксов за две недели. Плюс билеты и полный пансион. Две недели в тропическом раю, и тебе за это еще и заплатят. Как тебе такое предложение?

– Весьма. Сколько я должен тебе откатить?

– Нисколько, – оскорбился Стас. – Вылет через три дня, так что давай прямо сейчас за твоими документами подъедем.

– Все свое ношу с собой, – сказал я, извлекая документы из внутреннего кармана куртки.

– Предусмотрительно, – оценил Стас. – Тогда я погнал.

– Подожди, – сказал я. – У меня есть еще пара вопросов делового характера.

– Слушаю. – Он опустился на стул, с сожалением заглядывая в пустую кофейную чашку. Вот что значит – деловая элита. Все очень быстро, все на бегу...

– Мне нужны деньги, – сказал я. – Аванс. Обновить гардероб, так сказать.

– Оплатить счет за кофе, – подхватил он. – Без проблем, пяти сотен хватит? С гардеробом, кстати, можешь особо не париться. Там, куда вы едете, довольно жарко и деловой формой одежды считаются шорты.

– Собственно говоря, это второй вопрос, – сказал я. – А куда мы едем?

– То ли в Белиз, то ли в Бенин, я точно не помню, – отмахнулся Стас. –

В общем, какая-то жуткая дыра.

– А что ваш генеральный забыл в жуткой дыре?

– Друга молодости, скрывающегося от российского правосудия, – сказал Стас.

– Клево, – сказал я. – Надеюсь, на обратном пути меня не заставят глотать полиэтиленовый контейнер с наркотиками?

– Как говорил хирург, составляя список операций на день, Надежда умирает последней, – хохотнул Стас, выудил из бумажника пять сотенных купюр и протянул их мне. – Не волнуйся, наш генеральный уже давно криминалом не занимается. Солидная фирма у нас. Уж года три как.

– Зашибись, – сказал я удаляющейся спине Стаса.

– Обязательно, – пообещал он.

Уже через минуту его «Форд» покинул стоянку. В Москве вообще все происходит очень быстро.

Шесть лет назад мы все «понаехали» в столицу нашей Родины, чтобы покорить этот город. Собрались из разных концов страны, некоторые даже из других стран. Эти шесть лет пролетели очень быстро. Казалось, буквально вчера я слез с поезда Владивосток – Москва и подал документы на поступление в институт.

Но город покорила немногим.

Стас свалил с третьего курса экономического факультета МГУ, мотивируя свое решение тем, что он хочет кушать чаще, чем три раза в неделю. Полученных знаний и врожденной наглости оказалось достаточно, чтобы устроиться на довольно неплохое место работы, потом он обзавелся нужными связями, и его карьера пошла в гору.

Я умудрился получить диплом. Хотя иногда сам факт моего бесплатного поступления в институт казался мне чудом. Наверное, просто повезло. Везет же дуракам. Или все-таки существует некоторый процент абитуриентов, превращающихся в студентов без использования волшебного слова «блат».

Институтские годы... Прогулянные лекции, студенческое общежитие, пьяные загулы, длинные вечеринки, короткие романы... Все это было весело. Все это было так, как и должно было быть.

Но после получения диплома все оказалось совсем не так радужно.

Новоиспеченному журналисту без опыта работы, связей и рекомендаций совсем не просто устроиться по специальности. Через полтора месяца мытарств я получил место редактора в районной газетенке бесплатных объявлений. Скажу прямо, это было вовсе не то, о чем я

мечтал.

Дело даже не в зарплате. Мне хотелось большего масштаба, большей аудитории, совсем другого уровня подачи материала. Да и самого материала хотелось другого. Не «дешевые пластиковые окна», «продам машину недорого» и «сантехник ЖСК-45 опять напился и оставил три дома без горячей воды», а что-нибудь глобальное. Сенсационное расследование какое-нибудь. С разоблачениями, судебными исками за клевету, телевизионными интервью и прочими прелестями журналистской жизни.

В связи с невозможностью получить все это у меня возник «синдром Паланика», достаточно подробно описанный им в «Бойцовском клубе». Я принадлежал к поколению, у которого нет ничего, кроме амбиций. А амбиции вовсе не гарантируют успеха.

Я был готов вкалывать, но это никому не было нужно. Если бы я был на двадцать лет старше, у меня был бы шанс выбиться в олигархи. Если бы я был на десять лет старше, я мог бы стать топ-менеджером корпорации, принадлежащей одному из олигархов. Но у моего поколения нет шанса прыгнуть выше места менеджера среднего звена. Мне никогда не стать звездой рок-н-ролла, знаменитым спортсменом или автором бестселлера. Таких, как я, миллионы.

В лучшем случае нам светит только мещанство. Стандартный набор «квартира-машина-дача», восьмичасовой рабочий день пять дней в неделю, выходные с семьей, вечера у телевизора, кризис среднего возраста и тихое отчаяние человека, понимающего, что жизнь проходит мимо него.

В качестве альтернативы можно уехать в Гоа и валяться на песке, любуясь закатами и поплеывая в Индийский океан. И вообще ничего не делать.

Мне хотелось другого. Не большего, а просто другого.

Обещанная Стасом поездка в Латинскую Америку сулила хоть какое-то приключение.

Государством в Центральной Америке оказался все-таки Белиз, а не Бенин. Бенин вообще в Африке находится, как подсказал мне географический справочник в ближайшем интернет-кафе. Белиз же граничит с Мексикой и Гватемалой, омывается Карибским морем... Шикарное, должно быть, местечко.

Справочник утверждал, что официальным языком Белиза является английский, а не испанский, который там широко распространен. Полагаю, что генеральный директор Стаса и английским не владеет.

Тем ценнее услуги переводчика, способного разговаривать и по-

английски, и по-испански.

Я еще несколько часов просидел в интернет-кафе, получив максимум информации о стране, которую мне предстояло посетить с визитом. Потом просто пошарился по разным сайтам, встрял в две дискуссии на форумах, на одном из них был забанен и покинул кафе с чувством выполненного долга.

Проблема ночлега передо мной больше не стояла. Человек с пятью сотнями зеленых американских рублей и человек, не имеющий ни копейки, – это два совершенно разных человека.

Небольшой джентльменский набор, два телефонных звонка, и подруга бурной молодости была готова приютить меня на все время до отлета...

ГЛАВА 2

Путешествие прошло нормально. Стасов генеральный директор («Зови меня просто Владимиром») оказался бизнесменом формации девяностых годов, снявшим малиновый пиджак и слегка окультуренным. Сев в самолет, он сразу же накачался виски из «дьюти фри» и отключился на все время трансатлантического перелета.

Четыре часа ожидания в международном аэропорту Далласа, и мы сели на самолет до Тихуаны. Там нас уже ждал чартерный рейс, направляющийся в город Белиз одноименной страны. Жаль только, что Владимир сэкономил время и решил не отправляться в Белиз на яхте. Плавание по Карибскому морю могло бы подарить куда больше впечатлений, чем суточные перелеты.

И сами впечатления были бы куда более приятными и запоминающимися.

Жаркое мексиканское солнце плавало асфальт аэродрома и выпаривало из организма Владимира остатки алкоголя, выступающие на его коже обильным потом.

Попав в Мексику, я понял смысл презрительного выражения «гринго», которым туземцы одаривают европейцев. Мы с Владимиром, бледнокожие и светловолосые, смотрелись абсолютно чужеродными элементами на фоне смуглых латиносов и не менее смуглых латинок.

Чиновник местной авиакомпания, предоставившей нам чартерный рейс, вывел нас на взлетное поле. Несколько мальчишек тащили чемоданы Владимира и сумку с моим нехитрым скарбом. В принципе я мог бы нести ее и сам, но если есть возможность почувствовать себя белым человеком, почему бы ею не воспользоваться хотя бы раз в жизни?

А потом мы увидели самолет...

– Что это за херня? – спросил Владимир.

– Это что? – переадресовал я вопрос местному чиновнику.

– Это ваш самолет, – гордо сказал чиновник. – Чартерный рейс до Белиза.

– Это самолет, – перевел я Владимиру. – По крайней мере парень утверждает, что это так.

– Это не самолет, – сказал Владимир. – Это антиквариат.

В общем-то Владимира можно понять. Говорят, что российские

самолеты морально и технически устарели и летать на них небезопасно. Что ж, те, кто это говорит, мексиканских самолетов даже близко не видели.

Помните старый добрый фильм про приключения Индианы Джонса? Самая первая серия, где еще не было ни фашистов, ни библейских артефактов.

В самом начале фильма Индиана Джонс со товарищи сбегает от преследующих его гангстеров при помощи небольшого самолета местной авиакомпания, специализирующейся на перевозке грузов в отдаленные уголки Азии. Самолет завален мешками с провиантом и клетками со всякой домашней птицей и скотиной и совершенно не предназначен для перевозки пассажиров. Потом оказывается, что пилоты работают на тех же гангстеров, от которых камрад Джонс так успешно сбежал. Они сбрасывают из баков все горючее, покидают борт при помощи парашютов, предоставляя Джонсу и его друзьям выпутываться из довольно сложной ситуации. Дальнейшее уже неважно.

Аппарат, на котором нам предстояло лететь, был похож на самолет из этого фильма. С небольшой скидкой на то, что действие фильма происходило году этак в тридцать девятом и с тех пор самолет постоянно использовался и никогда не слышал о капитальном ремонте.

Если вы видели названный мною фильм, то вы можете вообразить, что это был за самолет. Если не видели, постарайтесь представить. Встречались ли вам вазовские «копейки» семидесятых годов выпуска? Не те, что десятилетия простояли в гаражах у экономных пенсионеров, а те, что сменили десяток владельцев и использовались круглый год, в том числе и для перевозки картошки с дачи?

Про такие машины можно сказать только одно доброе слово – они ездят. В принципе. Лучше не задумываться, как они ездят и насколько далеко они могут уехать.

– Это летает? – спросил Владимир.

– По-видимому, – сказал я. – Бывают же действующие музейные экспонаты.

– И они хотят, чтобы я на этом полетел?

– Похоже, да, – сказал я.

Будучи в состоянии эмоционального шока, Владимир явно упустил из виду тот факт, что мне тоже предстояло на «этом» лететь.

– Ни за что, – сказал Владимир.

Местный чиновник, с живым любопытством прислушивающийся к нашему диалогу, широко улыбнулся и заявил, что это лучший самолет их компании. Я перевел сие утверждение Владимиру.

– Значит, нет смысла требовать у них другого самолета? – спросил Владимир.

– Есть смысл просить предоставить нам другой самолет? – спросил я у чиновника.

– Другой самолет? – удивился чиновник. – А чем вам не нравится этот? Это хороший самолет. Он в нашей авиакомпании уже лет двадцать летает.

На мой взгляд, это вряд ли могло служить лестной характеристикой как для самолета, так и для их авиакомпании, но озвучивать свою мысль мексиканцу я не стал. Черт его знает, как поведет себя вспыльчивый латинос, если ему покажется, что своим намеком я оскорбляю честь его фирмы.

– Он говорит, что это – хороший самолет, – сказал я Владимиру.

– Парашюты на борту есть? – мрачно спросил Владимир.

Чиновник озадачился переведенным мною вопросом и позвал пилота. Лучше бы он этого не делал.

Пилот оказался маленьким сухеньким старикашкой в парусиновых штанах, грязной рубашке и туфлях на босу ногу. Больше всего он напомнил мне таджика-гастарбайтера с какой-нибудь подмосковной стройки. Я б такому даже плитку не доверил укладывать, не то что свою жизнь.

– Парашюты есть, – заверил нас пилот. – Два. Только парашюты вам не понадобятся. Я на этом самолете всю жизнь летаю. Ни одной аварии.

Речь пилота меня порадовала. Отдельно меня порадовало количество парашютов. Если что, кому-то из нас троих придется овладевать непростым искусством полета в ускоренном порядке.

Решение оставалось за Владимиром. Взвесив все «за» и «против» – перелет на чуде инженерной мысли прошлого века и перспективу ночевки в местном отеле с последующим поиском другой авиакомпании, – Владимир вытащил из саквояжа бутылку виски, сделал порядочный глоток и решил лететь.

Потом он предложил бутылку мне.

И на этот раз я отказываться не стал.

Над городом Белизом, что находится в государстве Белиз на берегу Карибского моря, властвовала жара.

Стоило только выйти из самолета, как мы ощутили это в полной мере. Заодно стал понятен выбор предоставленного нам самолета. Исходя из невеликой длины взлетной полосы, можно предположить, что «Боинг» тут не сядет.

К нам сразу же подбежали мальчишки-носильщики, предлагая отнести наш багаж к стойке таможенника. Разумеется, отказываться мы не стали.

Таможенная процедура оказалась формальностью. Похожий на молодого Бандераса чиновник глянул в наши документы, шлепнул штампы в паспорта и пожелал нам приятного пребывания в стране, даже не поинтересовавшись целью визита. Такси удалось поймать без труда, и уже через полчаса мы оказались в прохладном холле самого роскошного отеля города. Во всяком случае, так утверждал таксист. Там даже кондиционер наличествовал. Вот они, маленькие прелести цивилизации.

Владимир снял себе номер люкс, а мне – обычный, но по соседству. Еще один мальчик оттащил наши вещи на второй этаж, после чего Владимир сказал, что до завтрашнего дня он никаких визитов не планирует, попросил меня обменять доллары на местные тугрики и скрылся за дверями своего люкса.

Я наскоро принял душ, нацепил самые летние штаны, что были в наличии, надел рубашку, сунул в карман переданную мне Владимиром тысячу долларов и отправился на поиски банка, где доллары можно обменять на местные тугрики. Я не стал говорить Владимиру, что местные тугрики тоже называются долларами, только белизскими, чтобы вконец не напрягать его измученный алкоголем мозг.

Сам-то я к концу полета протрезвел, а вот Владимир поглощал алкоголь не переставая. Наверное, он просто боится летать.

На улице на меня смотрели странно. Не так, будто местные жители впервые увидели белого человека, а как-то по-другому. Не сразу мне удалось это расшифровать.

Так смотрят на своих старых хороших знакомых, которые сделали очередную несмертельную глупость. С пониманием, сочувствием и доброй долей иронии.

Сначала я подумал, что у меня просто ширинка не застегнута, но проверка показала, что с этой частью туалета все в порядке. Тогда я перестал гадать о странных взглядах и продолжил свой путь.

Банк был закрыт. Оказалось, тут банки только до обеда работают. А после начала сиесты все служащие сразу домой уходят. Нормальный такой подход. Мне нравится. Сам бы не отказался от такого графика работы.

Я пораскинул мозгом по улице и попытался придумать, где еще можно поменять деньги. Поиски другого банка не казались мне особенно перспективным занятием, ибо если уж в этой, деловой и престижной, части города двери банка оказались закрытыми, то вряд ли существует вероятность, что где-то открыты двери какого-нибудь другого банка. Если

тут вообще есть другой.

Потом я сообразил, что по поводу обмена валюты можно было осведомиться у портье (а кто не крепок задним умом?), собрал разбросанный по улице мозг, развернул свои стопы в сторону гостиницы и тут же был остановлен двумя полицейскими.

Ну, по крайней мере они выглядели как полицейские. Хотя были в штатском.

Однако у стражей порядка любой страны мира всегда одинаковое выражение глаз. У этих хоть лица доброжелательные. И неоправданно широкие улыбки.

– Сеньор говорит по-испански? – спросил один из копов.

– А то, – сказал я. Улыбки стали еще шире.

Что не помешало обладателям этих улыбок продемонстрировать мне удостоверение сотрудника местной полиции – одно на двоих, очевидно.

– Я что-то не так сделал? – спросил я.

– О нет, – сказал другой коп. – Но мы попросили бы вас пройти с нами, сеньор.

– Куда? – осведомился я.

– В участок.

– Не вижу логики в ваших словах, – заявил я. – Если я ничего противозаконного не совершил, а это так, ибо я еще вообще ничего не успел совершить, да и ваши слова подтверждают сию теорию, то что мне делать в вашем участке?

– Это для вашей же пользы, – сказал коп и улыбнулся еще шире.

Я даже начал беспокоиться, как бы у него лицо не треснуло.

Надо сказать, я весьма настороженно отношусь к незнакомым людям, которые заявляют, что я должен их послушаться ради моей же пользы. Обычно эта «польза» в итоге выходит мне боком, так что с некоторых пор я посылаю таких товарищей куда подальше, но сейчас имел место явно не тот случай. Посылать куда подальше местных служителей закона в первый же день пребывания в чужой стране – не самая умная модель поведения.

И я пошел за ними.

Хорошо хоть по почкам бить не стали.

Как выяснилось, конечным пунктом нашего недолгого пешего путешествия был не просто участок, а местный комиссариат. И отвели меня не к кому-то, а к целому начальнику городской полиции, отчего моя подозрительность только усилилась. Мы, русские, приучены жизнью всегда подозревать худшее.

Начальник городской полиции носил брюки и рубашку цвета хаки, и, несмотря на лениво вращающийся под потолком вентилятор, круги пота украшали его подмышки. А еще у начальника полиции были черные усы, седые виски и огрызок сигары в уголке рта. Обстановка стала напоминать сцену из не самого дорогого американского боевика.

При нашем появлении шеф полиции встал из-за стола, вышел нам навстречу и крепко пожал мне руку.

– Добро пожаловать в нашу страну, хефе, – сказал он.

Надо же. А я думал, обращение «хефе» принято только в верхушках Медельинского преступного картеля из славной страны Колумбии. А, там еще картель Кали есть. В общем, сцена из дешевого боевика получила продолжение.

Еле уловимым движением головы шеф отпустил своих подчиненных, пригласил меня устроиться поудобнее в кресле и угостил сигарой. Отказываться я не стал, после чего мы несколько минут молча курили, усиливая царящий в помещении абсурд.

– Вы из России, – сказал он, когда я успел выкурить примерно четверть сигары.

Это был не вопрос, а утверждение. Впрочем, в осведомленности шефа городской полиции не было ничего особенного. Его люди могли получить информацию от таможенника или от служащих отеля.

– Да, – сказал я.

Отпираться было глупо.

– Великая страна, – сказал он. – Большая страна.

И не поспоришь...

– Мне нравится Россия, – заявил он.

– Мне в принципе тоже, – патриотично согласился я.

Интересно, он будет спрашивать, гуляют ли по улицам наших городов играющие на балалайках медведи? Не стал.

– Вас видели рядом с банком, – сказал он. – Вы хотели поменять валюту?

– Да, – осторожно сказал я, подивившись его умозаключению. – А это преступление?

– Нет, что вы. – Он расплылся в улыбке, показывая мне желтые от никотина зубы. Зато полный набор, насколько можно было судить из моего кресла. – Просто банки у нас работают только до полудня, а сейчас уже четыре часа.

– Я заметил, – сказал я.

– Доллары США?

- Да.
- И какую сумму вы хотели бы поменять?
- Тысячу.

Он выдвинул ящик стола, немного порылся и бросил на поверхность пухлую пачку местных тугриков, как выразился бы Владимир.

- Курс банковский.

Я выдал шефу десять стодолларовых купюр, пересчитал местные тугрики, слегка охренел, когда их оказалось ровно столько, сколько и должно было быть, если курс обмена, вывешенный в рамочке у банкомата при входе в банк, был верным, и стал прикидывать, во что мне завернуть тугрики, ибо в карман они бы явно не влезли.

– Я дам вам газету, – сказал шеф. – Если вы беспокоитесь за сохранность денег или собственную безопасность, мои сотрудники могут проводить вас до отеля. Но бояться вам нечего. Белиз – спокойный город, и мы очень доброжелательно относимся к иностранцам. Особенно к таким иностранцам.

Что-то не совсем понятное мне почудилось в слове «таким». Была в него вложена какая-то многозначительность, словно это была какая-то старая шутка, понятная нам двоим. Но на самом деле я так и не понял, какой смысл шеф полиции вкладывал в это слово.

Интересно, а за каким чертом он баксы по банковскому курсу меняет? Ему-то какая выгода? И вообще, с каких это пор шефы полиции занимаются торговлей валютой? Подрабатывает на стороне, а баксы сбывает куда-то по другому курсу?

Наверное, нетактично его об этом спрашивать.

- Вы конечно же турист, – сказал шеф полиции.

Вот, опять эта многозначительность. На этот раз – в слове «турист». Словно он что-то другое хотел сказать.

– Да, турист. – Мне показалось, не стоит освещать перед шефом полиции цель поездки моего временного босса. Мало ли какая тут репутация у его старого товарища по играм в песочнице.

- И ваш спутник, он тоже турист?

Вот зачем он сейчас так улыбается?

- Верно, – сказал я. – Мы с ним оба туристы.

Для полного воссоздания атмосферы дурдома не хватало только фразы из старого фильма «Бриллиантовая рука», любимого мною с самого детства. Дескать, «руссо туристо, облик морале». Только не думаю, что главный городской коп города-героя Белиза смог бы оценить сию шутку.

- Когда отправитесь в турпоездку? – Еще одна фраза, в которую

вложено нечто большее, чем банальное любопытство или вежливый интерес.

– Мы еще не определились, – сказал я.

Шеф снова загромыхал ящиком своего стола. На этот раз он извлек на свет пухлую бумажную папку с завязанными тесемочками. Я таких папок лет десять не видел, наверное.

– Думаю, это поможет вам определить точную дату, – сказал шеф полиции, протягивая папку мне. – Здесь все, что вам потребуется, чтобы принять решение.

Маразм крепчал.

Шеф полиции явно принимал меня за кого-то другого, но после того, как он выручил меня с обменом денег, разочаровывать его не хотелось. Поэтому я взял папку, пообещав, что обязательно ознакомлюсь с ее содержимым.

– Не смею больше задерживать, хефе, – сказал глава городских сил охраны правопорядка и улыбнулся мне, как старому знакомому.

Промычав в ответ что-то невразумительное, я покинул его кабинет. В одной руке у меня была пухлая папка, в другой – завернутые в газету деньги. Из рта торчала недокуренная и благополучно потухшая сигара. Копы провожали меня очень серьезными взглядами, в которых читалось что-то вроде уважения. Хотя кто их знает, этих белизцев. Точно не я. Может, и что-то другое в их взглядах читалось.

На улице меня ждал загорелый тип в помятом белом костюме а-ля мечта Остапа Бендера. Он явно был европейцем, а темный цвет его кожи объяснялся либо частыми посещениями солярия, либо долгим сроком пребывания в тропиках.

Как я определил, что он ждал именно меня? Очень просто. Он со мной заговорил.

– Выплюньте эту гадость изо рта, – сказал тип. – Шеф Маркес курит дешевые подделки. Могу предложить вам настоящую «гавану».

Я последовал его совету, выплюнув сигару, и сказал, что прямо сейчас больше не хочу курить.

– Оно и понятно, – сказал тип. – После сигар шефа Маркеса желание курить возвращается очень не скоро.

Наверное, это городской сумасшедший, подумал я и двинул в сторону отеля. Тип пристроился рядом.

– Как вам город?

– Понятия не имею, – сказал я. – Мы только прилетели.

– Шикарный город, – сказал тип. – Тихий. Почти ничего не

происходит.

– Очень завидую горожанам, – сказал я.

– Будете осматриваться или сразу в джунгли полезете? – спросил тип.

– Пожалуй, немного подождем. – Только сейчас я сообразил, что этот тип заговорил со мной по-английски и отвечаю ему я тоже на этом языке. С шефом Маркесом мы по-испански разговаривали. – А что?

– Просто любопытно, – сказал тип. – Я – Генри.

– Я – Алекс.

– Холден. Генри Холден.

– Просто Алекс.

– Очень приятно познакомиться.

– Взаимно.

Полквартала мы прошли в молчании.

– МИ-5, – сказал тип.

И здесь я затупил.

Как эрудированный человек и гармонично развитая личность, я знал, что МИ-5 – это то же самое, что «Интеллидженс сервис», то есть служба контрразведки Великобритании. И представился этот тип почти как агент 007. (Бонд. Джеймс Бонд. – Холден. Генри Холден.)

Поскольку Белиз находится под юрисдикцией британской короны, не было ничего удивительного, что в стране могут обретаться агенты британской же контрразведки. Удивительно было то, что один из них решил проявить интерес к моей скромной персоне. И, удивленный донельзя, я решил пошутить в ответ. Как мне тогда показалось, удачно.

– КГБ, – сказал я. – То есть ФСБ.

– Ничего страшного, у нас тоже до сих пор некоторые сотрудники эти названия путают. – На его лице блуждала легкая улыбка, но говорил он абсолютно серьезно. – Хотя мы ждали кого-то из ГРУ. Или из СВР.

– Мы круче, – сказал я.

– Это да, – согласился Холден. – Хотя ваш коллега не похож на действующего агента.

А я, значит, похож?

– Он аналитик, – сказал я.

Холден уважительно покивал головой. Видимо, наличие аналитика придавало нашему тандему дополнительный вес.

– С остальными уже познакомились? – спросил Холден.

– А надо?

– От американцев никакого толку, как обычно, – сказал Холден. – Парни из МОССАДа тоже себя никак не проявили.

Как говорят в таких случаях, шизофрения косила наши ряды. Как он может молотить такую чушь со столь серьезным выражением лица? Никогда не поверю, что представители двух потенциально враждебных контрразведок могут болтать на улице, как обычные приятели.

Интересно, а шеф Маркес меня тоже за разведчика принял? Надо будет его папочку повнимательнее изучить...

Видимо, Холден рассмотрел что-то не то в моем выражении лица, потому что он вдруг резко сбавил шаг.

– Я вас не шокировал?

– Немного, – признался я. – Не ждал подобных... откровений.

– Извините, – сказал Холден. – Изучите документы, которые дал вам шеф Маркес. Может быть, найдете что-то полезное для себя. Перед тем как вы полезете в джунгли, мы с вами еще раз поговорим.

– Обязательно, – пообещал я.

– Если что, я живу в бунгало на побережье. Спросите любого мальчишку на пляже, где найти Генри Холдена, и вам объяснят.

– Учту.

– До встречи, – сказал Холден и наконец-то оставил меня в покое, направившись в сторону комиссариата.

Вот так у них тут, по-простому. Нужен вам агент самой раскрученной спецслужбы мира, спросите мальчишку, и он вам покажет... Дорогу к бунгало на побережье.

Если бы я был звездой экрана, то в этом бунгало меня должен ждать Валдис Пельш и съемочная группа программы «Розыгрыш». С большим тортом и букетом цветов.

Но я звездой экрана не был.

И Стас, предложивший мне эту поездку, вряд ли стал бы вкладывать столько денег в то, чтобы меня разыграть.

Вряд ли – это мягко сказано. На самом деле он никогда бы не стал выкладывать столько денег. У него, наверное, столько и нет.

Значит, остается два варианта. Либо Белиз – это большой сумасшедший дом с открытыми границами, либо меня тут принимают за кого-то другого.

Версия с дурдомом казалась мне более убедительной. Потому что агенты спецслужб не должны вести себя так, как Генри Холден. И шефы полиции тоже. Интересно, а что же там, в папке? План секретных коммуникаций зеленых космических пришельцев? Карта местности с нанесенными на нее порталами, ведущими в параллельный мир?

Я вернулся в свой номер, сунул сверток с деньгами под матрас, открыл

папку и обнаружил в ней кучу документов на английском и испанском языках. Документы изобиловали мудреными терминами, значение которых я не знал и на русском. К ним прилагались сложные графики и, судя по всему, результаты аэрофотосъемки.

М-да. Без пол-литра не разберешься.

Вдохновившись сей типичной для русского человека мыслью, я спустился в расположенный на первом этаже отеля бар и заказал коктейль с наименее экзотическим названием. Помимо меня посетителей в баре было немного. Парочка престарелых туристов из Германии, наверное, двое законспирированных агентов Бундесвера, и молодой человек крайне интеллигентного вида. Молодой человек читал газету, периодически оглядывая помещение поверх развернутого листа. По логике творящегося вокруг меня абсурда сейчас он должен ко мне подойти и выдать очередную порцию абракадабры.

Но он позволил мне выпить первый коктейль, подождал, пока я закажу второй, и только потом сложил газету, встал из-за своего столика и взгромоздился на табурет рядом со мной.

– Пиво, – сказал он бармену.

Очевидно, бармен знал предпочтения молодого человека, потому что не стал интересоваться, какой сорт пива тот предпочитает, и сразу выдал ему запотевшую бутылку и высокий стакан. Молодой человек набулькал пива, подождал, пока осядет пена и отойдет бармен, и только потом заговорил со мной.

– Бен.

– Алекс.

– Русский?

– Да, – сказал я. – Русский. И я журналист. А здесь просто на отдыхе.

– А я – этнограф, – сказал он, заговорщически улыбаясь. – Изучаю быт местных индейских племен. Вы знаете, что они произошли от самих майя?

– Да что вы говорите...

– Точно, – сказал Бен. – Скажите, а ваш... отдых не включает в себя поход в джунгли?

Вот и Холден меня о джунглях спрашивал. И шеф Маркес на какую-то турпоездку намекал. Да что у них тут творится в этих джунглях, если в городе на побережье такая отдача?

– В ближайшие дни – точно нет, – сказал я.

– Это правильно, – сказал Бен. – Нужно для начала осмотреться. Изучить местность, понять, что к чему...

Блин, а ведь он по-русски со мной заговорил... Только с легким

иностранным акцентом. Как иногда неудобно быть полиглотом... Толком и не сообразишь, на каком языке к тебе обращаются.

– Вы майя тоже в городе изучаете? – спросил я.

– Планирую вылазку на следующей неделе, – сказал Бен. – Хотите составить компанию?

– Вряд ли, – сказал я. – Буду изучать местность.

– Для того чтобы написать статью, все равно придется лезть в джунгли, – сказал Бен. Опять эта чертова многозначительность.

– Статью о чем? – уточнил я.

– В этой стране хорошую статью только об одном написать можно. – Бен допил пиво, дружески хлопнул меня по плечу и вернулся за свой столик, где сразу же снова спрятался за газетой.

Чего приходил, чего хотел...

ГЛАВА 3

Говорят, что утро для русского человека наступает тогда, когда русский человек просыпается. В таком случае утро у меня наступило в районе сиесты. И то я не сам проснулся. Меня Владимир разбудил.

Судя по тому, как у него блестели глаза, для переговоров с местным барменом переводчик ему не понадобился.

– Здоров ты дрыхнуть. – Владимир прошел в глубь номера и завалился в кресло. – Бабки поменял?

– Да. – Я вручил Владимиру сверток.

– Это хорошо, – сказал Владимир. – А то пришлось в местном баре пить, чтобы счет за спиртное в общий счет за номер включили. И не выйти из гостиницы толком. Как город, кстати? Успел осмотреть?

– Частично, – сказал я. – Комиссариат местный очень хорошо рассмотрел.

Владимир наморщил лоб.

– Комиссариат – это что, полиция?

– Ага.

– И как ты туда угодил?

– Дикая какая-то история, – сказал я. – Тут к приезжим очень странно относятся.

– И в чем странность?

Я вкратце пересказал Владимиру события вчерашнего дня, умолчав только о папке, которую мне вручил шеф Маркес. Хотелось самому документы на досуге поковырять.

Впрочем, Владимир бы в них все равно ничего не понял, ибо иностранными языками он не владеет.

Во время рассказа в голову вернулись мысли о программе «Розыгрыш». А вдруг это его знакомый решил разыграть? Сначала мне мозги запудрить, потом ему... Интересная теория, которая бы все объяснила.

– Нет, – сказал Владимир, когда я поделился с ним своими соображениями. – На Коляна это непохоже. И вообще он на публике светиться не любит. Его наши доблестные органы до сих пор ищут.

– Тогда, может быть, он знает, что тут происходит, – предположил я. – Все-таки он давно тут живет.

– Знать может, – сказал Владимир. – Но по телефону я с ним такие

вопросы обсуждать не рискну. Мы с ним созванивались, кстати. Завтра поедem к нему на виллу. А сегодня... – Владимир смутился. – Он мне тут адрес одного заведения подкинул. Думаю, я там и без тебя разберусь. Так что можешь считать себя свободным до завтра. Это тебе на расходы...

Не утруждаясь пересчетом купюр, он выдал мне примерно четверть денежной пачки и свалил в рекомендованное ему заведение. Полагаю, в борделе ему действительно переводчик не понадобится.

Когда я спустился в кафе, было уже время ленча, однако для меня это все равно был завтрак. Заказав себе яичницу с беконом, тосты и много кофе, я закурил свою первую сигарету и оглядел остальных посетителей кафе. Несколько местных жителей, парочка каких-то азиатов в дальнем углу и типичный американский турист, с энтузиазмом поглощающий какое-то местное экзотическое блюдо.

Именно такими американских туристов показывают в американских же кинокомедиях. Крепкий представитель среднего класса, круглое красное лицо, шорты, из штанин которых торчат бледные ноги, бейсболка с надписью «Ред сокс» и дорогая зеркальная фотокамера на шее.

Заметив мой взгляд, американец улыбнулся и кивнул головой. А потом еще махнул рукой, приглашая присоединиться к нему за его столиком.

Простое дружелюбие или очередная порция вчерашнего абсурда? Как выяснилось, второе.

– Меня Том зовут, – сказал американец. – Можешь пошутить, называя меня дядей Томом. Я не обижусь.

– Алекс, – сказал я.

– Русский?

– Ага. – Похоже, у меня национальность на лбу написана. Впрочем, опознал же я в дяде Томе американца... Может быть, в нас тоже есть что-то типичное, какая-то отличительная черта, по которой нас сразу же можно узнать в любом месте? Но я вроде бы трезвый...

– Мир, дружба, водка, хорошо, – сказал дядя Том по-русски и почти без акцента. Потом он перешел на английский: – С этнографом уже познакомился?

– А то, – сказал я.

– Израильтяне, черт побери, – сказал дядя Том. – Всегда первыми влезть норовят. Как будто мы бы с МОССАДом информацией не поделились...

Началось...

Мне захотелось завывать и побиться головой о столик. Так Бен,

оказывается, еще и из МОССАДа? И как я сразу не догадался? Холден из МИ-5, а дядя Том, очевидно, представляет ЦРУ... Под эту ситуацию как нельзя более кстати подходило выражение одной нашей известной актрисы и телеведущей. Как страшно жить...

– Впрочем, может быть, и решат. А впрочем, чего тут делить? Как не было никакой толковой информации, так и нет. Одни вопросы, мать их...

Ага, все-таки ЦРУ.

– Если быть точным, первым ко мне Холден приходил знакомиться, – сказал я.

– Англичане своего не упустят, – согласился дядя Том. – Должны же они поддерживать свою репутацию Джеймсов Бондов...

Дядя Том громко рассмеялся своей шутке. В это время мне принесли заказ, и некоторое время я мог ничего не говорить по уважительной причине. Впрочем, дядю Тома это не остановило. Как и присутствие официанта, кстати.

– Видишь китаез в углу? – И эта страна учит весь мир политкорректности? – МГБ КНР, мать их. Давно тут торчат. С полгода, наверное. У нас тут прямо-таки столица всех разведок мира. Мы первые тут были, а что толку? Место-то не застолбишь. Потом англичашки подтянулись, типа, это их территория. А потом и все остальные понаехали. Тут даже люди есть, которых я еще по Штази помню. И ничего. Как в стену все уперлись. Может, хоть вы разберетесь. Русские – народ толковый.

Приятно было слышать комплимент в адрес своих соотечественников. Если бы еще не приходилось выслушивать весь тот бред, на фоне которого этот комплимент отвесили...

– Версии хоть какие-то есть? – поинтересовался я между двумя глотками кофе.

– Версий полно, – сказал дядя Том. – Начиная с какого-то локального геологического феномена и заканчивая высадкой зеленых человечков с Марса, мать их. Но подтвердить мы ни одну не можем. Опровергнуть тоже.

– У вас тут всегда было так открыто? – поинтересовался я. – Все всё про всех знают и вообще...

– Шокирует, да? – ухмыльнулся дядя Том. – Первое время всех шокирует. Потом привыкают. Чего шифроваться-то? Сидим тут как полные неудачники. А городок маленький. Да и страна небольшая.

– Зато климат хороший.

– Прямо-таки курорт, мать его, – кивнул дядя Том. – Сидим тут, как долбаные курортники. Только вот загар меня не берет. Холден, тот вообще бунгало снял. Живет на пляже, мать его. Он в джунгли и не полезет. Ждет,

пока кто-нибудь другой каштаны из огня таскать начнет. А знаешь, что я тебе скажу, Алекс?

– Что?

– Как только кто-то добудет хоть что-то стоящее, тут и начнется самое интересное. – Дядя Том наставил на меня свой мясистый палец, похожий на сосиску. – Начнутся самые настоящие шпионские игры.

Вот весело будет. Надеюсь, к этому времени мы с Владимиром уже благополучно покинем страну. Потому что даже если я встану на главной площади Белиза и буду орать, что я не имею к разведке никакого отношения, мне в этом дурдоме уже никто не поверит. А что тут у них происходит, на самом-то деле?

– Англичане, израильтяне – с этими мы договоримся, – сказал дядя Том. – Да и с вами, русскими, договоримся. Белые люди должны держаться вместе и все такое. А вот китаезы, мать их, в этот расклад совсем не вписываются. Они ж тоже в сверхдержавы метят.

– У нас с ними и граница общая, – вспомнил я.

– Тут у них самый большой отряд, – сказал дядя Том. – Человек восемь. Но по городу только эти двое ходят. Остальные в пригороде сидят и на улицу носу не кажут. То ли к вылазке в джунгли готовятся, то ли ножи точат да стволы чистят, мать их. Но это фигня в принципе. У нас тут авианосец поблизости крейсирует. В случае чего – высадим пару батальонов морских пехотинцев и объявим Белиз своей территорией. Британцы с ума сойдут, да и фиг с ними.

– Думаю, у них на сей счет свои соображения есть, – заметил я.

– Соображения-то у них, может быть, и есть, – согласился дядя Том. – Только авианосца у них ни хрена нету. Конечно, мы под высадку какие-нибудь обоснования подведем. Типа, народные волнения, а мы тут порядок наводим. Чисто в порядке помощи... Только не скоро это будет, по-моему. Если лучшие разведки мира за полгода ничего не накопили...

Черт побери, этот тип вообще вменяемый? С каких это пор американцы с русскими так дружны стали, что предполагаемый агент ЦРУ с предполагаемым агентом ФСБ за одним столиком сидит и государственные тайны разглашает? Видимо, совсем неладное что-то в этом Белизе творится, раз ребята из Лэнгли до такого состояния дошли. И не только из Лэнгли, честно говоря...

МИ-5 с МОССАДом, похоже, в том же состоянии.

Китайцы только знакомиться не спешат. Может, оно и к лучшему...

Ничего, кроме кофе, пить за завтраком я не стал. Хотя такое искушение

и было, мне удалось его задавить, и я поднялся к себе с твердыми намерениями почитать документы шефа Маркеса и попытаться хотя бы приблизительно понять, что тут творится.

Не тут-то было.

Папка исчезла. Вчера только, лежала в верхнем ящике комода, а теперь ее тут нет.

Проверил остальные вещи. Все на месте. Пропала только папка.

Так люди и начинают верить во всякие шпионские игры...

Я осмотрел замок двери. Видимых повреждений на нем не обнаружилось, да и то, что я спокойно открыл дверь ключом, говорило о высоком профессионализме взломщиков. Впрочем, для того чтобы проникнуть в номер провинциальной гостиницы, навыков Джеймса Бонда все-таки не требуется.

Обыск, если это был обыск, проводили аккуратно. Кроме заветной папки, взломщики ничего не тронули.

Китайцы? Судя по словам дяди Тома, все остальные настроены в пользу сотрудничества, и никакой необходимости осложнять жизнь «агента ФСБ» у них нет. Хорошо хоть не застрелили в качестве превентивной меры.

А ведь могли.

Впервые я осознал, что ситуация не так уж забавна и помимо абсурда в ней присутствует немалая доля опасности. Если все эти парни действительно те, за кого себя выдают, то убить агента вражеской разведки для них все равно что высморкаться.

Во что же ты вляпался, Леха?

Интересно, а дадут ли нам спокойно улететь? Вдруг эти внезапно народившиеся конкуренты подумают, что мы добыли какую-то важную информацию, и попытаются воспрепятствовать? У них тут и авианосец неподалеку есть...

С другой стороны, не зря же я учился на журналиста. Да с таким сенсационным расследованием меня хоть в «Таймс» возьмут. А в принципе после такого журналистского расследования можно всю жизнь ничего не делать. Писать книги, давать телевизионные интервью и стричь купоны... А потом поселиться в бунгало на пляже, как Генри Холден, и всю жизнь плевать в теплый океан.

Осталась только малость: выяснить, что тут происходит и в чем уже полгода не могут разобраться лучшие разведки мира, а потом унести с этой информацией ноги. И дай бог, чтобы ноги не пришлось уносить в отдельном пакете.

Я посмотрел на часы. Половина пятого. Вечерняя жизнь только

начинается.

Кого можно «прокачать» на информацию? Судя по поведению этих ребят, любого, кроме китайцев. Дядя Том, этнограф Бен, Холден...

Ребята, которых дядя Том помнит еще по Штази. Насколько я помню, Штази – это спецслужба ГДР. Если дядя Том их помнит и если он не врет, что он их помнит, то и он, и эти ребята в разведывательном бизнесе очень давно. Бен моложе, наверное, с ним проще найти общий язык. Но он из МОССАДа. А МОССАД всегда себе на уме. По крайней мере, если верить Тому Клэнси^[1] и Роберту Ладлэму,^[2] основному моему источнику информации о действиях спецслужб.

А Холден показался мне приятным человеком. Конечно, каждый разведчик – профессиональный лжец, и их, наверное, специально учат втираться людям в доверие, так что они уже неосознанно применяют один и тот же образ действий ко всем встреченным на пути людям, но если здесь никому одинаково нельзя доверять, то лучше выбрать того, кто более симпатичен.

По крайней мере, на спусковой крючок нажмет парень с приятной улыбкой.

Воодушевившись столь оптимистической мыслью, я сунул в карман документы – на всякий случай – и направился на пляж, опрашивать мальчишек о местонахождении бунгало Холдена. Номер я закрывать не стал – а смысл? Воровать там больше нечего, кроме моей одежды, так стоит ли осложнять жизнь очередному разведчику, решившему устроить коллеге дружеский шмон?

Холден не соврал. Услышав его фамилию, первый же встреченный мною на пляже мальчишка проводил меня до его бунгало и даже денег за услуги не попросил. Правда, я все равно ему заплатил. Такой у меня принцип – всякий труд должен быть оплачен. И мой особенно...

Холден лежал в гамаке на террасе. Из одежды на нем были только шорты.

Рядом с гамаком стоял переносной холодильник. При моем появлении Холден свесил руку, достал из холодильника бутылку пива и швырнул в меня.

Пришлось ловить.

– Привет, Алекс. Я знал, что ты придешь.

– Интуиция?

– Просто я тут самый нормальный, – объяснил Холден. – Познакомился с Томом?

– Ага.

– Он псих, – убежденно сказал Холден. – Он тебе уже про авианосец рассказывал?

– Рассказывал.

– Он и мне рассказывал. Он всем рассказывает. Можно подумать, все проблемы решаются одними только авианосцами. Впрочем, американцы склонны все упрощать. Типичная детская болезнь молодой нации.

Я подвинул шезлонг так, чтобы из него открывался хороший вид на океан, свинтил пробку с бутылки пива и сделал глоток.

– Сигару хочешь?

– Пожалуй, нет.

– Как хочешь. – Холден пожал плечами и достал бутылку пива для себя. – Белиз находится под нашей юрисдикцией, поэтому логично, что ты пришел ко мне. Когда-то Великобритания была великой империей, которой принадлежало полмира. Впрочем, вам это должно быть знакомо. Ваша страна тоже когда-то была великой.

– И еще станет, – сказал я.

– Мир меняется, – неопределенно сказал Холден. – Пожалуй, в едва успевшем начаться веке самую большую опасность будут представлять китайцы. Видел китайцев?

– Видел.

– Разговаривал?

– Пока еще нет.

– И не надо. Они разговаривать не будут. Мы для них враги. Другая ментальность.

– А друг другу мы разве не враги? – уточнил я.

Холден внешне никак не отреагировал на мой пассаж, но в его молчании было что-то, отчего я почувствовал себя этак... неловко. Ну как если бы на великосветском приеме хозяйская собачка накакала на ковер, а все гости дружно сделали вид, что ничего не произошло. И только один тип, вроде меня, возьми да и ляпни: «Глядите – говно!»

– Ты шокирован тем, что здесь происходит? – спустя некоторое время спросил Холден, глотнув пива.

– Есть немного.

– Это нормально, – сказал Холден. – В смысле, нормально не то, что здесь происходит. Нормально, что ты шокирован. Поначалу у всех здесь такая реакция. На самом деле это все от безнадёги. То, что ты здесь видишь, это последняя степень отчаяния суперпрофессионалов, которые ни черта не понимают в происходящем. Проведешь здесь еще пару месяцев и сам таким станешь.

– Думаешь?

– Уверен, – невесело улыбнулся Холден. – Я приперся сюда из метрополии, полный энтузиазма и уверенности в своих силах. Я думал, что все местные загадки решаются на счет «раз». Но я ни черта не смог сделать. Я был здесь первым. Потом появились другие. Белиз – маленькая страна, а Белиз – маленький городок в этой маленькой стране. Здесь все у всех на виду. И наплыв «туристов», «этнографов», «журналистов» и прочих праздношатающихся не мог остаться незамеченным. Поначалу все шифровались, потому что каждый думал, что сумеет решить задачку быстрее других. Мне надоело первому. Я стал с ними здороваться. Провоцировал на разговоры. Они делали вид, что не понимают, и отмахивались от меня, как от городского сумасшедшего. Ты ведь тоже сначала так обо мне подумал?

– Было такое, – согласился я.

Холден протянул руку, выудил откуда-то здоровенную сигару, откусил кончик, плюнул им в сторону океана и прикурил от зажигалки «зиппо» с нарисованным на ней британским флагом.

– Потом им тоже надоело шифроваться, – сказал Холден. – Как только они поняли, что быстрым штурмом этой проблемы не решить. Впрочем, осада тоже не помогла. – Он криво ухмыльнулся. – А знаешь, что самое поганое?

– Что?

– Что мы напрочь испортили свою репутацию, потому что не смогли выдать результат. После такого провала никому из нас не доверят ничего серьезнее, чем работа младшим помощником атташе по культуре при посольстве в Зимбабве. Потому что мы облажались. Причем облажались дважды. Во-первых, мы так и не смогли выяснить, какая чертовщина здесь творится. Во-вторых, мы тут все засветились друг перед другом. Наши лица уже занесены в базы данных всех мало-мальски приличных разведок мира. Нам никогда больше не работать под прикрытием.

– Мрачная перспектива, – согласился я, постаравшись соорудить печальную мину.

Я в общем-то под прикрытием работать и не собирался. Тем более против любой из мало-мальски приличных разведок мира.

– У тебя шикарное прикрытие, – сказал Холден. – Алексей Каменский, безработный журналист, решивший подработать переводчиком при средней руки бизнесмене...

Я чуть пивом не поперхнулся. Оперативно ж они работают...

– Я даже на минуту подумал, что ошибся и никакой ты к черту не

агент, – признался Холден. – Впрочем, замешательство мое было недолгим.

– И что же тебя убедило?

– Личное знакомство, – ухмыльнулся Холден. – Разведчик разведчика видит издалека.

Обознался, хмыкнул я про себя.

– Вот второй парень, скорее всего, не при делах, – сказал Холден. – Никакой он не аналитик. Удобное прикрытие, и не более того.

– Почему ты так решил?

– Опыт большой, – неопределенно ответил Холден. – И вообще, не похож он на аналитика. Хотя от вас, русских, всего можно ожидать.

– Это точно, – согласился я.

А сам тем временем плохо подумал про Владимира. Может быть, все обстоит в точности до наоборот? Может быть, это я его прикрытие, а он реальный агент? Просто потому, что он на настоящего агента не похож? И пока я тут оттягиваю внимание всех этих ребят на себя, Владимир спокойно и бесконтрольно может заниматься своими делами?

Тогда он просто гений маскировки. Я сам бы его никогда не заподозрил. Одна его боязнь полетов чего стоит. Может ли Джеймс Бонд бояться самолетов? Если учесть, что он их и водить умеет? Или это тоже игра?

Ладно, Бонд – персонаж вымышленный. У нас тут грубая реальность. Правда, с легкой примесью абсурда.

– Чего пришел-то? – спросил Холден. – Просто побеседовать или в джунгли лезть собрался?

– У меня папку сперли, – признался я. – Ту, которую шеф Маркес дал.

– Скорее всего, китайцы, – сказал Холден. – Они единственные, кто еще на что-то надеется. Ну им иначе нельзя. Ни шагу назад, черт побери. Вот их девиз. Упертые ребята. Горы свернут. Не расстраивайся насчет папки. Зайди к шефу, он тебе новую выдаст. У него этими папками полкабинета завалено.

– Зачем?

– Я посоветовал, – сказал Холден. – Типа, чтобы время новеньким сэкономить. Чтоб не занимались они отработкой версий, которые старожилы еще полгода назад отработали.

– Корпоративная солидарность?

– Она самая. – Холден аккуратно отставил пустую бутылку в сторону и достал еще одну.

Такая аккуратность могла свидетельствовать только об одном – агент МИ-5 был смертельно пьян. Наверное, давно он тут лежит.

Впрочем, кто их, разведчиков, знает. Штирлиц, по-моему, вообще не пьянел.

– Все равно эта папка тебе ничего не даст, – сказал Холден. – Все эти данные уже по сотне раз проанализировали. И у нас, и в Лэнгли, и в Пекине. И в Москве тоже. Если бы там было что-то ценное, до этого бы кто-нибудь уже обязательно докопался. Разгадка лежит в джунглях. Только ее никто не нашел.

– Почему?

– Хороший вопрос, – сказал Холден. – Если хотя бы на него ответить, то больше уже ничего и не надо.

– Ты сам там был? В джунглях?

– Пару раз, – беззаботно сказал Холден. А дядя Том сказал, что не был. Он не все знает? Или наврал? А смысл врать? – А потом там еще два отряда САСовцев местность прошерстили. Эффект нулевой.

Интересно, а если я спрошу, что они искали в джунглях, он сразу поймет, что я не разведчик? И что он сделает, когда это поймет? Посмеется над идиотским положением, в которое сам себя поставил, не без моей, кстати, помощи? Или пустит пулю мне в лоб, чтоб информация о его позоре не достигла благословенной метрополии?

Одни вопросы, черт бы их побрал. Так и живут настоящие разведчики?

– Так что, как сказал бы старина Том, это, мать его, настоящий отпуск. Яркое солнце, теплое море, красивые девушки... Наслаждайся этим, пока тебя не отозвали и не откомандировали в Зимбабве. Там тоже солнце ярко светит. Только моря нет. Возможно, там мы и встретимся...

Судя по тому, в каком темпе Холден осушает бутылки, скоро ему понадобится вылезать из гамака.

Это он при мне уже за третьей тянется. А сколько он их до моего визита осушил?

Пиво, кстати, было неплохим и как раз нужной температуры. Не слишком холодное, не слишком теплое, а такое, каким и должно быть. Но удовольствия от поглощения сего хмельного напитка я получить все равно не мог. Не до того было.

– Китайцы раз пять уже в джунгли лазали, – продолжил Холден. – По-моему, одна группа до сих пор там. Много их, за всеми не уследишь. Но если б они что-то толковое обнаружили, реакция бы уже поперла. Хотя какая-нибудь. На это, собственно говоря, вся и надежда. Что кто-нибудь что-нибудь найдет и поперет реакция. Только ее нет. Вообще никакой реакции. Поэтому я и тебе готов помочь, чем смогу. Советом и моральной поддержкой, например. Чтобы ты чего-нибудь нашел и положил начало

реакции.

– Тогда отпуск кончится, – сказал я.

– Полгода – это уже не отпуск, – сказал Холден. – Полгода – это перебор. Я устал валяться на пляже и пить пиво. И в борделе местном у меня уже скидки накопительные. Скучно мне. Не для того я в контрразведку пошел, чтобы по пляжам валяться и пиво пить. Я это и так мог делать. Я ведь граф, между прочим. И без пяти минут лорд.

Вот он, истинный цвет английской аристократии. За плечами Кембридж или Оксфорд, жажда романтики и жизни, полной приключений, желание принести пользу короне, служба в «Интеллидженс сервис», и что в итоге? Валяться пьяным в гамаке и изливать душу человеку, которого он принимает за российского шпиона?

Был бы я графом, вряд ли бы на такое согласился. Хотя кто знает... У дворян, говорят, мировоззрение другое.

– Ну и что ты мне посоветуешь?

– Сеньора Луиза содержит самый шикарный бордель на побережье.

– А помимо этого?

– Не пей местную воду. По крайней мере, не забывай ее кипятить.

Видимо, сам Холден уже давно решил эту проблему, полностью заменив воду пивом.

– Ничего более конструктивного?

– Куда уж конструктивней? Ты полезешь в джунгли, обязательно полезешь. Все лезут. А если бы я мог посоветовать, что и где там искать, я бы уже и сам это нашел. Поэтому я советую тебе не напрягаться. В Зимбабве ты всегда успеешь.

– Чем тебе так не нравится Зимбабве? – спросил я.

– Там нет моря.

– Зачем ты меня вообще к себе приглашал?

– Пивка попить, – сказал Холден. – Да, и еще... хочу тебя предупредить. Если ты вдруг что-нибудь найдешь. – Он выделил интонацией слово «вдруг». – Вся местная полиция работает на меня, в пригороде сидит два боевых отряда китайцев и один – евреев, а у Тома вообще авианосец под боком. Если ты хочешь остаться в живых после находки, тебе нужно будет заключить сделку с кем-то из нас.

– На себя намекаешь?

– Не мне тебе политическую ситуацию объяснять, – сказал Холден. – Мы ведь с тобой европейцы, нам проще договориться и все поделить. А усиления Китая, мне кажется, вам при любом исходе не нужно.

– Если я вдруг что-нибудь найду, обязательно подумаю над твоими

словами, – пообещал я.

– Вот и хорошо. Еще пива?

– Не откажусь.

ГЛАВА 4

Таксист на раздолбанном в дрова «Шевроле» теряющегося в глубинах истории года выпуска вез нас по живописной дороге через джунгли.

Конечно, «дорога» – это очень громко сказано. Российские дороги ругают те, кто латиноамериканских не видел. Местами под колеса попадался асфальт, но лучше бы его не было. Глина, составляющая основную часть трассы, была укатана куда лучше. Но думаю, что в дождь на эту дорогу лучше не соваться.

Мы с Владимиром сидели на заднем сиденье, периодически подпрыгивая и вцепившись в дверные ручки (это нам водитель посоветовал. Полагаю, чтобы двери не отвалились), и он делился со мной впечатлениями от вчерашнего дня.

– Чокнутая страна, – говорил Владимир. – Чокнутые люди. Когда я шел по улице, мальчишки тыкали в меня пальцами и кричали «Кей-джи-би!», «Кей-джи-би!». Это ведь КГБ на их языке, да?

– Да, – сказал я, не став уточнять, что «их язык» называется английским.

– Все на меня очень странно смотрят.

– Я же говорил, нас тут принимают за шпионов.

– Шпионы – это которые не наши, – веско сказал Владимир. – Наши – это разведчики.

– А если не считать местных, к вам никто не подкатывал? – спросил я. – Станных разговоров не вел?

– Например, кто?

– Другие разведчики.

– Другие разведчики – это как раз шпионы, – сказал Владимир. – А к тебе кто подходил?

– Кто только ко мне не подходил, – сказал я.

– Чокнутая страна, – сказал Владимир. – Повидаюсь с Коляном, и свалим отсюда к чертовой матери. Я думал, тропики, экзотика, курорт, позагораю, поваляюсь на пляже, в кои-то веки отдохну где-нибудь, кроме Турции и Египта... В гробу я такие курорты видал. Сегодня они орут «Кей-джи-би!», а завтра перо в бок сунут. Чисто на всякий случай...

Транспорта на местной дороге было немного. За все время поездки – уже больше часа – мы обогнали один автобус и два грузовика. Еще два грузовика проехали нам навстречу. Легковушек тут вообще не было.

Похоже, они все остались в городе.

Вчерашние посиделки с Холденом кончились тем, что мы оба нажрались и пьяные купались в океане. Потом мы пошли в какой-то небольшой бар, расположенный прямо на пляже, там добавили, и Холден заявил, что продемонстрирует мне преимущества классического английского бокса над нашим «долбаным самбо». Для наглядной демонстрации он пытался спровоцировать на драку пятерых зашедших в бар аборигенов, но аборигены слишком хорошо знали Холдена и драться с ним отказались. Тогда он немного побоксировал с тенью, причем, судя по его маневрам, теней было штук пять как минимум, всех победил, выпил текилы, упрашивал бармена дать ему в морду, чтобы показать, как истинный англичанин умеет держать удар, но в морду так и не получил, после чего отправился дрыхнуть в свое бунгало.

Ко мне он не цеплялся. Полагаю, это было одним из проявлений корпоративной солидарности.

И эти люди обвиняют нас в алкоголизме...

Я порывался его проводить, так как у меня были сильные сомнения в том, что британский суперагент сможет самостоятельно найти дорогу домой, но бармен меня отговорил, заявив, что сегодня Холден выпил не так уж и много и способен добраться до бунгало и в худшем состоянии. Почему-то я поверил бармену на слово и отправился в отель.

Не знаю, в котором часу вернулся Владимир, но утром в местное кафе мы выползли почти одновременно. После завтрака я вызвал такси, и мы отправились «смотреть домик Коляна».

Мы проехали мимо небольшой деревеньки, в которой жили индейцы. Главной изюминкой их архитектурного стиля были крыши. Крыши были разные, из тростника, из черепицы разных оттенков, из листового железа, причем эти листы раньше явно были бочками, над которыми хорошо поработали кувалдой. Количество стен в домах варьировалось от четырех до одной, что говорило в пользу местного климата. В одном доме вообще не было стен, и крыша покоилась на четырех столбах. Внутреннее убранство дома было открыто всем любопытным взглядам. Очевидно, это было сделано исключительно из хвастовства, потому что помимо развалин мебели в доме стояло древнее пианино. Более странного зрелища мне до сих пор видеть не доводилось.

Минут через двадцать после деревни таксист свернул с основной дороги в джунгли, и дорожное полотно стало еще хреновее. Теперь чуть ли не каждая колдобина подбрасывала нас к потолку. Наверное, было бы безопаснее заказать кабриолет.

Вскоре дорога уперлась в забор. Забор был глиняный и очень высокий, не меньше трех метров.

– Узнаю Коляна, – улыбнулся Владимир. – Он всегда был немного параноиком.

Я расплатился с таксистом, и он свалил в город. Предполагалось, что заночуем мы здесь, а потом Колян отвезет нас обратно на своей машине.

Ворота и калитка, когда-то покрашенные в веселый зеленый цвет, но теперь большей частью ржавые, оказались закрыты. Поскольку звонка, переговорного устройства или камер наблюдения не обнаружилось, Владимир принялся дубасить в ворота кулаком, а потом и ногой.

После третьего удара калитку нам открыл какой-то индеец. Он буркнул, что «хозяин» ждет нас в доме, дождался, пока мы войдем, закрыл за нами калитку и скрылся в неизвестном направлении. Наверное, сумки таскать не хотел.

Хорошо еще, что Владимир оставил номера в отеле за нами и взял с собой не все свои вещи.

По меркам Рублево-Успенского шоссе, жилище Коляна действительно было домиком. Скромный двухэтажный особнячок с большой террасой и колоннами на входе. Дом явно был построен когда-то очень давно, кажется, такой стиль называется викторианским. Наверное, его построил какой-нибудь богатый плантатор, и произошло это не раньше чем в середине позапрошлого века.

Колян – высокий, пузатый и загорелый, в шортах и майке – стоял на крыльце и являл собой образец латиноамериканского гостеприимства: на его лице была широкая белозубая улыбка, а в руках дробовик.

Специально в нас он не целился, просто дуло было направлено в нашу сторону.

– Не понял юмора, Коля, – сказал Владимир.

– Отойди в сторону, Вова, – сказал Колян.

Владимир сошел с дорожки на газон, закурил сигарету и с интересом уставился на Коляна. А Колян в свою очередь не сводил глаз с меня.

Но заговорил почему-то с Владимиром:

– Ты кого сюда привез, Вова?

– Это Леха. Мой переводчик.

– Ага, – сказал Колян. – Это теперь так называется, да?

– А в чем дело? Что «так называется»? – любопытствовал Владимир.

– Даже досюда дошли слухи, что в городе объявились агенты КГБ, – объяснил Колян. – Что удивительно, их появление совпало с вашим

прибытием. В тебе-то я уверен, Вова, а как насчет твоего спутника?

– Бывший студент, безработный, – сказал Владимир. – Мне его сотрудник посоветовал. Сказал, что парень все языки знает.

– Сотрудник, говоришь? И насколько ты веришь этому сотруднику?

– А насколько вообще можно верить человеку, которому платишь деньги? – задал вполне философский вопрос Владимир.

– Зависит от того, сколько денег ты ему платишь, – парировал Колян.

– Достаточно, – сказал Владимир.

– Сейчас проверим. Эй, ты!

– Вообще-то меня Алексеем зовут, а не «Эй, ты», – сказал я.

– Положи сумку на землю, Алексей, – сказал Колян. – Только медленно.

Поскольку на этот раз дробовик целил мне прямо в живот, пришлось подчиниться. Должен сказать, неприятное это чувство – быть у кого-то на мушке. Вдвойне неприятно, если этот кто-то – разыскиваемый преступник, прячущийся от российского правосудия в латиноамериканской стране, где вся полиция работает на «Интеллидженс сервис», доброжелательно относится к шпионам и плюет на соблюдение законов.

– А теперь подними рубашку и повернись, – скомандовал Колян. – И тоже медленно.

– У меня нет с собой альпенштока, – сказал я.

Спустя полчаса мы уже сидели на террасе, потягивали холодные коктейли, курили сигары и обсуждали текущую ситуацию.

– Тихая и мирная была страна, – рассказывал Колян. – Никаких волнений, хунт, переворотов, в которые так любят играть латиносы. Здесь это никому на фиг не нужно. Маленькое аграрное государство. Достаточно небогатое, чтобы на доллары здесь можно было купить многое. Этот домик мне обошелся всего в двадцать тысяч. Плюс десятка на модернизацию и ремонт. Я тут небольшой кусок леса прикупил, живу спокойно, красным деревом торгую помаленьку. А полгода назад начала твориться какая-то хрень.

– Какая именно хрень? – спросил Владимир.

– Твой гэбэшник тебе не рассказал?

– Я думал, мы уже разобрались, что я не гэбэшник, – сказал я. – И вообще, это уже больше десяти лет как ФСБ называется.

– Как ты трамвай ни называй, летать он все равно не будет, – сказал Колян. – Ладно, я верю, что ты не гэбэшник. Гэбэшникам такие сложные легенды не нужны. Грохнули бы по-тихому, и все дела.

– С тех пор как ты уехал, у нас два президента сменилось, – сказал Владимир. – Тебя уже никто не ищет. Или ты золото партии с собой прихватил?

– Было бы у меня золото партии, не здесь бы я сидел, – хохотнул Колян. – Короче, примерно полгода назад случилось тут нехилое землетрясение. Причем со светомузыкой. Чего-то в джунглях полыхнуло очень сильно. На полнеба отсветы были. Сначала думали, метеорит.

– Но это был не метеорит, – сказал я.

– Откуда знаешь? – насторожился Колян.

– Догадываюсь. – Если бы это был метеорит, кратер со спутника было бы видно, не то что с самолета. Холден бы мне про это давно уже выложил.

– Да, не метеорит, – согласился Колян. – Пожара, как выяснилось, тоже не было. Правительство туда пару экспедиций посылало, ничего, кроме поваленных деревьев, не нашли. И тех немного. В общем, решили списать все на подземный толчок. А светомузыку объяснили чем-то вроде локального оптического феномена. Вроде северного сияния, только в тропиках. Потом индейцы стали какие-то сказки рассказывать. Не городские индейцы, и даже не те, мимо которых вы сегодня проезжали. Дикие индейцы, которые в джунглях живут и с оседлыми индейцами иногда пересекаются по поводу товарообмена. Стали они рассказывать сказки, что поселились в джунглях новые боги. Невнятно так. Короче, никто им, естественно, не поверил. Типа, мало ли что дикарям померещилось. Но у индейцев нашли вот это. – Колян сунул руку в карман и выложил на стол круглый кусок металла. Металл ярко блестел на солнце. – Золотой испанский дублон времен Кортеса, – пояснил Колян. – Притом что самого Кортеса в здешних краях никогда не было.

– Мало ли как сюда монету занесло, – возразил Владимир. – Времени-то прошло достаточно.

– Это да, – согласился Колян. – Только золото оказалось очень высокой пробы. Из такого даже ювелирные украшения не делают, не то что монеты.

– Фальшивка? – уточнил Владимир.

– Фальшивка, но более качественная, чем оригинал.

– Мало ли мистификаторов, – сказал Владимир. – Кто-то решил пошутить. Пусть и дорого, но за свои деньги.

– Над индейцами? – усомнился Колян. – Эти монеты чисто случайно на свет выплыли. Их немного. Штук пятьдесят, не больше. Мне моя в три сотни баксов обошлась. И это еще считается дешево.

– Может быть, индейцы вам просто не все показали?

– Исключено, – сказал Колян. – Бесхитростные они ребята, истинную

цену этим монетам все равно не знали. Когда у них спрашивали, где они взяли деньги, индейцы ответили, что боги им подарили. Те самые.

– Было бы логично попросить этих индейцев отвести кого-нибудь к тем богам, – сказал Владимир.

Холден со товарищи давно бы до этого додумался.

– Были экспедиции, – сказал Колян. – Сначала просто любопытные лазили, потом правительство парочку снарядило, потом и разведчики всех мастей подтянулись.

– Никто не вернулся? – спросил Владимир.

– Все вернулись, – сказал Колян. – Но никто ничего не нашел. Индейцы объясняют это тем, что новые боги – это индейские боги и чужим они не видны. А чужими они даже городских индейцев считают.

– Бред какой-то, – сказал Владимир.

– Это еще не все, – сказал Колян. – Землетрясений больше не было, но светомузыка продолжается и по сей день. Полыхает знатно, причем каждые две недели. Под утро. И продолжается эта фигня от пяти до двадцати секунд. Индейцы утверждают, что таким образом сошедшие на землю боги общаются с теми богами, кто остался там. – Колян ткнул пальцем в небо. Попал. – Более того, самые старые из них говорят, что такая фигня здесь уже случалась.

– Когда? – уточнил Владимир.

– Примерно сто лет назад. Их версия гласит, что тогда индейцы чем-то обидели богов и те ушли на время, чтобы вернуться, когда люди станут более совершенными.

– Они большие оптимисты, если вернулись так быстро, – заметил Владимир. – А вот насчет ста лет – сомнительно. Неужели есть такие, кто на самом деле это помнит?

– Древние индейские предания передаются из уст в уста, – хмыкнул Колян. – Конечно, точные сроки не подгонишь, календарей у индейцев нет до сих пор. В смысле, цивилизованных календарей. А когда переводишь что-то из их системы мер в нашу, данные могут быть не точны.

– А как часто тут вообще бывают землетрясения? – спросил я.

– За все то время, что я здесь живу, было только одно, – сказал Колян. – Что было раньше, не знаю. Я не интересовался подобной статистикой.

Холден ею наверняка интересовался. Жалко, что я прошляпил папку шефа Маркеса. Наверняка там все это было. Вернусь в город, надо за новой сходить. Теперь-то я уж по крайней мере буду знать, что искать во всех этих документах.

– Понятно одно – в стране становится беспокойно, – сказал Колян. –

Если в ближайшие полгода все это не устаканится, надо сворачивать свой бизнес и перебираться в другое место. В Эквадор, например. Собственно, по этому поводу я и хотел с тобой поговорить. – Колян выразительно посмотрел на Владимира.

– Лех, ты погуляй где-нибудь, а мы о делах наших скорбных покалякаем, – сказал Владимир.

– Весь дом в твоём распоряжении, гэбэшник, – ухмыльнулся Колян. – Не суйся только в те комнаты, которые закрыты на ключ. Там я храню трупы своих бывших жен и особо любопытных гостей.

– Понятно, маркиз, – сказал я и ушел «куда-нибудь погулять». Впрочем, свой коктейль и сигару я с собой прихватил.

В библиотеке я нашел компьютер с выходом в Интернет, и мое мнение о Белизе сильно улучшилось. Хотя, если в стране есть мобильные телефоны, почему бы тут не быть доступу во Всемирную паутину? Разумеется, скорость загрузки страниц была медленной, но я и не в игры играть собирался.

Конечно, нехорошо без спросу пользоваться чужим компьютером, но Колян сказал, что весь дом в моем распоряжении, если не считать запертых комнат, а библиотека не была заперта. И я подумал, что, раз компьютер является частью дома, я вполне могу им воспользоваться. Тем более что я не собирался искать какие-то секретные файлы, которые Колян мог хранить на своем винчестере.

Думаю, он их как раз где-нибудь под замком хранит.

Я вылез в Сеть и затребовал по Белизу всю информацию, которая валялась в свободном доступе.

«Гугл-карты» грузился очень долго, и в итоге никаких черных пятен или кратеров от падения метеорита там не обнаружилось. Также нигде не было ни одного упоминания о «локальном оптическом феномене».

Все остальное меня мало интересовало. Средняя продолжительность жизни, валовой продукт, прирост рождаемости... Это все фигня, к делу отношения не имеющая. Впрочем, я и не рассчитывал найти в Интернете ничего нужного. Скорее всего, и местная папка, которую выдают всем новоприбывшим разведчикам, тоже ситуации не прояснит.

Холден и все остальные считают, что ответ можно найти только в джунглях. Значит, надо идти в джунгли.

Странно, но в тот момент я не сомневался, что идти надо.

Это был как раз тот шанс, что представляется раз в жизни. Ну, может быть, два, но уже далеко не всем. Мой шанс на приключение, мой шанс

раскопать что-то значительное, что позволит мне сделать имя в журналистском мире. Вернее даже, просто сделать себя. Понятно, что вероятность добиться успеха там, где потерпели поражение представители ведущих разведок мира, весьма невысока, но если я даже не попробую что-то сделать, я никогда в жизни себе этого не прощу.

Но и лезть в джунгли без оглядки я не собирался. Сначала надо собрать максимум информации в городе. Хотя бы узнать, в какой именно район джунглей надо лезть за ответами.

А еще следует позаботиться о том, чтобы в случае успеха мне не оторвали голову эти самые представители ведущих мировых разведок. Кстати, странно, что здесь нет никого из нашей страны. Или они есть, но лучше шифруются? Или базируются в другом городе?

Этот вопрос тоже следовало прояснить.

Может быть, наши доблестные разведчики просто не стали играть в эту игру и действуют с территории той же Мексики или Гватемалы. Вроде как во времена СССР был такой приемчик у ГРУ, когда на задания в одной стране всегда ходили люди, сидящие под крышей посольства в соседней. Мол, если даже и засыплются и влетят на «персона нон грата», им все равно по барабану – база у них там, где они ничего незаконного не делали. Точно этого никогда не узнаешь. Но в городе их, скорее всего, нет. Иначе меня не приняли бы за одного из них.

В любом случае действовать надо по ситуации. Неизвестно, что за информацию можно добыть в джунглях и способна ли она как-то повлиять на обороноспособность страны.

То, что Холден, дядя Том, «этнограф» Бен и прочие ребята так думают, еще не означает, что так оно и есть. Они разведчики и обязаны исходить из худшего варианта. Может быть, объяснение окажется безобидным и даже забавным. И все участники этой операции здорово поржут над этим, когда соберутся вместе где-нибудь в Зимбабве.

Владимир с Коляном «калякали о скорбных делах» до самого вечера. Потом симпатичная мулатка сервировала нам стол на той же террасе. После ужина старшие товарищи заперлись в кабинете, то ли продолжая обсуждать совместный бизнес, то ли просто вспоминая славные былые деньки. Поскольку переводчик им не требовался, я вышел побродить по территории поместья и побеседовать с местным населением.

Забором было обнесено несколько гектаров земли. Помимо особняка имели место несколько хозяйственных пристроек, домик для прислуги, бассейн и фруктовый сад. В общем, неплохо устроился Колян на

гостеприимной белизской земле.

Местное население – симпатичная мулатка и индеец-привратник, он же садовник, он же все остальное – было не прочь поболтать, но ничего полезного рассказать не смогло. Накормив их байками о холодной стране, где по улицам бродят медведи, пьющие водку и играющие на балалайках, я отправился в свою комнату и закатился спать.

ГЛАВА 5

В общей сложности мы проторчали на Коляновой вилле три дня. Старшие товарищи постоянно квасили и беседовали за жизнь, а я был предоставлен сам себе и умирал от скуки. Никаких развлечений, кроме плавания в бассейне, телевизора, показывающего всего три канала, и Интернета, отключающегося сразу после захода солнца (вот такая странная фигня. Особенности латиноамериканского трафика, не иначе), здесь не было.

Казалось бы, живи и радуйся – тропики, джунгли, экзотика... Но душа жаждала действий. За эти три дня я очень хорошо понял Генри Холдена, спивающегося на роскошном пляже от безделья. А ведь он провел тут куда больше времени, чем я.

Поскольку Владимиру не нравились все эти шпионские игры, он изъявил желание покинуть страну как можно быстрее. Колян доставил нас в город на своем джипе, более подходящем для поездок по местным дорогам, чем древнее такси, и я с утра отправился в аэропорт, чтобы договориться о чартерном перелете в Мексику. Вернувшись, я сообщил Владимиру, что обратно он полетит уже один.

Он попробовал возмутиться, дескать, он нанял меня в качестве переводчика, а в Мексике и США вряд ли говорят по-русски, и мне пришлось его долго уговаривать. В итоге я составил ему разговорник из нескольких фраз, которые могли пригодиться при общении с персоналом аэропортов, а он снизил мой гонорар с трех до двух тысяч долларов, но для меня это было уже непринципиально. На две тысячи долларов в Белизе, не особо шикаря, можно прожить год. А если постараться экономить, то и полтора. Я же не собирался задерживаться здесь на столь долгое время. Главное, чтобы хватило денег на обратный билет.

Пока Владимир еще не улетел, я сходил к шефу Маркесу и выпросил у него еще одну папку. Шеф понимающе улыбнулся, папку выдал и дружелюбно пожал мне руку.

Чтобы не терять даром времени, я приступил к изучению документов уже в тот же день.

В принципе ничего нового там не было. Все то же, в более сжатой форме, мне уже рассказал Колян.

Странное золото, землетрясение, зарево над джунглями. Единственная деталь, о которой Колян не мог знать, это то, что вспышки сопровождаются

выбросом тепловой энергии, повышающей температуру окружающей среды примерно на пять градусов. Зона температурного феномена исчислялась десятками квадратных километров джунглей, что говорило о нехилом количестве энергии, но все-таки сужало район поисков.

Сия информация была получена при помощи спутника. Сомневаюсь, что у Белиза был свой спутник. Скорее всего, эти страницы шефу Маркесу подкинул Генри Холден.

На следующий день Владимир улетел в Тихуану, а я прямо из аэропорта отправился на пляж. Все-таки не каждый день представляется возможность искупаться в Карибском море.

Когда я вдоволь наплавался и вылез из воды, рядом с моими вещами обнаружился Генри Холден. Он курил свою неизменную сигару, но был трезв.

– Аналитик улетел, – сказал он. – И теперь совершенно неважно, был ли он аналитиком или просто прикрытием. Его отлет означает только одно – ты собрался лезть в джунгли.

– Как быстро здесь распространяется информация.

– Маленький город, маленькая страна, – пожал плечами Холден. – Я не мог не заметить, что у тебя нет снаряжения для похода в джунгли.

У меня и рации нет. И радистки Кет тоже. Даже «вальтером-ППК» и тем не обзавелся. Неправильный я шпион.

– Я решил закупить все на месте, – сказал я. – Какой смысл тащить снаряжение через половину земного шара?

– Никакого, – согласился Холден. – А еще тебе понадобится проводник.

– Найду какого-нибудь индейца.

– Запросто, – снова согласился Холден. – Если он потребует больше двадцати долларов в сутки – это обдираловка. Американских долларов, конечно. Не местных.

– Запомню.

– Предлагаю сделать ход конем, – сказал Холден. – Моего снаряжения хватит на двоих. И я облазил тот район вдоль и поперек. Могу пойти с тобой.

– Интересное предложение. – Я опустился на теплый песок и достал сигарету из пачки. – А не возникнет ли тут конфликта национальных интересов?

– Не думаю, – сказал Холден. – Все равно мы ничего не найдем. А я хоть развлекусь.

– А чего один не пойдешь? – спросил я.
– Скучно. С индейцами даже поговорить не о чем.
– Это очень неожиданное предложение, – сказал я. – Мне надо его обдумать.

– Валяй, думай, – согласился Холден.

Вообще заманчивое предложение. В том случае, если наша экспедиция достигнет успеха, Холден может помочь мне выбраться из страны. Если сам пулю не всадит.

Допустим, мы найдем информацию, важную для национальной безопасности. Тогда Холдену лучше бы знать, что я не из разведки. Можно будет попросить политического убежища в Англии, а потом передать информацию на Родину. А уже потом накатать статью и жить на дивиденды.

Если мы что-то найдем.

Если Холден меня не пристрелит.

Если мы сумеем выбраться из страны.

Если меня не пристрелят те, кто стоит за Холденом.

Если в Англии мне удастся выбраться из-под опеки «Интеллидженс сервис».

Слишком много этих «если».

А если ему отказать? И отправиться в джунгли с каким-нибудь индейцем? Тогда меня тупо грохнут при возвращении. Или тупо грохнут в джунглях. Там ведь до сих пор китайцы ползают, если Холден не врет.

– Девяносто восемь процентов из ста, что мы ни хрена не найдем, – сказал Холден. – Один процент, что все факты, которые у нас есть, не связаны между собой и золото Кортеса не имеет никакого отношения к свечению над джунглями. Полпроцента на то, что это свечение – какой-то локальный феномен. И только полпроцента, что это что-то важное. Но, честно говоря, я в это уже не верю. Как какое-то сияние может повлиять на обороноспособность страны, находящейся в другом полушарии?

Интересно, это он сейчас меня уговаривает или себя?

– В крайнем случае мы можем решить вопрос джентльменским поединком, – сказал Холден.

– На шпагах биться будем?

– Хоть на лопатах, – сказал Холден. – Ты пойми, мы сейчас не в фильме про Джеймса Бонда. Такой исход маловероятен.

– Тогда почему здесь столько народу из разведки сидит?

– На всякий случай, – сказал Холден. – Знаешь, как это обычно бывает. Кто-то у нас решил перестраховаться. Американцы это просекли и в свою

очередь решили перестраховаться. А потом и остальные подтянулись. Цепная реакция. Или стадный инстинкт. Разведчики – тоже люди.

– Двадцать первый век, буйство информационных технологий, – рассуждал Холден, размахивая мачете. Сейчас была его очередь идти первым и прорубать дорогу в джунглях. – У нас есть спутники, позволяющие разглядеть родинку на заднице террориста. При том условии, что террорист голый и в пустыне. Но все наши технологии оказываются бесполезными, когда дело касается джунглей или городов. Я всегда говорил, ничто в разведке не способно заменить простого человеческого глаза. Главное, чтобы этот глаз оказался там, где надо. И тогда, когда надо. Понимаешь, о чем я, Алекс?

Я кивнул, потом сообразил, что глаз на затылке у него нет, и промычал что-то невразумительное в знак того, что я понимаю. Если и сообщать Холдену, что я не имею никакого отношения к спецслужбам, то только не сейчас. Мы еще очень недалеко отошли от его джипа.

Да, часть пути нам удалось проделать на машине. У Холдена оказался вполне приличный «лендровер», который он хранил в гараже при центральной автомастерской города. Когда дороги сменились тропами, «лендровер» показал все, на что он способен. Но дальше того места, где мы его оставили, не смог бы проехать даже танк.

Мы покидали город ночью, но оказалось, что из Белиза нельзя уехать незамеченными. На окраине города мы обнаружили стоявшего на обочине дядю Тома, который выразил желание попрощаться с нами лично.

Рядом с дядей Томом стояло такси с работающим двигателем. Видимо, он только ради нас сюда и приехал. А может быть, бордель мадам Луизы находится где-то поблизости.

– Удачи вам в джунглях, парни, – сказал дядя Том, фотографируя нас на память. – И не забывайте про авианосец.

Я принял предложение Холдена, потому что:

- а) таким образом я мог сэкономить на покупке снаряжения;
- б) таким образом я мог сэкономить на услугах проводника;
- в) почему-то мне казалось, что в случае чего я смогу с Холденом договориться. Он показался мне довольно дружелюбным и вменяемым парнем. Конечно, он разведчик, а все разведчики – профессиональные лжецы, но альтернативные варианты казались мне еще хуже;

- г) в глубине души я все-таки не верил, что мы можем найти что-то полезное, и воспринимал поход в джунгли вместе с представителем британской разведки как незабываемое приключение, которое вряд ли

когда-нибудь повторится. А репортаж можно будет сделать и на основании тех фактов, что у меня уже были.

Локальные оптические феномены и буйство спецслужб по поводу оных. Сие не сенсация, конечно, но тоже довольно любопытно.

Холден весьма удивился, когда обнаружил, что у меня нет оружия. Впрочем, он тут же одарил меня пистолетом из своих запасов. Это был Glock, штукovina, которую я только в кино видел. Из фильмов я знал, что стоит такой пистолет очень дорого и далеко не каждый может его себе позволить. Glock – оружие профессионалов.

На мой вопрос, не боится ли Холден вооружать своего потенциального противника, британский агент расхохотался.

– Мы идем в джунгли, – сказал он, отсмеявшись. – Джунгли – это не город. Там совсем другие правила. Если мы встретим ребят из МГБ, этих чертовых китайцев, мы не будем раскланиваться друг перед другом и подкидывать шляпы в воздух. Придется стрелять.

Заманчивая перспектива, подумал я тогда. Черт побери, во что же я лезу? Точнее, во что же я уже влез?

– Хочу тебя предупредить, я отменный стрелок, – продолжал Холден. – Так что если дело вдруг дойдет до благородного поединка, я даже могу предоставить тебе право первого выстрела. Я – джентльмен старой школы, знаешь ли.

Сейчас, с рюкзаком, в брюках и рубашке цвета хаки, в высоких армейских ботинках, он действительно напоминал колонизатора тех времен, когда Англия была великой империей. Этаким денди, который мог быть светским львом где-нибудь на Пиккадилли, что не мешало ему полгода спустя охотиться на тигров в Бенгалии и подавлять восстание сипаев, утопая по колено в грязи.

Для полноты образа не хватало только пробкового шлема, который Холден заменил уже лет двести не выходящим из моды «стетсоном». Впрочем, я был одет так же. Наша одежда покупалась в одном магазине.

Но колонизатором я себя не чувствовал. Чем дальше мы углублялись в джунгли, тем больше я утверждался в мысли, что я идиот.

Через час Холден заявил, что у него устала рука, и настал мой черед поработать мачете. Должен сказать, что у меня рука устала куда быстрее. Тот, кто считает, что прорубать дорогу в джунглях это все равно что выпалывать сорняки на подмосковных шести сотках, крупно заблуждается.

Но, поскольку мне не хотелось ударить в грязь лицом перед британским «коллегой», я продолжал размахивать мачете, которое с каждым новым взмахом становилось все тяжелее и тяжелее.

– Я родился и вырос в Лондоне. – Судя по звукам за моей спиной, Холден только что закончил раскуривать сигару. До меня доносился слабый запах табака. – Когда живешь в городе, слабо представляешь, что в мире могут быть места, подобные этому.

– А когда живешь в местах, подобных этому, слабо представляешь, что где-то есть такие города, как Лондон, – сказал я.

– Это верно, – согласился Холден. – Я соскучился по метрополии, Алекс. Я хочу выпить пива в нормальном английском пабе. Я хочу сходить на футбол и посмотреть, как возрожденная вашим бизнесменом «Челси» разносит в пух и прах «Манчестер Юнайтед». Я соскучился по крикам толпы на стадионе «Ли Энфилд». Я соскучился по своему «Астон Мартину» и нормальным асфальтированным дорогам. А еще я соскучился по женщинам, чья кожа бледнее моей.

Оказывается, и мулатки могут надоесть.

– Наверное, мне придется уйти в отставку, – сказал Холден. – Я не хочу сидеть в посольстве в Зимбабве, там женщины еще темнее. И перебирать бумажки в кабинете я тоже не хочу. Черт побери, у меня ведь не так много опыта полевой работы. А на скольких заданиях успел побывать ты, Алекс?

– Была пара дел, – неопределенно ответил я. – Ничего особо серьезного.

Интересно, а нас не демаскирует запах его сигары? Вряд ли, учитывая, что мы издаем шум, как продирающееся через джунгли стадо слонов. А это всего-то продирающаяся сквозь джунгли пара человек.

– Тут есть пара индейских троп, которыми мы могли бы воспользоваться, – сказал Холден, словно прочитав мои мысли. – Но это крюк километров в двадцать. А так мы уже к вечеру выйдем на более-менее нормальное пространство, когда нам не нужно будет бороться за каждый шаг.

– Звучит оптимистично.

– А я вообще оптимист, – сказал Холден и тут же поправился: – Был. Пока в эту чертову страну не приехал.

В джунглях темнеет быстро и неожиданно. Словно кто-то поворачивает выключатель, и на джунгли спускается тьма. По крайней мере, так мне показалось.

К этому времени мы продрались через труднопроходимый участок и вышли на относительно чистое пространство. Здесь махать мачете приходилось не на каждом шагу, а через один. Иногда и через два.

Когда световой день кончился, Холден предложил устроить привал, и я не стал возражать. Моя физическая форма была далека от идеала, и в организме болели даже те мышцы, о существовании которых я раньше и не подозревал.

Обустройство временной стоянки Холден взял на себя. Натаскал дров, развел костер, повесил над огнем котелок с водой, чтобы сварить кофе. Из города мы захватили кое-какие припасы, не считая армейского сухпайка, которым британский агент собирался воспользоваться в самую последнюю очередь, когда все остальные возможности наполнить желудок будут исчерпаны.

– Сухпак – это средство для того, чтобы не сдохнуть с голоду, – объяснил Холден. – И британский сухпак, как ты должен знать, ничем принципиально не отличается от сухпайка армии любой другой страны. Максимум питательной ценности, никаких вкусовых качеств. Скорее, даже отрицательные вкусовые качества. Ветераны рассказывают, что подошвы некоторых видов обуви гораздо приятнее на вкус. Сам не пробовал, врать не буду. Подошвы, в смысле, не пробовал. Сухпай пробовал. Гадость.

После целого дня физической работы на свежем воздухе у меня дико разыгрался аппетит, и копченое мясо с индейскими лепешками показались мне верхом кулинарного изыска.

К тому времени как мы покончили с едой, кофе был готов, Холден разлил горячий напиток по походным кружкам, и мы с удовольствием закурили.

– Костер можно не тушить, – сказал Холден. – Дикие звери к огню не сунутся, индейцы тоже. Они каким-то образом чувствуют, когда огонь жгут белые люди. Наверное, что-то мы не так делаем.

– А китайцы? – спросил я.

– Китайцев костром не отпугнешь, – согласился Холден. – Но они ведь и без костра нас найти могут. Нация, которая развивается с очень большой скоростью. И это пугает. Впрочем, вас это должно пугать в первую очередь. Если они захотят оттяпать у вас Дальний Восток, черта с два вы его удержите. А рано или поздно это случится.

– Ты так думаешь? – спросил я.

Потом подумал, что не стоит выказывать столь явную неосведомленность, и сообщил, что азиатским направлением мой отдел не занимается.

– Я видел карты, по которым китайские школьники учат географию, – сказал Холден. – На этих картах весь Дальний Восток обозначен как исконная китайская территория, незаконно занятая оккупантами – вами. То

есть вырастает целое поколение, искренне считающее весь Дальний Восток своим. Рано или поздно они захотят вернуть его себе. У них с демографией проблемы, знаешь ли. Перенаселение и все такое. Новые земли нужны, как воздух.

Наверное, те, кому это положено знать у нас, это все знают. И принимают какие-нибудь меры, чтобы не допустить экспансии. Хотелось бы на это надеяться, во всяком случае.

– Некоторые аналитики считают, что именно Китай будет доминирующей мировой державой в середине и конце двадцать первого века, – сказал Холден. – Обидно, когда бывшие колонии начинают диктовать свою волю во внешней политике.

– У вас почти весь мир – бывшие колонии, – заметил я.

– Да, предки неплохо размялись, – согласился Холден. – Жаль, другие предки, которые были чуть позже, не смогли удержать наши завоевания. Впрочем, это естественно. Все великие империи рано или поздно рушатся.

– США пока падать не собираются.

– Ерунда, – отмахнулся Холден. – Скоро такие ребята, как наш старый добрый Том, поймут, что одними только авианосцами всех проблем им не решить. Особенно внутренних проблем.

Честно говоря, я не знал, что у США есть большие внутренние проблемы, но задавать такой вопрос Холдену было бы совсем глупо. Должен же я хоть что-то знать, если уж назвался разведчиком.

– Дежурить будем по очереди. – Холден швырнул окурок сигары в костер. – На правах хозяина я возьму себе первую вахту. Разбужу тебя часа в два. К шести рассветет, позавтракаем и дальше пойдем.

– Договорились, – сказал я, забираясь в спальный мешок.

Сны мне обычно снятся цветные. Не каждую ночь, конечно, но довольно часто. И я всегда их запоминаю.

Наверное, к психиатру мне лучше с их пересказом не соваться. Потому что иногда мне снится полный бред. Хотя и с сюжетом.

Например, в тот день мне приснилась фраза: «Олень бежит сквозь тьму, поэтому мы должны довольствоваться тем, что есть, а поезд идет в депо». Эта фраза была начертана огненными буквами на абсолютно черном фоне, но особую пикантность фразе придает то, что сам сон касался изобретения в Саус-парке^[3] семафора. Изобретение было сделано благодаря тому, что в городе жил мальчик, похожий на деревянную вешалку.

Наверное, стоило бы промолчать, что в этом сне помимо обычных

персонажей вроде Картмана или Кенни принимал участие инопланетный розовый чебурашка-трансвестит, тяжело раненный в «Звездных войнах».

Иногда я подозреваю, что я неизлечим.

Или не те сигареты курю...

– Мое кун-фу сильнее твоего, – заявил Холден.

Логичное продолжение бреда, подумал я и проснулся.

Оказалось, Холден сказал это не во сне. И обращался он отнюдь не ко мне.

Присев на корточки, Холден разговаривал с трупом китайца, лежащим возле костра. В руке у Холдена был пистолет с глушителем.

Труп еще одного китайца лежал чуть поодаль. Третий наполовину вывалился из кустов, окружающих место нашей стоянки.

– Не обращай внимания на бред про кун-фу, – сказал Холден. – У меня есть друг, который утверждает, что после того, как ты кого-нибудь пристрелишь, надо обязательно сказать какую-нибудь глупость. Для психологической разрядки.

– Почему ты меня не разбудил?

– Китайцы кончились, – ухмыльнулся Холден. – Я не знаю, насколько хорошо ты стреляешь спросонок и как быстро ты смог бы включиться в ситуацию. Не волнуйся, я все контролировал.

– Я вижу, – буркнул я.

– Они давно на меня зуб точили, – сказал Холден. – Но в городе подступиться не рисковали. Город – негласная нейтральная территория. А тут – закон джунглей. На то они и джунгли.

Холден был прав, что не стал меня будить. В ситуацию я включился не сразу. Понадобилось несколько минут, чтобы до моего сознания дошло: шутки кончились. Даже если они когда-то и начинались.

Потому что мертвые тела были самыми настоящими мертвыми телами. И улыбчивый Холден на самом деле являлся не только профессиональным лжецом, но и хладнокровным убийцей.

Конечно, китайцы сами «зашли на огонек». Вряд ли они хотели просто попить с нами чая и поговорить за жизнь. По крайней мере тот, что лежал ближе всех к костру, сжимал в руках угрожающего вида армейский нож.

Холден перевернул другой труп и вынул из мертвых пальцев пистолет. Тоже с глушителем.

– Я дал им право сделать первый выстрел, – сказал Холден. – Но парнишка промазал.

Кора дерева, под которым сидел Холден во время ужина, была поцарапана. Вполне возможно, что и пулей.

– Ты всем предоставляешь возможность первого выстрела? – поинтересовался я.

– Не всем.

Холден обыскал трупы и свалил найденное оружие в кучу. А больше ничего при китайцах и не было. Очевидно, собираясь на вылазку, они оставили остальные припасы неподалеку.

Стреляли в Холдена. Значит, резать собирались меня. Что ж, похоже, британский агент спас мне жизнь. Другой вопрос, что, не будь его со мной, китайцы могли бы и не напасть.

Но тоже не факт.

Этой ночью мы больше не спали.

Холден свалил трупы в кусты и забросал ветками. Не знаю зачем. Можно подумать, зверей эти ветки остановят.

Потом он выудил из своего запаса сигару и стал мрачно курить, глядя в огонь. Мне тоже не спалось.

В своей московской жизни я не так часто видел трупы. И еще ни разу не наблюдал процесс их производства со столь близкого расстояния. Конечно, большую часть представления я проспал, но все же...

Эти люди пришли сюда, чтобы убить нас. Холден убил их. Все справедливо.

Взрослые мальчики играют в недетские игры.

Насилие – часть нашей жизни. И я предполагал, что в карьере журналиста могу столкнуться с насилием довольно близко. Но все равно оказался неподготовлен.

Впрочем, руки у меня не тряслись и голос не дрожал. Возникло только ощущение полной беспомощности – если бы не Холден, сам бы я с угрозой не справился и это мой труп сейчас лежал бы в кустах, а китайцы сидели бы около костра. И эта беспомощность мне не понравилась.

Холден был мужчиной. Профессионалом. Человеком, который делал свое дело. Я на его фоне выглядел обычным мальчиком, забравшимся в чужую песочницу и рассчитывающим на покровительство старших.

– Великая страна – Англия, – сказал Холден. – Мы подарили миру Шекспира, Байрона, «Битлз», Бэкхэма и «Гарри Поттера». Но моим кумиром с самого детства был агент 007. Почему я не умею убивать так же легко, как он?

– Это нормально, – сказал я. – Ты же не персонаж фильма. Ты – человек.

Банальность, конечно. Вряд ли она его утешит. Но что я мог еще

сказать?

– Зачем они полезли? – спросил Холден, и я понял, что он разговаривает не со мной. – Почему они просто не могли пройти мимо? Мы ведь ничего в этих чертовых джунглях не нашли. И я не думаю, что найдем. Так какого черта убивать друг друга? Просто так, без всякого повода? Зачем?

Убийца, но все-таки не такой уж и хладнокровный. Глядя на страдающего Холдена, я все же почувствовал себя несколько лучше.

Он разведчик, а не мясник.

Наверное, спецназовцы после зачистки очередной территории не задают себе тех же вопросов, что и Холден.

Когда над джунглями встало солнце, наш лагерь был уже свернут, мы выпили утренний кофе и были готовы продолжать путь. Тропический лес стал реже, и прорубать путь нам уже не приходилось.

По настоянию Холдена мы сделали небольшой крюк и посмотрели на пожитки агентов МГБ КНР, которые они оставили неподалеку от места своего упокоения. Армейские рюкзаки, радиопередатчик, немного припасов.

– Я не против мародерства, если оно оправданно, – сказал Холден. – Но в данном случае нам вполне хватит того, что у нас с собой.

Похоже, он боялся появления у гипотетического наблюдателя мыслей, что он пошел на убийство троих людей только ради еды. Очень щепетильный разведчик.

Фигня случилась через несколько минут после полудня.

Холден, как обычно, шел первым и показывал дорогу. Он не курил и больше не разговаривал, наверное, все еще переживал по поводу ночного происшествия.

Я был рад его молчанию и обдумывал варианты своего дальнейшего поведения. Стоит ли говорить ему, что я не агент, и как он отреагирует, если я ему такое скажу.

Похоже, я сделал глупость, решив предпринять собственное расследование и не улетев из Белиза вместе с Владимиром. Здесь не только пили и веселились на пляже. Здесь еще и убивали.

Я надеялся, что мы ничего не найдем, вернемся в город без дальнейших эксцессов, и я смогу спокойно покинуть эту страну, так и не посмотрев на хваленый авианосец дяди Тома и не заглянув в глаза «наших китайских друзей».

Холден рухнул молча, на половине шага. Разведчики так не падают. Он не пытался сгруппироваться, смягчить удар, перекатиться в сторону, уходя от опасности. Он просто рухнул, как будто его выключили. «Стетсон» слетел с головы, рюкзак чуть съехал набок.

Холден лежал и не подавал никаких признаков жизни.

Я не слышал выстрела и даже звука врывающейся в тело пули. Возможно, я и не мог ничего услышать за шорохом наших шагов. Выходит, китайцев было больше, чем трое. Или мы нарвались на еще одну группу.

Наверное, профессионал на моем месте упал бы на землю, одной рукой сдирая со спины сковывающий движения рюкзак, а другой доставая оружие. Одновременно с этим профессионал должен был бы осматривать джунгли цепким взглядом, пытаясь определить, откуда велась стрельба.

Но я не был профессионалом. Меня взяла оторопь.

Вместо того чтобы действовать по вышеизложенному сценарию, я склонился над Холденом, пытаясь определить, жив ли он и не требуется ли ему помощь.

И в тот момент, когда я перевернул тело британского агента на бок и не обнаружил на нем никаких видимых повреждений, меня тоже «выключило».

ГЛАВА 6

Проснулся я одним «рывком».

Бывает так, что человек во сне резко дергает рукой или ногой и сам от этого движения мгновенно просыпается. Вот так случилось и со мной.

Только я головой дернул.

Вздрыгнул, открыл глаза, перед глазами все белое.

Пару раз моргнул, и белое оказалось стеной.

В организме никакого дискомфорта не наблюдалось. Я лежал на кровати, все еще в походной одежде Генри Холдена, только без ботинок. Впрочем, ботинки обнаружились рядом.

Сама комната была небольшой, полностью белой и без окна. Дверь была покрашена такой же белой краской, как и стены, поэтому при первичном обзоре помещения найти ее не удалось.

Я сел на кровати и натянул ботинки. Заглянул под кровать. Рюкзака, свернутого спального мешка, пистолета и прочих моих вещей там не оказалось. Почему-то это меня не удивило.

Я прошелся по комнате. Тело слушалось безо всяких проблем, равновесия я не терял, с координацией движений тоже все было нормально. Нигде ничего не болело. Как же меня тогда вырубили? Или это был солнечный удар? У нас с Холденом одновременно?

Ну, допустим, я еще могу поверить, что солнечный удар мог быть у меня. У изнеженного городской жизнью парня, чей организм давно ослаблен алкоголем и никотином. Но чтобы от банальной жары свалился тренированный британский разведчик? Нонсенс.

Быть такого не может.

Дверь была очень плотно подогнана к коробке, в зазоры даже мизинец просунуть не удалось. Ручка с внутренней стороны отсутствовала.

Я толкнул дверь, она не поддавалась. Потянуть ее на себя не было никакой возможности.

Пришлось остановиться на мысли о том, что дверь заперта. Я сел на кровать и похлопал себя по карманам. Дико хотелось курить, но сигарет с собой не было. Карманы вообще оказались пусты.

Ну и где я? Непохоже это место на больницу захудалой латиноамериканской страны.

И вообще не так часто мне встречались комнаты без окон.

Сумасшедший дом? А почему я тогда в своей одежде? Или здесь

принято оставлять пациентам те шмотки, в которых они прибыли?

В любом случае непонятно, как я переместился из джунглей в сумасшедший дом.

Хм... Если это сумасшедший дом, то были ли вообще джунгли?

А одежда... Ну мало ли какие теперь в дурдомах пижамы...

Ага, и халаты у врачей странные. Или парень, который навестил меня примерно через час после моего пробуждения, совсем не врач.

На вид ему было лет сорок, и одет он был в некое подобие военной формы. Только я такой формы раньше никогда не видел.

На поясе висела кобура, из которой торчала странного вида хреновина. То ли электрошокер, то ли фаллоимитатор. Наверное, все-таки это был шокер. Кто бы стал таскать фаллоимитатор в кобуре?

Дверь открылась без единого звука. Открылась она, как я и догадывался, наружу. Только не вбок, как положено открываться любой уважающей себя двери, а вверх, как у спорткара. Очень своеобразное архитектурное решение.

– Меня зовут доктор Полсон. – Он смерил меня взглядом и положил руку на хреновину в кобуре. – Вы американец?

У доктора Полсона был неплохой английский. Но едва уловимый акцент говорил о том, что английский для него не является родным языком.

– Нет, – сказал я.

– Англичанин?

– Русский.

– Но тоже разведчик?

– Нет, просто мимо проходил.

– Смешно, – сказал доктор Полсон, даже не улыбнувшись.

Могу его понять – это была не самая лучшая моя шутка.

– А вы кто? – спросил я.

– Добрый плантатор.

– Тоже смешно, – сказал я. Или все-таки в местных джунглях оказалась перевалочная база Медельинского наркокартеля? А что, интересная версия. Тут до границы с Мексикой недалеко. А там и США рядом... – Но это все еще Белиз?

– Белиз, – сказал доктор Полсон. – Как себя чувствуете?

– Нормально.

– Это хорошо.

Два шага назад вывели его из комнаты, и дверь плавно опустилась на свое место. Славно поговорили.

Сложно сказать, сколько времени я провел в одиночестве. Часов не было, окна, чтобы наблюдать за сменой дня и ночи, тоже, свет мне не выключали.

В конце концов мне стало скучно, и я лег спать.

Проснулся от того, что меня трясли за плечо. Трясущий оказался не доктором Полсоном. Это был мужик примерно того же возраста и в такой же одежде, но выглядел он раза в два мощнее, чем subtilный доктор.

Не знаю почему, но я решил, что он военный.

Представяться он не стал.

– Сядьте, – сказал он.

Я сел. Почему бы не сесть, если человек просит? Вежливость еще никогда никому не вредила.

Мужик устроился на стуле посреди комнаты. Стул он, видимо, с собой принес, потому что до его визита единственным предметом мебели в комнате была моя кровать.

В руках у мужика был включенный КПК^[4] неизвестной мне модели. Не иначе технологическая новинка.

– Ваше имя?

– Алексей Каменский. А ваше?

– Возраст? – Мой вопрос он проигнорировал. Уж не захватили ли меня сотрудники еще какой-нибудь спецслужбы? И какая страна постаралась?

– Двадцать три.

– Год рождения?

– А сами вы посчитать не можете?

Он вздохнул.

Я отметил, что у этого парня точно такая же кобура, как у доктора Полсона. И торчит из нее очень похожая хреновина.

– ФСБ?

– Нет.

– ГРУ?

– Нет.

– А что тогда?

– Журналист. Безработный. – Я решил, что честность – лучшая политика. Потому что не мог сообразить, как мне выгоднее врать.

– Что безработный журналист делал вместе с агентом «Интеллидженс сервис»?

– Совершал променады по джунглям? – попытался угадать я.

Значит, Холден раскололся. Странно. Я думал, он покрепче. Профессионал все-таки.

- Холден сказал, что вы – русский агент.
- Я его обманул.
- Может быть, вы пытаетесь обмануть меня?
- А смысл?

Он нахмурился.

- Как по-вашему, где вы сейчас находитесь?
- Понятия не имею, – признался я.
- И вы не русский агент?
- Я русский. Но не агент.

Он вздохнул, выключил КПК и сунул его в нагрудный карман. Его правая рука отточенным профессиональным движением скользнула вниз, и уже через миг похожая на фаллос хреновина покинула кобуру и оказалась направлена на меня. При этом все остальное тело оставалось неподвижным, и у меня сложилось впечатление, что правая рука этого типа живет своей собственной жизнью.

- Э-э-э... может, еще поговорим? – предложил я.

И тут меня снова «выключило».

Очнулся я в кресле. Тревожным был тот факт, что я к этому креслу оказался привязан. Причем намертво. Руки и ноги были зафиксированы так плотно, что я мог шевелить только кончиками пальцев.

Головой тоже не покрутишь.

Хотелось надеяться, что это не электрический стул, но именно такая ассоциация пришла мне на ум первой.

Помещение было немногим больше, чем первое, но его выгодно отличало наличие мебели. Одна стена была полностью занята аппаратурой непонятного назначения. Еще в поле зрения имелись доктор Полсон и второй мужик. Тот, который меня вырубил.

- Как себя чувствуете? – поинтересовался Полсон.
- Все еще нормально, – сказал я. – Но чувствую, что это ненадолго.
- Не волнуйтесь, – сказал доктор Полсон. – Ничего непоправимого с вами не произойдет.

- Что вы со мной делаете?

– Пока еще ничего, – сказал Полсон. – И то, что мы с вами сделаем, это для вашего же блага.

Кажется, я уже упоминал о моем отношении к людям, которые делают что-то для моего блага. Особенно интересно, что обычно такие люди предпочитают не спрашивать моего согласия на предпринимаемые ими действия.

Как правило, в таких ситуациях блага получает кто-то другой. А на мою голову сыплются неприятности.

В данном случае на мою голову надели устрашающего вида железный шлем, что еще больше усилило ассоциации с казнью на электрическом стуле.

Но леденящего ужаса я почему-то не испытывал. Наверное, потому, что ситуация была слишком абсурдной, и разум (ну или то, что у меня вместо него, ибо, как показывает практика, человеком разумным может называться далеко не каждый индивид) не воспринимал происходящее всерьез.

– Больно будет? – поинтересовался я.

– Скорее, будет немного неприятно, – сказал Полсон.

– И насколько неприятно?

– Заткнись, – сказал мне второй чувак.

– А то что? – спросил я. – Электричество подключите?

Чувак занес было руку, явно собираясь отвесить мне пару оплеух. Бить привязанного к стулу человека – это же так просто. И так благородно...

Я рефлексивно зажмурился.

– Не стоит, майор, – сказал Полсон. – Настройки собьете.

Майор опустил руку. Ага, значит, он таки военный. Осталось только определить, какой армии.

Полсон впился взглядом в большой плоский монитор, по которому бежали замысловатые графики. Отстучав пару команд на клавиатуре, Полсон перевел глаза на меня.

– Приготовьтесь, – сказал он. – Сейчас будет неприятно.

– Вот уж спа... – но закончить благодарственную речь мне не удалось, так как Полсон нажал еще какую-то кнопку и мне стало неприятно.

Не больно, а именно неприятно. Но очень-очень неприятно.

Такое ощущение, что мне в черепную коробку запустили миллион муравьев, лапки которых подкованы железом. И весь этот миллион муравьев своими шестью миллионами лапок бегал по поверхности моего мозга, вызывая неутолимый зуд, от которого не избавиться простым почесыванием.

В реальном времени это длилось недолго. Секунд двадцать, а может быть, тридцать.

Но субъективно эти секунды разделились на вечность.

Потом Полсон нажал на кнопку, и все кончилось.

– ... – сказал я. – Чтоб вас обоих приподняло, хлопнуло, сплющило, размазало, а потом еще раз приподняло и так и оставило.

Полсон нахмурился.

Я сообразил, что выругался по-русски, так что полного смысла пожелания он мог и не уловить. Однако, судя по сосредоточенности его лица, его заботило вовсе не непонятное ругательство.

– Ты путешествовал по лесу, заблудился и долго не мог найти дорогу к людям, – сказал майор. – У тебя кончились еда и питье, ты умирал от жажды и потерял сознание, когда тебя нашли индейские охотники. Они и принесли тебя сюда. Ты должен быть им благодарен за то, что они не оставили тебя умирать в лесу. Они не очень любят белых. Сейчас ты находишься на плантации, принадлежащей нам, и скоро мы отправим тебя в город на вертолете.

Полсон покачал головой.

– Точно, – сказал я. – Именно так все и было, майор.

Теперь пришла его очередь хмурить лоб.

– Ты что, все помнишь? – спросил он.

– Ага, – сказал я. – На меня эти ваши джедайские штучки не действуют. И еще ты ладонью по воздуху провести забыл.

Мне всегда говорили, что язык мой – враг мой, и большая часть неприятностей происходит со мной именно потому, что я не способен держать своего врага за зубами.

Еще мне говорили, что у меня дурацкое чувство юмора, мозг амебы и чувство такта, как у медведя-гризли, проснувшегося с большого похмелья. В общем, мне про меня много чего говорили...

– Что происходит? – спросил майор у Полсона.

– Процедура не подействовала.

– Я вижу, что она не подействовала, – сказал майор. – Я спрашиваю почему.

Полсон пожал плечами.

И что самое удивительное, разговаривали они уже не по-английски.

Это была смесь английского, испанского, французского, немецкого и, как ни странно, русского. Я не могу похвастаться совершенным знанием всех этих языков, тем более что и говорили они именно на смеси и с весьма странной грамматикой, однако в целом суть диалога была мне понятна.

– Раньше такие случаи были? – спросил майор.

– Нет, – сказал Полсон. – Никогда. Даже на стадии экспериментов процедура... – следующего слова я не понял, – не давала ни одного сбоя.

– Наше оборудование в порядке?

– Да.

– Тогда, может быть, стоит повторить?

– А смысл?

– Чтобы удостовериться.

Полсон вздохнул, коротко и ясно дав оценку предложению майора. Тем не менее он снова щелкнул клавишами на выносной клавиатуре, и миллион подкованных муравьев вернулись в мою черепную коробку.

– ...! – Теперь уж я не стал сдерживаться.

Процедура показалась мне еще неприятнее, чем в первый раз, и длилась она существенно дольше.

Разговаривать после окончания процедуры они со мной не стали. Полсон посмотрел на монитор и отрицательно покачал головой.

– Не вижу здесь большой проблемы, – сказал майор. – Одним навсегда исчезнувшим в джунглях больше, одним меньше... Ну не вернется он в город, и что это изменит? Большого шума, чем есть, мы уже не создадим.

– О чем вы говорите, майор?

– О физическом устранении, – сказал майор. – Джунгли все спишут.

– Вы предлагаете нам его убить?

– Да.

– Эй, – сказал я. – А как же гуманизм, человеколюбие и все такое? Может, сначала по-хорошему попробуем договориться?

– Коровье дерьмо, – по-английски выругался майор. – Он что, нас понимает?

– Попробуйте говорить на суахили, – сказал я. – Тогда вас точно никто не поймет. В этой части света как минимум.

Вот не надо было мне этого говорить. Майор расстроился, снова вытащил свою хреновину из кобуры, и меня опять вырубил.

Когда сознание вернулось ко мне в очередной раз, я лежал в кровати, что было хорошо. Уж по крайней мере лучше, чем на электрическом стуле. Или в морге.

Только на этот раз я был к этой кровати привязан, что не прибавляло мне оптимизма.

Интересно, что за фигня тут происходит? На заговор спецслужб это уже не похоже. На перевалочную базу Медельинского или любого другого наркокартеля тоже.

У прежних версий оказался слишком мелкий масштаб.

Фигня, которая творилась со мной, носила явно большие размеры.

К правой руке был прикреплен какой-то датчик, но аппаратура в комнате по-прежнему отсутствовала. Blue tooth штукавина, посылающая данные куда-то еще.

Работала она неплохо, и за моим состоянием явно кто-то следил, потому что уже через пять минут после моего пробуждения в комнату явились Полсон с майором.

Судя по тому, что у них с собой были стулья, они явно настроились на долгую беседу.

– Я хочу курить, – сказал я. – Догадываюсь, что вы собираетесь мне что-то сказать, но я лучше понимаю слова, когда не страдаю от отсутствия в моем организме никотина.

Полсон посмотрел на майора.

Майор посмотрел на Полсона.

Полсон вытащил из кармана начатую пачку моих сигарет и зажигалку. Майор освободил мою левую руку.

Пока они рассаживались по стульям, я закурил. Первая затяжка, как это обычно случается после долгого перерыва, принесла легкое головокружение, и это было хорошо. Курильщики меня поймут.

– Пепел куда стряхивать? – спросил я.

– На пол, – сказал майор. – И учти, что больше сигарет у нас нет.

– Бедно живете, господа плантаторы, – сказал я.

Мы опять разговаривали по-английски.

– Расскажи нам о себе, – сказал Полсон.

– Что именно? – спросил я.

– Все.

– Это займет какое-то время.

– Неважно, – сказал Полсон.

– Но потом не говорите, что я вас не предупреждал, – сказал я и принялся за рассказ.

На самом деле обычный человек, к коим я всегда относил и себя, может не так уж много рассказать о первых двадцати трех годах своей жизни. Не так уж много в ней происходит достойных упоминания событий.

Родился, ходил в детский сад, учился, дружил, влюблялся, дрался, спорил, мечтал...

Попробуйте сами. Едва ли вы сможете растянуть этот рассказ на три с половиной часа, даже при условии, что вам удастся вспомнить несколько особо примечательных эпизодов.

Мне удалось.

Потому что я вредный.

За это время я выкурил еще две сигареты, стряхивая пепел на пол, как и было предложено. Я еще и окурки тушил о белую стену, но у моих гостей

столь варварские действия не вызывали никакого раздражения.

Они слушали. Слушали очень внимательно, как будто я им теорию относительности обосновывал. Или являл откровение новоявленного пророка.

Когда я закончил, они обменялись многозначительными взглядами, но разговаривать между собой на суахили все-таки не стали.

– Итак, ты не разведчик? – спросил майор.

– Нет.

– Но все принимали тебя за разведчика?

– Глупо получилось, правда?

– Холден – идиот, – сказал майор. – Я всегда это знал. Человек, который попадает в одну и ту же ловушку четыре раза и все же с завидным упорством продолжает лезть в джунгли, не может не быть идиотом.

Упс, подумал я. Значит ли это, что с Холденом процедура, давшая сбой на мне, сработала уже четырежды? И если бы она подействовала и в моем случае, я был бы уже на побережье, мог бы валяться на пляже, попивать холодные коктейли и продолжать строить из себя русского шпиона?

И что именно сделала бы со мной эта процедура?

– Ты знаешь, что здесь происходит? – спросил Полсон.

– Это вопрос на миллион, – сказал я. – Никто не знает, что здесь происходит. Кроме вас двоих, очевидно. Иначе представители всех разведок мира не протирали бы штаны на побережье. И, как я догадываюсь, не только на побережье.

У меня к этой парочке тоже накопилось много вопросов, но я почему-то думал, что отвечать они откажутся.

– Ты знаешь, что являешься единственным человеком, на которого не подействовала процедура ментальной блокировки?

– Теперь знаю, – сказал я.

А вот уже и термины из научно-фантастической литературы в ход пошли. Интересно, а бластеры у них есть?

– Мы даже на некоторое время готовы были предположить, что ты не являешься человеком, – сказал Полсон.

– Чужой против хищника, – сказал я. – Кто бы ни победил в этой войне, человечество в любом случае проиграет.

Оказалось, они не видели этого фильма и не читали рекламного слогана. Или у них просто чувства юмора нет.

Потому что ни один из них даже не улыбнулся.

– И что ты знаешь о Чужих? – спросил майор.

– А вам не интересно, что я знаю о хищниках? – спросил я.

– Он шутит, – сказал Полсон. – Он человек. По крайней мере насколько об этом позволяет судить наше оборудование.

Шикарно, как сказал бы Эрик Картман из мультфильма «Южный парк». Эти ребята на полном серьезе сомневаются в том, что я человек? Куда я попал и где мои вещи?

– Ты создаешь нам проблемы, – сказал Полсон. – Майор предлагает убить тебя.

– Логичное решение, – сказал я. – Нет человека, нет и проблемы. Майор отнюдь не оригинален.

– И тебе не страшно, что мы тебя убьем?

– Нет. Ни капельки.

– Почему?

– Потому что если бы вы хотели меня убить, то уже давно бы убили. А мы тут сидим и разговоры разговариваем. И даже сигареты вернули.

– Я все еще настаиваю на своем предложении, – сказал майор. – Так будет проще.

– Этот человек – феномен, – сказал Полсон. – Мы не можем так просто забыть о нем. И проще все равно уже не станет.

– Ага, – сказал я. – Я всегда знал, что представляю ценность для науки. Давайте не будем меня убивать, а?

– Он просто какой-то долбанный мутант, – сказал майор. – Случайность. Ошибка природы.

– Полегче на поворотах, – сказал я. – Сами вы ошибки.

– Вы представляете, какую ценность могут представлять результаты исследования его мозга, если нам удастся вычислить эту мутацию и повторить ее?

– Генетические эксперименты в Альянсе запрещены.

– Расскажите об этом военной разведке.

Разговор с каждой новой фразой становился все интереснее. Мне даже не хотелось его прерывать. Что еще нового я могу узнать об Альянсе и его военной разведке?

– Я не представляю, как из этого можно сделать оружие, – буркнул майор.

– Но это не значит, что военная разведка будет придерживаться одних с вами взглядов.

– И что вы предлагаете?

– Необходимо провести дополнительные исследования.

– Здесь? – Скепсис майора буквально капал с его губ на пол. Аккурат рядом с тем пеплом, который я стряхивал туда же.

– Разумеется, нет. У нас нет соответствующего оборудования.
– И...
– Полагаю, мы должны послать внеочередной запрос.
– Чем спровоцируем новую волну интереса на побережье?
– Нам осталось от силы пара недель. Новая волна интереса ничего принципиально не изменит.

– Я против, – сказал майор.
– Это уже запротоколировано. Сколько можно повторять одно и то же?
Ребята снова перешли на свою странную смесь нескольких языков, что не мешало мне следить за ходом беседы и понимать девять слов из десяти.

И хотя они теперь знали, что я их понимаю, знание сие их не останавливало. Означает ли это, что я уже никогда не вернусь на побережье?

Мне стало тревожно.

Но еще больше мне стало любопытно. Я же журналист, черт побери. Вроде... Во всяком случае, еще не так давно я твердо собирался им стать. Альянс, военная разведка, намеки на Чужих и упоминание о каких-то странных, только мне свойственных мутациях... А кому бы в такой ситуации не стало любопытно?

И на данный момент любопытство перевешивало тревогу.

– Это может быть опасно для всех, – сказал майор.
– Я отдаю себе в этом полный отчет, – сказал Полсон. – Но в любом случае решение принимать не нам. Так что не стоит волноваться. Ответственность за конечные действия все равно ляжет не на ваши плечи.
– Я не боюсь ответственности, – отрезал майор. – Я боюсь последствий.

– Даже если мы ничего не сделаем, последствия все равно будут, – сказал Полсон. – И если мы примем ваш вариант решения проблемы, еще неизвестно, что окажется хуже в конечном счете. Не забывайте о том, где мы находимся.

Кстати, а где мы находимся?

Похоже, что в моем воспаленном воображении. Или в еще чьем-то бреде.

Или Ктулху наконец-то проснулся и начал пожирать мозги?

Я чувствовал себя абсолютно вменяемым. Интересно, а сумасшедшие способны догадываться, что с ними что-то не так?

– Жрать хочу, – сказал я, прерывая их содержательный диалог. – Пока вы свои конечные решения принимать будете, я сам от голода умру. Кормежка у вас тут предусмотрена или нет? Для справки могу сообщить,

что до сих пор нормальная человеческая еда меня вполне устраивала.

У майора чувство юмора точно отсутствовало. Реплика про «нормальную человеческую еду» ему явно не понравилась. Я даже подумал, что он меня опять вырубит.

Но он не стал.

Вместо этого мне принесли еды.

А через пару часов – еще и переносной биотуалет.

Время тянулось медленно. Часов у меня не было, окна тоже, поэтому определить точно, сколько времени прошло, не представлялось возможным.

Дважды приносили еду, по вкусу напоминающую те армейские сухпайки, о которых рассказывал Холден. Один раз мне удалось заснуть. Самому, а не при помощи доблестного майора и его непонятной хреновины. В разговоры со мной больше никто не вступал.

В какой-то момент кончились сигареты. С превеликим сожалением я докурил последнюю до самого фильтра и кинул окурочек в пустую пачку. Добавил туда же бесполезную ввиду отсутствия сигарет зажигалку и сунул пачку под кровать.

В голову лезла навязчивая последняя беседа майора и Полсона научно-фантастическая муть.

Конечно, упомянутый в разговоре Альянс мог оказаться банальным НАТО, но мне почему-то казалось, что Альянс майора и Полсона не имеет никакого отношения к Североатлантическому блоку.

И уж натовская разведка точно не стала бы копать под саму себя, так что эту версию напроць опровергало присутствие в Белизе Холдена и дяди Тома.

Или ЦРУ с «Интеллидженс сервис» уже никакого отношения к НАТО не имеют?

Хе.

И еще три раза хе.

Плюс эти загадочные намеки на Чужих и разговоры о моей собственной мутации. Неужели при помощи того шлема эти люди действительно хотели вмешаться в работу моего мозга и стереть память о последних событиях? Они ненормальные или я неправильно их понял? Или я ненормальный?

Или мы все нормальные и я все понял правильно, а на самом деле сошел с ума весь мир?

Реальность, точнее, не сама реальность, а известная мне картина

мироздания, трещала по швам.

А потом, как обычно и происходит с трещащими по швам объектами, она лопнула.

Но сначала в комнату пришел майор и в очередной раз отправил меня в небытие.

Часть вторая

ЗЕМЛЯ

НАСТОЯЩЕЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ

ГЛАВА 1

– Как спалось, Алекс?

– Шикарно, – сказал я, ни на йоту не покривив душой.

– На ближайшие две недели никаких процедур больше не будет. – Виола нажала кнопку на пульте, и шторы раздвинулись в стороны, впуская в мою комнату солнечный свет.

Здесь хотя бы было окно.

Только я не очень любил в него смотреть. Мне не нравился открывающийся из этого окна вид.

– Отсутствие процедур радует меня больше всего, – признался я.

– Ученые получили достаточно данных для анализа, – сказала Виола. – Одна их обработка отнимет много времени, не говоря уже о том, что кому-то предстоит делать какие-то выводы.

Виола продемонстрировала белоснежную улыбку, давая понять, что она уж точно не имеет к процессу анализа никакого отношения. Ученой она не была.

Скорее, кем-то средним между медсестрой и приставленной ко мне нянькой. Но ее IQ все равно был очень высок.

В исследовательском институте военной разведки Демократического Альянса дурочек не держат. Даже для того, чтобы пробирки мыть.

Впрочем, пробирки у них тут автоматически моются. Поэтому мне сложно сказать, чем занималась Виола до моего прибытия.

Я встал с кровати, и она моментально уползла в пол. Вместо нее появился стол, до этого вполне удачно прикидывавшийся частью стены.

– Что хочешь на завтрак?

– Все равно, – буркнул я. – Кофе-то вы мне не дадите.

– Мы не употребляем подобный допинг. Кофе давно объявлен вне закона и внесен в официальный список наркотиков.

– Мне уже сообщили, – сказал я.

Равно как и сигареты, кофе здесь запрещен для потребления добропорядочными гражданами. А мне поневоле приходится быть добропорядочным. Ибо выбора мне никто не предоставил.

Санитарная комната по размерам напоминала старые хрущевские ванны. Быстренько приняв душ, постояв несколько минут под потоками теплого воздуха и прополоскав рот жидкостью для чистки зубов, я решил сегодня обойтись без депиляционного крема для лица, натянул шорты и

майку и вышел к завтраку.

– Сок и каша – пища наша, – пробормотал я, смерив взглядом накрытый стол.

– Вкусно и полезно, – улыбнулась Виола.

– Насчет «полезно» спорить не буду, – сказал я. – А вот что касается вкуса...

– У нас все равно нет варварской еды, к которой ты привык.

– Кто тут варвар, это весьма спорный вопрос, – сказал я. – За две с половиной тысячи лет я мог ожидать куда более серьезного развития бытовых технологий. В том числе и в области кулинарии.

– У нас были объективные причины для того, чтобы оставить технологии на том уровне, на котором они находятся сейчас, – снова улыбнулась Виола. – В том числе и в области кулинарии.

– Интересно было бы послушать об этих причинах.

– В свое время, – сказала она.

– В мое время вы меня уже не вернете, – сказал я.

– Прости, я не это хотела сказать...

– Ничего страшного, – сказал я. – Сия мысль уже стала для меня привычной.

– Тебе понравится наш мир, – без особой убежденности в голосе произнесла Виола.

– Ага. При том условии, что меня когда-нибудь в него выпустят.

– Как только ученые получают нужные результаты и ты пройдешь необходимый курс адаптации, – сказала она. – Впрочем, многих удивляет, как быстро ты сумел приспособиться к новым для себя жизненным условиям.

– Мы, русские, быстро ко всему привыкаем, – сказал я.

– Русские?

– Народ такой был, – в очередной раз напомнил я. Здесь, а точнее сейчас, люди очень сложно воспринимают информацию о том, что люди когда-то делились по национальному признаку. Впрочем, у них сейчас свои заморочки. – До того как вы тут все перемешались.

– Я не очень хорошо знакома с историей того периода, – призналась Виола.

– Тогда за какие заслуги тебя назначили ко мне? – спросил я. – Только за красивые глаза?

– За коммуникабельность. А ты действительно считаешь мои глаза красивыми?

– Да, – сказал я.

Глаза у Виолы были красивыми. Да и все остальное тоже на уровне. Форменная туника позволяла оценить все прелести девичьей фигуры. Ох, не за коммуникабельность ко мне эту няньку приставили...

– Ты завтракать собираешься, Алекс?

Голос Виолы оторвал меня от созерцания ее же форм, и я приступил к поглощению пищи. Увы, гурманам в этом времени пришлось бы плохо. Перенаселение Земли в первую очередь сказалось на количестве квадратных метров, отведенных каждому человеку, и качестве еды, синтезируемой непонятно из чего.

То есть это мне непонятно, из чего ее синтезируют. Потому что еще никто не взял на себя труд ответить мне на этот вопрос.

Во время завтрака я периодически бросал взгляды в окно.

Из окна на меня пялилось будущее.

И мне все время мерещился его звериный оскал.

Следующим человеком, которого я увидел после того, как майор Дэвенпорт вырубил меня в третий раз, оказался профессор Мартинес.

Профессор Мартинес был ведущим специалистом жутко засекреченного проекта по исследованию темпоральных полей и туннелей. И жил он, ни много ни мало, в четыре тысячи страшно сказать каком году нашей эры.

Или в одна тысяча пятьсот сорок шестом году по новому летоисчислению. От какой даты человечество решило повести новый отсчет времени, мне тоже не сообщили.

В отношении меня потомки по большей части старались проводить политику гриба. Да, ту самую, когда объект принято держать в темноте и кормить дерьмом. И это я сейчас не только о качестве еды говорю.

Но профессор мне хоть кое-что объяснил.

В том числе назвал и фамилию злобного майора, предпочитающего пользоваться парализатором при каждом удобном случае.

Техническая база темпорального проекта находилась на платформе посреди Тихого океана, ибо предполагалось, что исследования могут быть довольно опасными.

Правда, в худшем варианте, который описали еще современные мне писатели-фантасты, сии исследования могли оказаться довольно опасными для всего человечества, но тут уж от географического расположения темпоральной лаборатории ничего не зависело. Хоть на Луне ее располагай, хоть за пределами Солнечной системы.

Ага, профессор Мартинес поведал мне, что человечество вышло за

пределы Солнечной системы и уже населяет несколько десятков планет. А вот о том, что другие несколько десятков планет населяет совсем не человечество, он мне тогда не рассказал.

– Честно говоря, я не знаю, как много я могу тебе рассказать, – признался он мне тогда. – СБА спит и видит, как бы заполучить тебя в свои руки. Но пока я их сюда не пускаю.

– Почему? – спросил я. – И что такое СБА?

– Служба Безопасности Альянса, – сказал он. – А не пускаю потому, что сначала мы должны закончить твоё обследование. До сих пор у нас не было возможности узнать, как сказывается на организме перенос на две с лишним тысячи лет вперед.

– А ваши путешественники не в счет? Или персонал белизской базы из аборигенов набирали?

– Не из аборигенов, – сказал профессор. – Но одно дело, когда человек отправляется в прошлое, а потом возвращается в своё время. И совсем другое, когда человек из прошлого прибывает сюда насовсем.

– Таки насовсем? – спросил я.

– Не питай иллюзий, молодой человек, – сказал профессор Мартинес. – С тем, что ты уже сейчас знаешь, да если ещё вспомнить про особенности твоей памяти, из-за которой тебя сюда вытащили, назад ты уже не вернешься.

Надо сказать, что во время этого разговора я, абсолютно голый, плавал в ванне с каким-то вязким непрозрачным составом, и на поверхности находилась только моя голова. А к телу была подключена добрая сотня датчиков, показания которых выводились на огромный настенный монитор.

Профессор разговаривал на той же дикой смеси языков, что и майор Дэвенпорт с доктором Полсоном. Как выяснилось, на этой смеси разговаривает всё человечество. Очень удачно получилось, что я владел исходными языками.

– А можно узнать поподробнее про особенности моей памяти? – поинтересовался я.

– В СБА тебе всё расскажут.

– А если до СБА?

– Твою память пытались стереть, – сказал профессор. – Частично, как это делали с другими людьми, которые обнаруживали нашу базу в прошлом. Стереть, заполнить фальшивыми воспоминаниями о неудачной вылазке и отправить тебя обратно. Как Холдена, например, с которым эту процедуру пришлось проделывать несколько раз. И ты – единственный человек, с которым эту процедуру провести не удалось. Вообще

единственный, за все двести с лишним лет, которые мы владеем этой технологией. Понятно, что этот феномен не мог нас не заинтересовать.

– Если вы владеете такими продвинутыми технологиями, что ж вы свою базу получше не замаскировали?

– Существуют технические особенности, с которыми сложно бороться, – сказал профессор. – Впрочем, скоро это уже не будет нас волновать.

– Решили свернуть работы? – спросил я.

– Нет. Просто скоро мы сдвинем базу еще дальше в прошлое. В те времена, когда людей на планете еще не было.

– А сразу вы так сделать не могли?

– Нет. Ты владеешь физикой на уровне теории темпоральных полей, юноша?

– У меня вообще с физикой напряги, – сказал я.

– Тогда мое объяснение тебе вряд ли поможет.

– А что вы вообще в Белизе изучали? – спросил я. – Культуру двадцать первого века?

– Ничего не изучали.

– Э-э-э... а тогда зачем все это?

– Не думаю, что мне стоит тебе что-то рассказывать.

– За меня скоро возьмется ваша СБА, – сказал я. – Меня вытащили из моего времени черт знает куда. Точнее, в черт знает когда. Неужели я не заслуживаю хотя бы толики объяснений?

Профессор заметно смутился. Видимо, он чувствовал, что в действиях его института по отношению ко мне все же было что-то неэтичное. Хотя кто их, этих потомков, разберет...

Странно, но, придя в сознание в ванне, наполненной тягучей, похожей на кисель жидкостью, с кучей подключенных к моему телу проводов, я не чувствовал, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

В Белизе это чувство преследовало меня неустанно. А здесь отстало.

Человеческий мозг – чертовски загадочная штукавина.

Как и многие мои сверстники, я любил фантастику. И «Звездные войны» смотрел, и Лукьяненко с Буджолд зачитывался. Но, наблюдая за приключениями Люка Скайуокера и Майлза Форкосигана, я никогда не хотел оказаться на их месте. И уж попасть в будущее я точно не мечтал.

В прошлое – еще куда ни шло. Хотя тоже не очень хотелось. Отсутствие привычного человеку двадцать первого века комфорта убивает романтику всех этих балов и ужинов при свечах.

Наверное, каждый должен жить в свое время. Вот только почему-то со мной этот подход не сработал.

Тем не менее я верил в то, что совершил путешествие во времени, и ни на секунду не сомневался в собственном рассудке. Все было слишком... реальным.

Если бы я свихнулся, уверен, у меня были бы более красочные и замысловатые фантазии.

Говорят, что человек быстро приспосабливается к новым для него обстоятельствам. Я приспособился почти моментально.

Конечно, мне было беспокойно. СБА, как ее ни назови, это спецслужба, а среднестатистический российский гражданин относится к спецслужбам с некоторым подозрением. Все признают, что ребята делают нужное дело, но вот когда их «делом» становишься ты сам, на душе непроизвольно начинают скрестить кошки.

И еще неизвестно, как они будут исследовать мой «феномен». Может, вытащат мозг из головы, положат на блюдечко и будут смотреть в свой навороченный супербупермикроскоп будущего...

– Если объяснять понятными тебе терминами, база в Белизе – это опора, – сказал профессор Мартинес. – Для того чтобы заниматься... тем, чем мы занимаемся, нашему устройству, назовем его для удобства машиной времени, требуется несколько точек опоры, находящихся не в нашем времени. И на тех планетах, прошлое которых мы хотим изучить. То есть, чтобы узнать прошлое Марса, мы должны разместить такую же базу на Марсе. И не в настоящем, а в прошлом, что делает доступным для изучения промежутки времени от сейчас до того момента, в котором существует наша база. Во время, находящееся до такой опоры, мы заглянуть не можем.

– То есть Вторая мировая война все равно известна вам только по учебникам? – уточнил я.

– Зато мы многое узнали о Третьей мировой, – сказал профессор.

– И кто с кем воевал? – спросил я.

– Теперь это уже неважно.

Эйнштейн был неправ, когда говорил, что не так важны средства, которыми будет вестись Третья мировая, потому что Четвертую все равно будут вести камнями и палками. Эти ребята явно не палками воевать будут, если случится и Четвертая. Или она тоже уже случилась?

Профессор отщелкал новую порцию команд на клавиатуре, и графики на дисплее исчезли, превратившись в набор цифр и символов, не поддающихся расшифровке тупого дикаря из двадцать первого века.

– Организм в полном порядке, – сообщил профессор. – Еще пара часов, и я допущу к тебе ребят из СБА.

– Что несказанно меня радует, – вздохнул я. – Можно задать еще один вопрос?

– Попробуй.

– В моем времени существовало такое понятие, как «эффект бабочки», – сказал я. – Типа, воздействуя на прошлое, можно изменить будущее. Очень сильно изменить. Практически до полной неузнаваемости. Это, конечно, фантастика и все такое... То есть эта теория оказалась нежизнеспособной? Если вы не опасаетесь размещать в прошлом свои «точки опоры» и стираете у людей память, значит, будущее неизменно?

– Это очень сложный вопрос, – сказал профессор Мартинес. – Для того чтобы на него ответить, мне придется объяснить тебе теорию инерции времени, рассказать о плотности темпоральных потоков и использовать термины, которых ты не можешь знать, потому что в твоё время их попросту не существовало.

– А если на пальцах?

– На пальцах? – переспросил он.

– Идиоматическое выражение, свойственное моему времени, – пояснил я. – Объяснить на пальцах – это значит рассказать на доступном для понимания простого смертного языке. Или это невозможно?

– Если на пальцах, то... Для того чтобы изменить существующую реальность, нужны глобальные перемены в прошлом. Изменение памяти нескольких десятков человек и некие визуальные эффекты в атмосфере, вызванные обменом сообщений в темпоральном потоке, настоящее изменить не способны.

– Но ведь вы этим не ограничились, – сказал я. – Вы вытащили из прошлого человека. Меня. Вы лишили двадцать первый век влияния, которое я мог бы на него оказать.

Понимаю, что последняя фраза прозвучала довольно пафосно, но, черт побери, я думал, что каждый из нас чем-то важен для существующей реальности. Или это просто вопрос масштаба?

Убери из истории Наполеона, Гитлера или Чингисхана, и реальность изменится. А если изъять Васю Пупкина или Лешу Каменского, то история останется неизменной?

Печально осознавать, что для мироздания твоя персона представляет ценность, равную нулю.

– Это сложно, – сказал профессор. – И, можешь мне поверить, решение о твоём перемещении сюда стоило нам много времени и нервов.

Мы предприняли некоторые исследования и долго анализировали данные, стараясь понять, какие последствия мы можем получить и какую роль в истории ты мог сыграть.

– И?... – сказал я, когда посчитал, что театральная пауза слишком уж затянулась.

– Мы не нашли никаких упоминаний о том, что ты вернулся из этой поездки в Белиз, – сказал профессор. – После этого ты нигде не работал, не оформлял никаких документов... Твоя фамилия числится в списке пропавших без вести. Есть официальные запросы в Министерство внутренних дел Белиза, но ответа на них не было... Похоже, тебе в любом случае было не суждено вернуться из этой поездки.

И понимай, как знаешь.

То ли их проведенное в прошлом расследование уже учитывало принятое ими решение о том, что меня изымут из моего родного времени, то ли недобитые Холденом китайские молодчики подкараулили меня в джунглях или на побережье и отомстили за смерть своих коллег.

В любом случае полученная информация меня не особо вдохновляла.

Ведь были у меня кое-какие планы на жизнь, связанные именно с двадцать первым веком от Рождества Христова, а не с шестнадцатым веком по новой системе отсчета.

В прошлом по большому счету я был никем, но имел шансы стать кем-то.

Здесь у меня таких шансов не было.

Носитель непонятного продвинутым потомкам «феномена», человек, отставший от развития цивилизации на несколько тысячелетий... В том гипотетическом случае, если мне удастся выбраться из «застенков» СБА, вписаться в новый мир у меня вряд ли получится.

Нужны ли им журналисты? И сохранилась ли эта профессия до сих пор?

Дико хотелось курить.

И напиться.

Однако жидкость, в которую потомки погрузили мое тело, была хоть и питательной, но неалкогольной.

ГЛАВА 2

После завтрака мы с Виолой направили свои стопы в спортзал.

Потомки следили, чтобы я пребывал в хорошей форме. Наверное, так им проще ставить свои опыты.

Беговая дорожка будущего – это просто движущийся кусок пола, ничем более не примечательный. Стена перед бегущим выдает скорость движения и время, затраченное на тренировку.

И все.

Никакого голографического леса вокруг, никакой способствующей бегу музыки, никакого виртуального ветра в лицо... Пока ни одна из технологий будущего меня особенно не впечатлила. Ну, кроме той, при помощи которой меня чертовы потомки в это самое будущее выдернули.

Правда, не уверен, справедливо ли называть их потомками. Детей в двадцать первом веке у меня не было. Насколько я знаю.

Народу в спортзале было немного.

То ли они его специально для меня освобождают, то ли все сотрудники СБА находятся в такой феноменальной исключительной форме, что ежедневные утренние тренировки им попросту не нужны.

Двое бегали у противоположной стены. Один лежал на полу и отжимался. Судя по напряженному лицу, струящемуся по нему поту и невероятным усилиям, которые он прикладывал к упражнению, отжимался он при повышенной гравитации. Навскидку я установил бы уровень в 4 G.

Моя дневная норма – два километра. За то время, которое мне потребовалось на преодоление обычной дистанции, Виола на соседней дорожке успела в полтора раза больше.

В первые дни мне было стыдно от осознания того факта, что женщина может дать мне такую фору.

Потом я привык.

Виола – в первую очередь сотрудник СБА. И только потом – моя сиделка. А в СБА кого попало не набирают.

Тяжелее всего мне было мириться с отсутствием сигарет. На физическом уровне у меня не было никакой потребности курить, местные ученые постарались. Но психологическая тяга осталась, и с ней никто ничего сделать не мог.

Потому что мой мозг вмешательству извне не поддавался.

Особенно сильно мне хотелось курить после душа, который следовал

за физическими упражнениями. И всякий раз после еды. И перед сном.
И конечно же после секса.

После физических упражнений мы с Виолой принимали душ вместе. И, как вы понимаете, при этом мы не только мылись.

Это была не моя идея и не ее. Просто очередная прописанная мне медицинская процедура. Ничего личного, так сказать.

Чистый бизнес.

Подопытному кролику должно быть комфортно.

Подопытный кролик должен быть удовлетворен.

Подопытный кролик – это я.

Впрочем, как я уже упоминал, Виола была девушкой симпатичной, и против таких процедур я не возражал.

Остальное было гораздо неприятнее.

На тихоокеанской платформе я пробыл всего два дня, и эти два дня со мной никто больше не разговаривал.

Через несколько часов после беседы с профессором Мартинесом меня вытащили из ванны, помыли под душем, выдали комплект одежды и препроводили в комнату, убранством ничуть не отличавшуюся от той, в которой меня держали в Белизе.

Потом появились хмурые ребята из СБА.

Я думал, они меня опять вырубят и в следующий раз я приду в себя только в какой-нибудь секретной лаборатории Службы Безопасности Альянса, причем не было никакой гарантии, что мне не придется продолжить свое существование разобраным на кусочки.

Вдруг местные ученые решат, что им будет гораздо проще ковыряться в моем мозге, если он будет пребывать вне моей черепной коробки?

Но на этот раз обошлось.

Эсбэшники были молчаливы, но вежливы.

По длинным серым коридорам они препроводили меня на посадочную площадку. Перед посадкой в флаер мне даже мельком удалось увидеть солнце и кусок океана. Океан за это время изменился несильно.

Окна флаера оказались затонированы в лучших традициях российской братвы середины девяностых годов. «Чисто чтобы солнце фильтровать».

То есть они были фактически непрозрачными, и поглазеть в окно мне не удалось. Впрочем, полет был очень недолгим – похоже, флаер передвигался с весьма приличной скоростью.

Меня сопровождали трое эсбэшников – двое сидели по бокам, один на

откидном сиденье прямо передо мной. У всех троих были скучающие лица профессионалов, выполняющих дело, их ранга совершенно недостойное. Все равно как если заставить академика таблицу умножения школьникам объяснять.

Полет закончился в закрытом помещении. Красной дорожки, оркестра и почетного караула почему-то на месте не оказалось. Торжественную встречу обеспечивали всего несколько человек, которые препроводили меня в очередную камеру без окон.

Правда, к этой камере были пристроены уборная и душевая.

А еще в камере были небольшой стол и два стула.

В общем, чуть побогаче с мебелью, нежели в Белизе.

Очевидно, меня доставили сюда поздним вечером, потому как следующие десять часов меня никто не тревожил. Эсбэшники дали мне возможность отдохнуть после перелета, так сказать.

А потом начались разговоры.

Он притащил мне поднос с завтраком, но на медбрата или официанта он совсем не походил.

На вид ему было лет тридцать восемь – сорок, что конечно же ни о чем не говорило. Столько времени прошло, медицина должна была сделать пару шагов вперед. Может, тут уже все повально стволовые клетки колют и живут лет по пятьсот? И этот парень уже третью сотню разменял?

Чуть выше среднего роста, смуглый, с черными волосами, едва тронутыми сединой. На нем был серого цвета комбинезон с множеством карманов, но на техника он тоже похож не был. Слишком умные глаза и слишком властное лицо. Плюс военная выправка.

– Можешь называть меня Сол, – сказал он, ставя поднос с завтраком на стол.

Сок, каша.

Если бы у меня был выбор, в своем времени на завтрак я бы такое есть не стал. Но здесь выбора у меня не было.

– Можешь называть меня Алекс, – сказал я.

– Ты знаешь, где ты находишься?

– Понятия не имею, – сказал я. – Зато я примерно представляю когда.

Сол улыбнулся.

– Для тебя это будущее.

– Похоже, что для меня это настоящее, – сказал я. – Уже.

– Ты странный человек, Алекс.

– Потому что у меня память не стирается? – уточнил я.

– Не только поэтому.

– А почему еще?

– Похоже, ты совсем не удивлен своим новым положением.

– А вы думали, у меня будет культурный шок?

– Что-то вроде того, – согласился Сол. – Как получилось, что ты можешь разговаривать на нашем языке?

– Так называемый ваш язык – это смесь нескольких языков моего времени, – сказал я. – Так уж получилось, что я их знаю.

– Насколько нормально для твоего времени знание нескольких языков? Вопрос не в бровь, а в глаз.

– В общем-то это нормально, – сказал я. – Хотя и не очень типично.

– У тебя хорошая память? – спросил Сол.

– У меня никогда не было другой памяти, – сказал я. – Мне не с чем сравнивать.

– С какого времени ты себя помнишь?

– О, этот шалунишка-хирург так игриво хлопнул меня по попке... Сол нахмурился.

– Шутка, – пояснил я. – Конечно, я не помню себя с самого момента рождения. Так, какие-то бессвязные эпизоды... Полагаю, реальный отсчет воспоминаний можно начать где-то с возраста одного года.

– Знаешь, что именно в тебе представляет для нас интерес?

– Мой мозг.

– Вот именно, – сказал Сол. – Процедура сканирования и коррекции памяти известна нам уже более двухсот лет. И за это время нам не попадалось ни одного человека, на которого бы эта процедура не действовала. Ты единственный, чей мозг закрыт для нас. Причем закрыт не только от вмешательства, но и от самих воспоминаний.

– Может, оборудование в Белизе просто дало сбой? – предположил я.

– Мы повторяли процедуру уже здесь, пока ты еще не пришел в себя, – сказал Сол. – Для ментоскопирования совершенно не важно, находится объект в сознании или нет. Лишь бы он был жив.

А вот это уже радует. То есть в ближайшее время убивать меня им невыгодно.

– И в чем же ценность подобного феномена? – поинтересовался я.

– Для СБА было бы очень выгодно получить агента, к которому враги не могут залезть в голову, – сказал Сол.

– У медали есть и обратная сторона, – сказал я. – Станет он двойным агентом, а вы ничего и не узнаете. Потому что сами ему в голову залезть тоже не сможете.

– Существует много систем контроля. – Когда Сол улыбался, ему хотелось верить. Такая уж у него была улыбка.

– Кстати, а врагов у вас много? – спросил я. – Мира во всем мире добиться так и не удалось? Или вопросы здесь можешь задавать только ты?

– В свое время мы обо всем тебе расскажем, – пообещал Сол.

– Даже о том, бороздят ли ваши корабли просторы Вселенной? То есть я догадываюсь, что бороздят. Просто любопытно, сколько просторов уже пробороздили.

– Достаточно, – снова улыбнулся Сол.

– Ну и как? Есть ли жизнь на Марсе?

– Мы построили там пару городов, – сказал Сол. – Так что, определенно, жизнь там есть.

– Э-э-э... я имел в виду немного другую жизнь, – сказал я. – Инопланетяне существуют? И не стоит мне говорить, что поскольку на Марсе есть города, значит, в них живут инопланетяне. Человечество одиноко во Вселенной или нет?

– Нет. – На этот раз улыбаться Сол не стал. – К сожалению, не одиноко.

Но больше на эту тему в тот день он мне ничего не сказал.

Сразу после завтрака он отвел меня в лабораторию, где меня вновь усадили на подобие электрического стула.

Потом мне побрили голову, чтобы прилепить на нее новую порцию датчиков. Несколько десятков прилепили к моим рукам и ногам, так что я стал напоминать самому себе обвешанную гирляндами новогоднюю елку. Если они еще додумаются просверлить мне дырку в черепе и вставить туда оптоволоконный кабель, я окончательно почувствую себя Избранным. То есть Нео. Причем до того, как он принял красную таблетку.

Череп мне сверлить не стали.

Закончив со всеми соединениями, меня надежно зафиксировали на стуле, и началось... Что именно началось?

Разговоры.

Сол начал задавать мне вопросы, посматривая на мониторы и периодически пощелкивая кнопками нескольких клавиатур.

Черт побери, никто никогда не осмелился бы назвать меня молчаливым из-за боязни пойти против исторической справедливости, но так долго я еще не болтал.

Сола интересовало все.

Где я родился, как звали моих родителей, что я помню о своем детстве, в какой детский сад я ходил, в какой школе учился, какие нам преподавали

предметы и как звали всех моих учителей.

Периодически мне давали попить сладенькой водички. Возможно, в нее были подмешаны какие-то препараты, что-нибудь наподобие «сыворотки правды», потому что в какой-то момент я поймал себя на мысли, что мне нравится рассказывать Сола истории о своей жизни.

Припоминать все эти подробности не составляло мне большого труда, и параллельно своему рассказу я изучал лабораторию и самого Сола, стараясь понять, в какое именно дерьмо я влип и насколько глубоко в нем увяз.

Помимо Сола в лаборатории присутствовали несколько техников, носивших такие же серые комбинезоны. Единственное отличие было в количестве синих нашивок на рукавах. У техников таких нашивок было по две. У Сола – шесть.

Правда, означать эти знаки различия могли все что угодно. Как воинские звания или ученые степени, так и принадлежность к той или иной исследовательской группе или, например, количество детей у каждого индивидуума. Или еще что-нибудь, о чем я даже представления не имею.

Сами люди внешне не слишком изменились. Разве что все индивидуумы, которых я встречал до сих пор, были высокими (то есть примерно моего роста), стройными и подтянутыми. Впрочем, это была слишком небольшая выборка, чтобы делать какие-то выводы обо всем человечестве.

Может быть, к сотрудникам СБА предъявляют особые требования.

Но вот что было особенно странно, так это их техническое оснащение.

Мягко говоря, не поражало оно моего воображения. Плоские мониторы, похожие на плазменные панели моего времени, обычные клавиатуры, пульта с кнопками, тумблерами и рычажками. Никаких голограмм, телепатических интерфейсов и прочей научно-фантастической фигни. И даже датчики все с проводками.

В принципе любая продвинутая лаборатория двадцать первого века могла бы похвастаться примерно таким же набором техники.

Тем не менее эти ребята заселили Марс, встретили инопланетян, они могут путешествовать во времени и сканировать память.

Интересно, как выглядит современная версия Интернета.

Сложно сказать, сколько времени мне пришлось трепаться в первый день.

Наверное, они добавили в воду какой-то наркотик, потому что у меня нарушилось восприятие времени. Но, по самым скромным прикидкам,

интервью заняло не меньше десяти часов.

И даже несмотря на то что у «электрического стула» оказались функции массажного кресла, после окончания всех процедур эсбэшникам пришлось вытаскивать меня вручную. Встать без посторонней помощи я был не в состоянии.

Поддерживая под руки, Сол и его помощник отвели меня в камеру и принесли поесть. Не знаю, подмешивали ли они снотворное в еду – думаю, что особой необходимости в этом не было. Я чувствовал себя смертельно усталым и заснул, едва моя голова коснулась подушки.

На следующий день процедура повторилась. И на третий. И на четвертый.

То же кресло. Те же бесконечные расспросы. Те же истории, по второму и третьему кругу...

– У тебя очень хорошая память, – заявил мне Сол на излете очередного дня расспросов.

– Я уже об этом жалею, – сказал я.

– И дело даже не в том, что твоя память не подвержена влиянию извне, – сказал Сол.

Техники неторопливо освобождали меня от многочисленных ремней и креплений.

– А в чем же дело?

– Ты помнишь почти все, что было с тобой на протяжении жизни.

– А разве с другими людьми не так? – А может быть, все дело в том, что у меня была слишком короткая жизнь. И событий в ней было не так уж много. По сути первым большим приключением в моей жизни стал поход в джунгли Белиза вместе с агентом британской контрразведки.

Сол улыбнулся.

– Завтра нам с тобой предстоит серьезный разговор. Долгий разговор.

– Ничего нового, – вздохнул я.

– Нет, никаких процедур, – сказал Сол. – Просто разговор двух людей. Двух взрослых мужчин.

– Я уже заинтригован, – сказал я.

Техники закончили выковыривать меня из кресла.

– До завтра, – сказал Сол и быстрым шагом покинул помещение.

После душа обычно меня ждала очередная порция обследований, допросов и прочих не слишком приятных вещей, однако сегодня график был изменен, и мы с Виолой вернулись в мои апартаменты.

– Чем ты предпочел бы заняться? – спросила она.

Поскольку сексом мы с ней только что позанимались, я пропустил мимо ушей двусмысленность ее предложения и попробовал перебрать другие варианты.

– Можно посмотреть новости, – сказал я.

– К сожалению, новости тебе смотреть пока не разрешено, – сказала Виола.

– Интересно, как я могу адаптироваться к вашему обществу, если я ничего о нем не знаю и даже новости посмотреть не разрешают.

– Не я составляла программу адаптации.

– Знаю, что не ты. Но все равно это странно. У меня начинает складываться впечатление, что меня никогда отсюда не выпустят.

– Ты все узнаешь в свое время. – Виола не очень любила говорить на эти темы. Очевидно, срабатывали наложенные на нее ограничения.

– Мне лишь бы узнать, когда это время наступит, – сказал я. – У вас тут хоть Интернет есть?

– Интернет?

– Всемирная компьютерная сеть, – объяснил я, глядя на ее удивленное лицо. – Информационная паутина. Виртуальная реальность.

Это точно будущее? В двадцать первом веке для некоторой части населения жизнь без Интернета была немыслимой. Что же произошло с потомками, если они и слова этого не знают?

– Инфосеть у нас есть, – сказала Виола, развеяв мои сомнения. – Но на нее распространяются те же ограничения, что и на новостные каналы.

Любопытно. Выходит, телевидение, или что тут у них вместо него, так и не срослось с компьютерными сетями. Странно, в свое время мне казалось, что это абсолютно естественный процесс, который завершится не позднее середины двадцать первого века.

И я уже не в первый раз задумался об «отсталости» технологий будущего. Как человек, переместившийся на две с половиной тысячи лет вперед, я мог ожидать гораздо большего в области развития технологий.

Даже в бытовой сфере.

А мои апартаменты в здании одной из самых могущественных спецслужб Демократического Альянса принципиально ничем не отличались от «умных домов», которые обладающие достаточными средствами люди могли позволить себе и в двадцать первом веке.

Я подошел к окну.

Судя по открывающемуся из него виду, мои апартаменты находились этаже этак на четырехсотом, если не выше. До облаков было рукой подать.

В некотором отдалении виднелись шпили еще нескольких высотных

зданий. Периодически между ними пролетали каплевидной формы летательные аппараты, но ни один из них ни разу не приблизился на расстояние, с которого его можно было бы нормально рассмотреть.

Внизу... Очевидно, этот самый низ был слишком далеко, так как толком ничего разглядеть мне там не удавалось. Серая поверхность и люди, если это, конечно, были люди, напоминающие даже не муравьев, а пиксели на мониторе с высоким разрешением.

Подавляющая часть зданий была гораздо ниже того, в котором я находился. Их крыши были усыпаны антеннами или какими-то хреновинами, очень на антенны похожими. Моего словарного запаса явно не хватало, чтобы называть все футуристические хреновины своими именами. И потомки не слишком торопились мой словарный запас пополнить.

Судя по тому, с какой стороны всходило солнце, мои окна были ориентированы на восток.

Впрочем, солнце мне доводилось видеть не так уж часто. Небо было серым, плотно затянутым облаками, и восходы не баловали меня своим видом чаще чем раз в неделю. А то и в полторы недели.

Интересно, как у потомков дела с экологией обстоят?

– Просто здорово, – сказал я. – Впервые у меня выдалось свободное время, только я не знаю, чем его можно заполнить. Потому что мне у вас ничего нельзя. Хоть бы учебник по истории почитать дали...

Услышав за спиной шуршание одежд, я обернулся.

Виола стояла передо мной абсолютно голая, набирая какую-то комбинацию на своем браслете-коммуникаторе.

– Точно, кролик, – пробормотал я. – Раз нет опытов, которые над ним можно поставить, остается только одно.

– Разве ты этого не хочешь? – спросила Виола.

– Хочу, – сказал я, прислушавшись к своим ощущениям.

Кровать послушно выползла из своего места в полу...

ГЛАВА 3

На следующий день после обещания серьезно поговорить Сол опять сам принес мне завтрак и терпеливо подпирал спиной стенку, ожидая, пока я с этим завтраком покончу.

Когда я отправил в рот последнюю ложку каши, запив ее последним глотком безвкусного сока, Сол распахнул дверь и велел мне следовать за ним.

Наше не слишком длинное путешествие по безлюдному серому коридору закончилось в помещении, которое я решил обозвать рабочим кабинетом Сола. Поскольку до сих пор я видел только свою камеру и лабораторию, в которой надо мной всячески издевались, это показалось мне приятным разнообразием.

В помещении имели место два кресла и письменный стол с вмонтированной в столешницу клавиатурой. Роль монитора выполняла одна из стен кабинета.

Другой мебели в наличии не имелось, окно также отсутствовало.

Не знаю, как живут потомки, но работать они явно привыкли в спартанских условиях.

Вопреки моим ожиданиям – аскетизм во всем – кресло оказалось довольно комфортным, хотя и не принимало форму тела. Сол положил руки на стол и вперил в меня свой тусклый взор. Если бы он еще предложил мне закурить, происходящее напомнило бы мне сцену допроса преступника в каком-нибудь малобюджетном российском криминальном сериале.

Но потомки не курят. Наверное, они еще и не пьют, не употребляют наркотики, не едят мясо и отправляются на тот свет совершенно здоровыми.

– Нам удалось установить, что ты, скорее всего, являешься тем человеком, за которого себя выдаешь, – сказал Сол.

– Скорее всего? – изумился я. – Неужели недели допросов вам для этого мало?

– Поскольку мы не в состоянии отсканировать твою память, наверняка утверждать мы ничего не можем, – вздохнул Сол. – Впрочем, мы давали тебе старые препараты, которые применялись до того, как был открыт метод ментоскопирования. Так называемую сыворотку правды. И, скорее всего, – он снова сделал акцент на словосочетании «скорее всего», – ты не врешь.

– Я-то знаю, что я не вру, – сказал я. – Как я могу вас в этом убедить?

– Никак, – сказал Сол. – Меня зовут Сол Визерс, я – полковник Службы Безопасности Альянса, я и привык никому и ничему не доверять на сто процентов.

– Разумная политика, – одобрил я. – И насколько же ты готов поверить мне? В тех же процентах?

– Процентов на девяносто пять, – сказал Сол. – А это наивысшая степень доверия, которой я могу удостоить любое живое существо. То, что ты рассказываешь под воздействием суперскополамина, не слишком отличается от того, что ты рассказываешь в здравом уме. А в твердости твоей памяти я уж точно не сомневаюсь.

– Хорошо, что мы сошлись хотя бы на этом.

– Мы вытащили тебя из прошлого из-за некоторых особенностей твоей памяти, – сказал Сол. – К сожалению, из-за этих же особенностей мы теперь с трудом представляем, что нам с тобой делать дальше. Когда все эксперименты, связанные с тобой, закончатся, то, вне зависимости от результата, мы не сможем вернуть тебя обратно в твоё время.

– Это я понимаю, – сказал я.

– К сожалению, мы не можем и оставить тебя здесь, предоставив определенную степень свободы, – сказал Сол. – Темпоральный проект, в деятельность которого ты поневоле оказался вовлечен, является строго засекреченным. В самом Альянсе о нем знает лишь несколько десятков человек. За пределами Альянса, как я смею надеяться, ни одного. В твоей голове содержится слишком много секретной информации, чтобы мы могли отпустить тебя в свободное плавание.

В принципе я догадывался об этом и раньше. Но когда Сол озвучил мои опасения, мне стало немного не по себе. Потому что перспективы передо мной вырисовывались очень уж неприятные.

– Мне только не совсем ясно, к чему этот разговор, – сказал я. – Я и так полностью в вашей власти, и вы можете делать со мной все что угодно. А потом вы можете кремировать мой остывший труп и развеять пепел по ветру, чтобы никто ничего не узнал о ваших супербуперзасекреченных мегапроектах. С чего вдруг такие откровения, полковник?

– Во-первых, я привык играть начистоту, – сказал Сол.

Ага, так я ему и поверил.

Не слышал я еще ни об одной спецслужбе, ни в моем времени, ни в любом другом, сотрудники которой привыкли бы играть начистоту. Крапленые карты, пара тузов в рукаве и авианосец поблизости, вот как играют разведчики всех времен и народов. Не вижу причин, по которым

разведка будущего смогла бы столь эволюционировать.

– Но это, как ты понимаешь, не главное, – сказал Сол, очевидно уловив недоверчивую усмешку на моем лице. – Я давал присягу, и по своей работе я могу обмануть любого, если буду уверен, что этот обман пойдет на пользу Альянсу.

А вот это уже больше похоже на правду.

– Дело в том, что некоторые из дальнейших процедур, которые тебе предстоят, потребуют твоего согласия. Не формального согласия и не подписи на документах, как ты понимаешь. Ты внутренне должен быть готов подвергнуться им. Иначе результат будет труднопрогнозируемым. Помимо прочего лучше, если ты будешь пребывать в состоянии покоя. А человек, не уверенный в своем будущем, в состоянии покоя по определению пребывать не может.

– Звучит разумно, – сказал я. – И что же ты готов мне пообещать в обмен на сотрудничество, полковник Визерс?

– Я предпочел бы, чтобы ты продолжал называть меня Солом.

– Как скажешь, полковник.

На эту мою реплику Сол никак не прореагировал.

– Я мог бы пообещать тебе многое, – сказал он. – Вплоть до свободного поселения на одной из малоосвоенных планет, где ты мог бы заняться фермерским хозяйством.

– Мне никогда не хотелось стать фермером, – сказал я.

Впрочем, на это замечание Сол тоже реагировать не захотел.

– Но по факту ты никогда не сможешь избавиться от надзора СБА, – сказал Сол. – Поэтому лучшим вариантом будет, если ты согласишься работать на нас.

Не могу сказать, что я был сильно удивлен. Когда я услышал о предстоящем «серьезном разговоре», я ожидал именно чего-то в этом роде. Также я не могу сказать, что я готов был Солу поверить.

– Какую же пользу необразованный дикарь из прошлого может принести вашей конторе? – поинтересовался я. – Даже если вспомнить о «небольших особенностях» моего мозга, мне трудно поверить, что вы готовы поручить мне оперативную работу.

– Конечно же нет. Об оперативной работе и речи не идет, – сказал Сол. – Скорее я подумывал о зачислении тебя в аналитический отдел. Твоя память поможет тебе быстро освоиться на новом месте, ведь дело придется иметь с информацией. Работа в офисе, проживание в одном из принадлежащих СБА зданий... Могу тебя уверить, все наши сотрудники так живут.

– И Большой Брат наблюдает за ними, – сказал я.

Этого выражения полковник Визерс не знал. А я не стал брать на себя труд объяснения. Пусть загуглит, если ему интересно.

Итак, по каким-то причинам потомкам необходимо, чтобы я чувствовал себя в безопасности и дал «внутреннее согласие» на продолжение экспериментов, которые лично мне на фиг не нужны.

В это еще можно поверить. Возможно, все упирается в какие-то их технологии, в которых я ни бельмеса не понимаю. В двадцать первом веке человеческий мозг и принципы его работы оставались одной из главных загадок мироздания.

Полковник Визерс хочет меня успокоить и получить это самое «внутреннее согласие».

Сие понятно. Но это совершенно не означает, что я должен полковнику Визерсу верить.

С другой стороны, версия об аналитической работе под постоянным надзором СБА выглядит на порядок убедительнее версии о «свободном плавании», в которое они могут меня отпустить. Потому что во все времена ни одному человеку не позволят беспрепятственно разгуливать по планете, или в данном случае по нескольким десяткам планет, с секретной информацией в башке.

Но самой убедительной все равно оставалась версия о «расходном материале». Тело в крематорий, и концы в воду. Никакой дополнительный надзор не нужен, и секреты совершенно точно останутся секретами.

– Вероятно, ты сейчас думаешь о том, что я лгу, – сказал Сол.

– Согласись, такая мысль вполне могла прийти в мою голову. Человек, который никому не доверяет, вряд ли может ждать, что другие будут безоговорочно верить ему самому. Разведчик – это профессиональный лжец.

– Ты журналист, – заметил Сол. – Эта профессия тоже подразумевает способность лгать.

– Приятно видеть, что за все эти века отношение людей к журналистике не претерпело особых изменений, – сказал я.

– Мы можем продолжить и без твоего согласия, – сказал Сол. – И продолжим, даже если не получим его. Пусть это и создаст нам определенные трудности. В любом случае тебя ожидают долгие, неприятные и, не буду врать, весьма болезненные процедуры. Сейчас я просто пытаюсь облегчить себе жизнь. И тебе тоже.

В первую часть его заявления мне было поверить гораздо проще, чем во вторую. На самом деле я встречал не так уж много людей, которые

старались облегчить мне жизнь. Зато осложнить ее пытались многие.

– Сейчас я расскажу тебе кое-что о мире, в который ты попал, – сказал Сол. – Без подробностей, и вряд ли ты сможешь сложить в своей голове общую картину, но все же... Демократический Альянс включает в себя десятки планет. На этих планетах живет девяносто процентов человечества. Того самого человечества, к которому принадлежишь и ты. Речь идет о десятках миллиардов людей, ты это понимаешь?

– Если сейчас ты скажешь, что жизнь этих десятков миллиардов зависит от меня и от моего решения, я рассмеюсь тебе в лицо, – предупредил я.

– Жизни этих десятков миллиардов зависят от множества факторов, – сказал Сол. – И феномен твоей памяти является лишь тысячной долей процента, если и не того мельче. Но иногда бывают ситуации, когда многое зависит именно от тысячных долей.

– Еще секунда, и я начинаю смеяться в лицо, – сказал я.

– У Альянса есть проблемы, – сказал Сол. – И не просто проблемы, а серьезные угрозы его существованию. А следовательно, и существованию всего человечества.

– Вряд ли ключ к решению этих проблем, какими бы они ни были, хранится в моей голове.

– Это верно, – согласился Сол. Он щелкнул клавишей на столешнице, и левая стена превратилась в монитор, как я этого и ожидал.

На мониторе был изображен офигительный чувак. В смысле, посмотришь на такого чувака и сразу офигеешь. Лично я офигел.

Мне несколько раз доводилось бывать в байкерских клубах. Каждый уважающий себя байкерский клуб должен числить в своем составе несколько старожилов, таких парней, которые родились в кожаных куртках, пьяными, бородатыми и с «Харлеем-Дэвидсоном» между ног.

Они массивные, высокие, толщина их рук сопоставима с толщиной ног футболиста, в их фигурах легко угадывается первобытная варварская мощь, а в их глазах читается нескрываемая угроза. Они носят кожаную одежду с большим количеством металлических заклепок, не боятся ни черта, ни дьявола, всегда готовы зарядить с ноги, и первая мысль, которая приходит тебе в голову, когда ты их видишь, формулируется очень просто:

«О черт, о черт, о черт!»

В общем, это совсем не те люди, которых хочется повстречать на ночной безлюдной улице, если у тебя нет парочки-тройки крепких друзей с бейсбольными битами. И даже если эта самая пара-тройка друзей с бейсбольными битами у тебя есть, встречи с такими индивидуумами все

равно искать не стоит.

Парня с монитора от этих старожилов байкерских клубов отличали только две детали. Во-первых, и это сразу бросалось в глаза, у чувака не было мотоцикла. Во-вторых, он был небольшого роста, о чем свидетельствовала метрическая сетка, на фоне которой он был сфотографирован, отчего его мощная фигура казалась почти квадратной.

– Какая-то местная знаменитость? – спросил я. – Рок-звезда или что-то вроде того?

– Нет, – сказал Сол. – Это кленнонец.

– А, так вот как он выглядит, – с деланным облегчением сказал я. – А я смотрю, что-то знакомое, думаю, не кленнонец ли это. А это как раз кленнонец и есть. А это нормально, что он высотой всего полтора метра? Это какой-то вид гномов, да?

– Посмотри внимательно на его лицо, – сказал Сол.

– Ну, он, вне всякого сомнения, не красавец, – признал я.

И эти слова были правдой.

Кленнонец, кем бы он там ни был, был так же далек от классических канонов красоты, как земляной червь далек от мечты о полете. А может быть, еще дальше.

Физиономия чувака выглядела так, словно по ней долго и упорно били большой чугунной сковородой. Лицо было абсолютно плоским, вместо носа на нем зияли два отверстия, рот обозначен прямой линией, уши... А где у него вообще уши?

Зато у чувака были большие глаза. Чересчур большие. Непропорционально большие относительно всего остального. Белок... наверное, это слово тут не совсем подходит, потому что то, что у всех нормальных людей называется белком, был желтого цвета. А сами зрачки были красные. Возможно, именно так художники Ватикана могли бы изобразить посланца самого ада.

– Сдаюсь, – сказал я Солу. – Ответа на эту загадку я не знаю. Ты показал мне изображение какого-то уродца сразу же после разговора о том, что вашему драгоценному Альянсу, а вместе с ним и всему человечеству что-то угрожает. Вот этот тип угрожает, что ли?

– Это кленнонец, – повторил Сол.

– И что, он не человек, что ли?

– Не человек, – сказал Сол. – Это кленнонец. А если точнее, то это – боевая особь Кленнонской Империи. Генетически модифицированный солдат нашего противника. И он совершенно точно не человек. В Кленнонской Империи много таких особей. Миллионы.

– Остается только порадоваться за Кленнонскую Империю, – сказал я. – Далеко она от Альянса?

– Кленнонский солдат может действовать на планетах с силой тяжести, в пять раз превышающей земную, – сказал Сол. – Двумя пальцами он может сломать тебе руку. В его ноздрях есть мембраны, способные полностью перекрыть доступ внешней атмосферы. Без кислорода такой экземпляр может прожить больше двадцати минут. Он обладает двойным скелетом и способен выдержать падение с высоты более пятнадцати метров. С места он может прыгнуть на два с половиной метра в высоту или на пять в длину. В полной боевой выкладке, а это около ста пятидесяти килограммов, он способен развить скорость до пятидесяти километров в час и поддерживать ее несколько часов. У него два сердца, более того, в его организме продублированы все жизненно важные органы, так что убить его одним выстрелом в корпус практически нереально.

– Вы с ними воюете?

– Пока еще нет, – сказал Сол.

Он щелкнул еще одной клавишей, и правая стена тоже превратилась в экран.

– Обалдеть, – сказал я. – Это тоже выведенный специально для боевых действий кленнонец?

– Нет, – сказал Сол. – Это скаари.

– Милый... милое существо, – сказал я. – И с ними вы тоже не воюете?

– Пока еще нет, – сказал Сол.

– Должен заметить, вам крупно повезло.

Хоть это и не афишировалось, я прекрасно понимал, что мои апартаменты напичканы камерами слежения, микрофонами и прочей следящей фигней, так что первое время я чувствовал себя участником какого-то реалити-шоу.

Но через некоторое время я привык к постоянному наблюдению и, подобно героям реалити-шоу, перестал обращать на это внимание. И даже когда Виола в первый раз предложила заняться сексом, ссылаясь на распоряжение полковника Визерса, тот факт, что за нами кто-то может подсматривать, меня особенно не смутил.

Если уж сама Виола не видела в нем ничего предосудительного, то что можно спрашивать с меня? Я – всего лишь подопытный кролик, и секс – это всего лишь медицинская процедура, поддерживающая меня в тонусе.

Но секс с Виолой был приятен. Против таких процедур я не возражал.

Комнату с окном мне предоставили в тот же день, когда состоялся наш

«серьезный разговор» с полковником Визерсом, в котором он пообещал взять меня штатным аналитиком СБА, а я сделал вид, что ему поверил.

А он сделал вид, что поверил мне.

На самом деле я весьма скептически оценивал нарисованную Солом перспективу. Кому нужен аналитик, пусть и обладающий уникальный памятью, но ничего не знающий не только о предмете будущего анализа, но даже об основах общества, в котором ему придется жить и работать? Обучение такого кадра займет слишком много времени, и я не уверен, что, с точки зрения Сола, овчинка стоила выделки.

Однако я допускал мысль о том, что я временно нужен СБА живым. Суть их экспериментов надо мной состояла в попытках вычислить тот самый фактор, делающий мой мозг невосприимчивым к влиянию извне, и попробовать повторить эту штуку со своими агентами. Возможно, на первое время им понадобится контрольный экземпляр. Для сравнения, так сказать.

Но как только им удастся закрепить эффект и необходимость в контрольном экземпляре пропадет, потомки от меня избавятся.

И в этом у меня не было почти никаких сомнений.

– В нашей галактике существуют три силы, которые стоит принимать во внимание, – сказал Сол, когда я вдоволь налюбовался малосимпатичными экземплярами, заполнившими обе боковые стены. – Это Кленнонская Империя, Гегемония Скаари и Демократический Альянс. Наши отношения далеки от дружеских, и у нас есть все основания полагать, что скоро начнется война. Как мы надеемся, начнется она все-таки не завтра, но то, что это случится в течение ближайшего десятилетия, не вызывает сомнений. И далеко не факт, что мы можем в этой войне победить. Слишком много факторов, слишком много переменных, от которых может зависеть исход битвы.

– И сразу вопрос, – сказал я. – Как ты заявил, Альянс представляет девяносто процентов человечества. Где остальные десять процентов?

– На неприсоединившихся мирах, – сказал Сол. – Когда начнется война, они конечно же примкнут к нам, но в общем раскладе это не имеет никакого значения. Вся боевая мощь человечества сосредоточена в Альянсе.

Как бы там ни было, это весьма интересный разговор.

Конечно, Сол тщательно фильтровал информацию и говорил мне только то, что, с его точки зрения, мне нужно было знать. И делал это с определенной целью – желая вызвать во мне доверие. Но на фоне того

информационного вакуума, в котором я пребывал в последнее время, это было очень много.

И я, со всей своей уникальной памятью, старался не забыть ничего из услышанного.

– А чего вы с остальными не поделили?

– Разные политические системы не могут долго существовать рядом друг с другом в одной галактике, – сказал Сол.

– Раньше они прекрасно существовали на одной планете, – заметил я.

– И это постоянно приводило к войнам. К тому же в нашей ситуации есть одно существенное отличие.

– Какое же?

– Нам противостоят не люди, – сказал Сол.

– Как я посмотрю, у вас тут процветает ксенофобия, – сказал я.

– Никакой ксенофобии, – улыбнулся Сол, но улыбка его была невеселой. – Исключительно вопросы выживаемости расы. Человеческой расы.

– А этот ваш суперзасекреченный темпоральный проект, – сказал я, – он тоже как-то связан с вопросами выживаемости расы? Или это просто нецелевое расходование средств налогоплательщиков накануне войны?

– Связан.

– Каким же образом? – поинтересовался я, когда понял, что Сол вовсе не собирается сам развивать эту тему.

Полковник Визерс молчал.

– Не понимаю, почему ты отказываешься говорить, Сол, – сказал я. – Какие у тебя могут быть секреты от своего будущего сотрудника? Хотя в принципе все и так довольно очевидно. Вы ищете способ изменить настоящее, изменив прошлое.

Сол вздрогнул. Похоже, для него это было не так очевидно. Может, у них тут научной фантастики больше не читают? Или не пишут?

– Только я все равно кое-чего не понимаю, – сказал я. – Как вы можете повлиять на нынешнюю ситуацию в галактике, изменив прошлое человечества? Ускорить его развитие, чтобы обладать технологическим преимуществом над противником? Но это ведь все вилами на воде писано...

– Не человечества, – сказал Сол.

– Что?

– Мы хотим поменять прошлое, – сказал Сол. – Но не прошлое человечества. Правда, мы еще не придумали как.

ГЛАВА 4

На сторонний взгляд, взгляд дилетанта, ничего не понимающего в природе процесса, все было достаточно просто. По крайней мере, если сложить обрывки данных, которыми со мной поделился профессор Мартинес, и крупницы информации, оброненные полковником Визерсом, складывалась общая картина.

Темпоральный проект был похож на треногу, на которой в настоящем времени и посреди Тихого океана находилась лаборатория профессора Мартинеса. А ножки этой треноги находились на разных планетах. И не просто на разных планетах, а в прошлом разных планет.

Все-таки хорошо, что я ни черта не понимаю в физике. Если бы понимал, мне наверняка было бы труднее все это представить.

База темпорального проекта в джунглях Белиза служила опорой для того, что профессор Мартинес для простоты обозвал «машиной времени», и именно эта опора позволяла людям профессора производить свои исследования в прошлом планеты Земля. Понятно, что любые серьезные изменения в прошлом Земли приведут к изменению ее настоящего, и реальность, в которой существуют профессор Мартинес, полковник Визерс, темпоральный проект и сам Демократический Альянс, вполне возможно, будет замещена другой реальностью, в которой ни профессора, ни Альянса не будет.

Поэтому ребята собирались изменить прошлое цивилизаций своих врагов. В идеале сделать так, чтобы у их врагов вообще не возникало никакой цивилизации.

Оставить Землю в целости и сохранности и в то же время стереть из существующей реальности всех ее врагов. Сделать так, чтобы на материнских планетах скаари и кленнонцев вообще не зародилась разумная жизнь. Ведь наверняка это можно каким-то образом сделать.

Профессор сказал, что теперь они могут отправить капсулу во времена динозавров, где побочные эффекты ее работы не будут привлекать внимания местного населения и не станут объектом пристального изучения спецслужб. И уж динозаврам точно не понадобится стирать память, замещая ее ложными воспоминаниями. Значит, теоретически профессор способен отправить такие же штуки в прошлое других планет, перекраивая их историю на свой лад.

Главная сложность, как дал понять полковник Визерс, заключается в

том, что для отправления такой хреновины в прошлое планеты требуется площадка в ее настоящем. А кленнонцы и скаари вряд ли предоставят своим врагам из Демократического Альянса территорию для подобных экспериментов.

Проблема со скаари состояла еще и в том, что никто не знал, где именно находится их материнская планета. Планета, на которой зародилась их раса.

Скаари, по всей видимости, произошли от динозавров. По крайней мере, та боевая особь, изображение которой продемонстрировал мне полковник Визерс, сильно смахивала на вариант раптора, одетого в футуристического вида броню и отрастившего хватательные пальцы на передних лапах. Разве что скаари были чуть плотнее, чем рапторы в фильмах Спилберга. Ну и голова у них все же побольше.

Само слово «скаари» показалось мне знакомым, как будто я слышал его раньше. Долгое время я пытался вспомнить, где же такое могло быть, и это не давало мне покоя. Я думаю, всем известно ощущение, когда воспоминание вертится где-то совсем рядом, но внятно сформулировать мысль все равно не получается.

Потом, как это и бывает в таких случаях, ответ возник сам собой. Скаари – именно так называлась раса ящеров в довольно популярной компьютерной игре моего времени. Не ожидал, что эта игрушка проживет столько времени. Вот они, непреходящие ценности человечества...

Скаари были самой старой расой в галактике. На момент первого контакта с человечеством Гегемония Скаари занимала уже несколько десятков планет, и определить, на которой из них началось все это безобразие, уже не представлялось возможным. А сами скаари не желали проливать свет на этот вопрос.

А может, за давностью лет они и сами про это забыли.

Скаари были старше человечества на пару тысячелетий, но не обладали подавляющим технологическим превосходством благодаря большому количеству войн, которые они вели между собой. У них не было централизованного правительства, раса состояла из нескольких десятков, а возможно, и сотен родовых кланов разной величины и могущества, часть из которых находились в перманентном состоянии войны друг с другом. Лишь немногие сохраняли вооруженный нейтралитет, но и они были готовы в любую минуту вмешаться в конфликт на одной из сторон.

Чего человечество в лице полковника Визерса боялось больше всего, так это того, что скаари могут объединить усилия против общего внешнего врага. И тогда-то этому внешнему врагу сильно не поздоровится.

Существовала пятидесятипроцентная вероятность, что именно человечество этим самым внешним врагом и станет.

Следующие полтора месяца после того разговора с полковником Визерсом мне вспоминать сложно. Даже с моей уникальной памятью.

Наверное, в данном случае дело все-таки не в памяти, а в восприятии.

За эти полтора месяца было много длительных, многообразных, нудных, не очень приятных, а порою даже болезненных процедур. Мне чуть ли не каждый день брили череп, лепили на голову какие-то датчики, били током, облучали и даже просверлили дырку в голове, чтобы взять кусочек мозга на анализ.

Периодически меня погружали в сон, пичкали чем-то, по воздействию весьма похожим на наркотики, провоцировали стрессовые состояния и исследовали, исследовали, исследовали...

А чтобы в процессе изучения подопытный кролик окончательно не загнулся, его заставляли заниматься спортом и сексом.

В общем, дни были похожи один на другой, и все они были довольно невеселые...

Мы с Виолой все еще лежали в постели. Потные, усталые, расслабленные. Ее рука покоилась у меня на груди. Ее волосы щекотали мое лицо.

– Не говори ничего, – прошептала она мне на ухо. – Сначала повернись ко мне лицом и сделай вид, что мы целуемся.

В контексте того, что мы и так целовались несколько минут назад, это было несколько странное предложение, но я таки повернулся и посмотрел Виоле в глаза. Желания целоваться в них точно не было.

Я наткнулся на жесткий и холодный взгляд.

– Микрофоны временно заблокированы, – сказала Виола. – Но видеонаблюдение продолжается. Так что совсем необязательно, чтобы оператор видел наши шевелящиеся губы.

– Да, при отсутствии звуков это выглядело бы подозрительно, – согласился я. – А в чем, собственно, дело?

– Ты хочешь жить, Алекс?

– Станный вопрос.

– Тем не менее тебе стоит на него ответить.

– Конечно, хочу.

Честно говоря, от столь неожиданного вопроса мне стало несколько тревожно. И появилось ощущение, что меня собираются втянуть в

очередное приключение. Тем не менее не мешало бы узнать подробности.

– Тебя убьют, – сказала Виола.

Что ж, подробности не заставили себя долго ждать.

– Кто? Когда? Имена, явки, пароли?

– Не смешно, – сказала Виола. – Неужели ты не понимаешь, к чему идет?

– Кое-что понимаю, – сказал я. – Но хотелось бы узнать, как ты это видишь.

– Скорее всего, они так и не найдут причину, по которой твоя память не поддается вмешательству, – сказала Виола. – А когда они чего-то не понимают, они видят в этом угрозу для себя. И избавляются от угрозы. Просто на всякий случай.

– Э-э-э... а кто эти они, о которых ты говоришь?

– А даже если и найдут, то вряд ли это что-то изменит. Все равно непонятно, что с тобой делать.

– Осталось только понять, о ком идет речь, – сказал я.

В общем-то версия Виолы была логичной, я и сам мог предположить нечто в таком роде. Непонятно только, к чему она ведет.

– Они – это Альянс. И в частности СБА.

– А ты разве не из СБА? – спросил я.

– Нет. И даже не из Альянса.

– Опа, – сказал я. – Все чудесатее и чудесатее. А откуда же ты?

– Из Империи.

– Из Кленнонской Империи? – уточнил я.

– Да.

– Не очень похоже, – сказал я. – Полковник Визерс показывал мне кленнонцев.

– А вечную жизнь тебе полковник Визерс не обещал? – прошипела Виола. – Подданные Кленнонской Империи выглядят по-разному. Мы практикуем генную инженерию, которая запрещена в Альянсе, и некоторые кленнонцы очень непохожи друг на друга.

– Но ты же...

– Человек? – спросила Виола. – В этом нет ничего удивительного, знаешь ли. Все кленнонцы – люди. У Кленнона и Альянса одна родная планета – Земля.

– Как такое может быть? – Тот кленнонец, которого мне показывал Визерс, сошел бы за человека только в самом страшном кошмаре Босха.

– О, вижу, полковник немного тебе рассказал, – констатировала Виола.

– По правде, он больше говорил о скаари. И откуда бы агенту Империи

взяться в самом сердце СБА? Штирлиц курит.

– Кто? – удивилась Виола.

– Неважно, – сказал я. – И что ты хочешь от меня, агент Империи?

– Спасти тебе жизнь для начала.

– Разумеется, руководствуясь гуманистическими побуждениями исключительно, – сказал я.

– Нет. Просто было решено, что ты представляешь ценность для нашей военной разведки.

– Таковую же, как и для СБА?

– Гораздо большую. Альянс заинтересован в разгадке твоего феномена, но очень далек от нее. Мы же можем поставить производство людей с твоими данными на поток. В Альянсе официально запрещены генетические исследования и эксперименты. У нас – нет.

– А мне какая выгода? – поинтересовался я. – Какая разница, СБА в мозгах ковыряется или военная разведка Империи?

– Разница в том, что после того, как в твоих мозгах поковыряется военная разведка, ты останешься жив.

– Визерс мне тоже нечто подобное обещал.

– Он лжет.

– Допустим, – сказал я. – А ты не лжешь?

– Поверь, император относится к жизням своих подданных куда более трепетно, чем Альянс к жизням своих граждан. А ты ведь еще даже не гражданин.

– Но я и не подданный.

– Ты станешь им.

– Шикарно, – сказал я. – А теперь расскажи мне, как вы намерены спасти меня из мерзких и длинных щупалец подлой, коварной, прогнившей насквозь СБА.

– Ты мне не веришь?

– Ты знаешь, пожалуй, не верю. Передай полковнику Визерсу, что я мог ожидать от него более элегантного хода. Это слишком топорная работа для проверки лояльности.

– Мы еще вернемся к этому разговору, – пообещала Виола мне на ухо, после чего поднялась, перешагнула через меня и подняла с пола свою одежду.

Едва она успела запахнуть халатик, как дверь открылась и явила незнакомого мне мужика.

Повинуясь скорее рефлексам, нежели доводам разума, я накинул простыню на причинное место. В общем-то я понимаю, что за время

исследований потомки видели меня во всех состояниях, но эксгибиционизмом я все-таки не страдал.

– Выйдите, – сказал незнакомый мужик Виоле.

Когда мы остались наедине, он отвернулся, предоставив мне возможность надеть шорты.

– Генерал Торстен, – представился новый гость. На вид он едва ли был старше полковника Визерса, смуглый, крепкий, черноволосый, вполне возможно, среди его предков были латиносы. – Ты можешь называть меня просто генералом. Я курирую деятельность Сола, и именно я ответствен за то, что здесь только что произошло.

– И к чему был весь этот цирк? – поинтересовался я.

– Мне было любопытно посмотреть на твою реакцию. Ты поверил ей хоть на какое-то мгновение?

– Только в той части, что по окончании исследований меня убьют, – сказал я.

– А в то, что она может быть с Кленнона? – Видимо, завуалированное обвинение во лжи он решил проигнорировать.

– Нет.

– Почему?

– Тайный агент врага в святая святых службы безопасности? В это довольно сложно поверить.

– Когда-то и я думал так же, – вздохнул генерал, усаживаясь в кресло. – Но теперь у меня нет никаких сомнений, что шпионы Империи проникли в нашу святая святых. По некоторым косвенным данным нам удалось установить, что противник обладает информацией, которой у него не должно было быть. И источник утечки информации находится именно в нашей структуре.

– И вы уверены, что мне стоит об этом знать? – спросил я.

– Опять же мне любопытно посмотреть на твою реакцию, – сказал генерал.

– И как она вам?

– Видимо, за последнее время в твоей жизни произошло столько событий, что тебя уже трудно чем-либо удивить.

– Но вы все равно попробовали, – констатировал я. – Отлично. Очевидно, теперь я должен задать вопрос, каким образом внутрь вашей суперзасекреченной структуры вообще мог проникнуть человек со стороны. Тем более со стороны одного из двух потенциальных противников в намечающейся глобальной войне. Вне всякого сомнения, вам любопытно посмотреть на мою реакцию после того, как вы вывалите на меня

очередную тщательно отмеренную порцию информации, которая будет противоречить тому, что мне было рассказано ранее.

– Думаете, сарказм изобрели в двадцатом веке? – спросил генерал.

– Я из двадцать первого.

– Тем не менее им пользуются до сих пор, – сказал генерал. – Вряд ли ты сможешь кого-то им удивить.

– По-моему, я уже достаточно тут всех удивил, – сказал я.

– Это верно.

Он поерзал в кресле и уставился на меня в упор. Я ответил ему взаимной любезностью.

Несколько минут пролетели в полном молчании.

Я сдался первым. В конце концов, у генерала наверняка гораздо больше опыта в подобных гляделках. Если я хоть что-то понимаю в генералах, этот тип обладает богатым опытом в подобного рода вещах.

Наверное, не один подчиненный уже столбенел от пристального взгляда старшего по званию.

– Чудесно, – сказал я. – И каким же образом внутри вашего ведомства мог оказаться враг? Учítывая, что я – первый человек, в голову которого вы не можете залезть.

– Стопроцентную гарантию дает только метод полного ментоскопирования, против которого, как ты справедливо заметил, у тебя иммунитет, – сказал генерал. – Но мы не можем подвергнуть тотальному ментоскопированию всех своих сотрудников, а значит, всегда существует вероятность, что мы что-то пропустили. Выборочная проверка памяти по сути дает не больше данных, чем обычный медикаментозный допрос. Нам известны способы обойти и то и другое.

– А что же мешает вам подвергнуть всех сотрудников тотальному ментоскопированию? – поинтересовался я.

– А с кем потом работать?

– Я вас сейчас не очень понял, – признался я. – Что значит с кем?

– Тотальное ментоскопирование позволяет нам узнать о человеке все, что он знает сам, – сказал генерал Торстен. – И даже больше, потому что мы можем получить доступ к той информации, которую человек сам уже и не помнит. И естественно, что в результате мы точно будем знать, является человек агентом врага или нет. Но после этой процедуры человек уже не станет прежним.

Мне чертовски не понравилось, как это звучит. В последнее время мне вообще мало что нравилось, но слова генерала не понравились мне больше остального. В конце концов, меня этой процедуре подвергали уже

неоднократно.

– Тотальное ментоскопирование убивает клетки мозга. – На этот раз генерал решил продолжить, не дожидаясь моего наводящего вопроса. – От семи до двадцати пяти процентов за сеанс. Соответственно, интеллектуальный уровень работника сразу падает на несколько десятков пунктов. И не только интеллектуальный. Повторная процедура убивает до пятидесяти процентов клеток. Ментоскопирование мы используем только для врагов.

– И для людей из прошлого, – сказал я, постаравшись, чтобы мой голос не дрожал. Это стоило мне некоторых усилий, потому как я чувствовал надвигающуюся... Нет, не панику. Но какую-то эмоциональную реакцию – точно. По спине побежали струйки холодного пота. – Для расходного и наименее ценного материала.

– Мозги врага – это очень ценный материал, – ухмыльнулся генерал. – Не стоит так нервничать, Алекс. На тебя эта процедура все равно не действует. С твоими мозговыми клетками все в порядке.

– Чудный новый мир, – пробормотал я. – У вас тут есть хоть какое-то уважение к человеческой жизни?

– У нас тут война, между прочим, – сказал генерал. – Она еще официально не объявлена, и боевые корабли еще не покинули своих орбит, но она уже идет. А в войне побеждает тот, у кого больше информации о противнике. На этом фоне пара-тройка жизней не так уж важны.

– Особенно если речь идет не о вашей жизни, – сказал я. – Вы мне еще расскажите про дерево свободы, которое необходимо время от времени поливать кровью патриотов.

– Некоторые истины не меняются во все времена, – сказал генерал. Очевидно, он был знаком с этой цитатой.

– И некоторые штампы тоже.

– Если ради победы Альянса потребуется моя жизнь...

– То вы с радостью положите ее на алтарь общего дела, – закончил я.

От этого разговора у меня уже взрывался мозг.

Видимо, во все времена существуют идиоты, основное предназначение которых состоит в произнесении напыщенных патриотических речей. Таких речей я и в своем времени наслушался.

И уже тогда не верил им ни на грош.

Громче всех о самопожертвовании обычно кричит тот, чьей жизни ничто не угрожает.

А Визерс ничего не рассказал мне об опасности полного ментоскопирования... Почему я не удивлен?

Тут вообще хоть кто-нибудь правду говорит?

Разведчик – это профессиональный лжец. Что ж, в какой-то степени тут все разведчики.

– Может быть, тебе кажется, что я произношу высокие и напыщенные слова, – сказал генерал. – Но подумай вот о чем. Выброси из моей речи слово «Альянс» и подставь вместо него слово «человечество». Тогда все сразу встанет на свои места.

– Насколько мне известно, люди живут и за пределами Альянса.

– Сколько их, тех людей? – спросил генерал. – И это все равно ненадолго. В одиночку независимым мирам не выстоять. Вопрос их вхождения в Альянс – это вопрос времени. Сейчас они сколько угодно могут вопить о своем собственном пути и недостатках нашей демократической системы, а они есть, чего уж скрывать, ибо любая система несовершенна, но, как только запахнет жареным, они сами к нам прибегут и согласятся на все условия. Едва только в галактике запахнет реальными боевыми действиями, едва их локального пространства достигнет первый слух о том, что боевой флот Кленнона или Скаари приближается к человеческому сектору космоса.

– А, так вы им еще и условияставляете, – сказал я. – Действительно, и чего это они не рвутся вступать в ваш Альянс...

– Это проблема власти, – сказал генерал. – Не все независимые миры разделяют наши демократические ценности.

– Ваши или демократические? – уточнил я, поскольку генерал сделал явный акцент на слове «наши». – Желаете поговорить о политике? Прочтите мне лекцию о торжестве демократии? Прежде чем вы начнете, хочу предупредить, что у меня иммунитет к подобным разговорам.

– Визерс не сказал мне, что ты монархист.

– Мне кажется, вы уже достаточно проверили мои «прокленнонские» настроения, – сказал я. – Анархия – мать порядка.

Генерал нахмурился.

– Что ты думаешь о полковнике Визерсе? – спросил он.

– Я думаю, что он кленнонский шпион и намеренно саботирует работы по исследованию моего мозга, – заявил я. – Конечно, если ему за это не платят скаари.

– Почему ты так враждебно настроен?

– А с чего я должен быть настроен по-другому? – поинтересовался я. – Вы меня тут все достали, и это совершенно очевидно. Кроме того, я не верю в подобные разговоры по душам и не собираюсь обсуждать с вами ваших же подчиненных. Тем более что от этого подчиненного многое

зависит.

– Думаешь, от меня зависит меньшее? Касательно тебя?

– Вы – начальник, он – непосредственный исполнитель. Даже и не знаю, с кем из вас выгоднее ссориться.

Вне всякого сомнения, язык мой – враг мой, и большая часть неприятностей, которые случались в моей жизни, были связаны именно с его длиной. Если бы я хотя бы иногда думал, прежде чем говорить...

Но в данной ситуации терять мне было нечего. Я уже давно привык к мысли, что эти ребята грохнут меня сразу по окончании исследований или, в лучшем варианте, засунут меня в какой-нибудь бункер, из которого я никогда не выйду. Чтобы у эсбэшников всегда был под рукой контрольный экземпляр.

А даже если и не в бункер...

Чем мои теперешние апартаменты принципиально от него отличаются? Видом из окна? Вполне возможно, что это голограмма и на самом деле меня держат не на страшно-подумать-каком этаже, а где-нибудь под землей. Или под водой.

Или я вообще в матрице, и все происходящее проецируется прямо в мой мозг. Остается надеяться только на явление Морфеуса с его разноцветными таблетками.

Паранойя цвела и пахла в моей голове...

ГЛАВА 5

Генерал отвалил только через полчаса, предварительно еще немного поморочив мне голову, и я пришел к выводу, что генерал мне категорически не нравится.

Визерс, конечно, тоже был той еще сволочью, но он четко и профессионально выполнял свою работу, не делая акцента на патриотическую муть. Генерал же был забит ею под завязку.

Наверное, должность сказывается.

Минут пять я сидел в кресле и таращился на закрытую дверь, ожидая очередного визитера с очередной порцией интересных новостей, но никто так и не пришел. Похоже, сегодня меня на лояльность проверять больше не будут.

Или будут, но позже.

Мне было любопытно, прошел ли я тест, устроенный мне Виолой и генералом, или завалил. И если завалил, то в какой его части.

Впрочем, любопытство сие носило чисто академический характер. Скорее всего, от обоих своих сегодняшних собеседников я не услышал ни слова правды.

А то, что грядет война... Этого от меня и Визерс не скрывал.

Этим ребятам что-то от меня было надо. Они или пытались спровоцировать меня на какую-то реакцию, или старались донести до меня информацию, которую, по их мнению, я должен был знать. Только можно ли верить подобной информации?

Я подошел к окну.

Облака, изредка снующие по небу флаеры... Картинка не меняется. Настоящее окно или иллюзия? И если это окно, то из какого материала оно сделано, если вспомнить, что речь идет об окне в штаб-квартире самой могущественной спецслужбы Альянса? Стекло это или пластик, но прямое попадание гранатомета окно выдержать должно. А если вспомнить о трагическом опыте одиннадцатого сентября, то не только гранатомета.

Вряд ли потомки такие идиоты, чтобы строить подобные здания, не учитывая возможность тарана.

Почему СБА не могло разместить свою штаб-квартиру где-нибудь в лесах? Или просто в пустынном месте? А еще лучше – где-нибудь под землей. Для пущей безопасности.

Ответ напрашивался сам собой. Потому что на Земле не осталось

больше пустынных мест.

Или здание на самом деле находится не в городе.

Или это не штаб-квартира.

Или не СБА.

Черт побери, мне даже неизвестно, на каком я континенте. Не говоря уж о таких мелочах, как название города.

Все лгут.

Я знаю только то, что мне говорят. И никак не могу проверить, что из сказанного является правдой.

И есть ли там правда вообще.

Может, это и не будущее никакое, а филиал «Интеллидженс сервис», где коллеги Холдена с какими-то непонятными целями пытаются промыть мне мозги. Хотя в принципе особого смысла в промывании именно моих мозгов я не вижу. Государственных секретов мне никто не доверял, в общественной жизни страны я не играю никакой роли... Для «Интеллидженс сервис» я никто.

Внезапно захотелось курить. Сильно, до одури, до скручивающихся в трубочку ушей. Чтобы хоть как-то унять эту тягу, я принялся ходить по комнате из угла в угол.

Двадцать шесть шагов. Еще двадцать шесть.

Нет, это все-таки будущее, вне всякого сомнения. Пусть и не поражающее воображение своими продвинутыми технологиями. Впрочем, может быть, воображения они не поражают только потому, что я когда-то перечитал гору фантастики.

Конечно, можно было ожидать большего в чисто бытовой сфере, но кто может предсказать направление научно-технического прогресса?

Земляне вышли в космос, заселили десятки планет, встретились с братьями по разуму, научились путешествовать во времени... Кто ж виноват, что у них нет подчиняющихся мысли пылесосов и кухонных комбайнов, подающих завтрак как раз к пробуждению хозяина?

Итак, я в ловушке. Даже не в ловушке, а в клетке.

Будь на моем месте герой какого-нибудь фантастического романа, то следующим его ходом, полностью подчиняющимся логике сюжета, был бы побег.

А потом – поиск себя в новом мире, быстрое продвижение по карьерной лестнице, куча стрельбы и приключений, миссия по спасению галактики или хотя бы человечества, любовь межгалактической принцессы и в качестве награды за все труды – должность монарха этого самого человечества или хотя бы отдельно взятой планеты.

Ну и безбедное существование/спокойная старость в окружении внуков, бесконечное почитание и уважение, поставленные при жизни памятники... То, что разумеется само собой и остается за кадром большей части подобного рода произведений. Именно потому, что оно разумеется само собой.

Я заглянул в себя в поисках тяги к приключениям и опасностям в новом мире и таковой не обнаружил.

Любовь к приключениям быстро проходит, когда рядом образуются трупы. Китайцы, застреленные Холденом, послужили мне достаточной иллюстрацией термина «приключение», и испытать нечто подобное снова я не хотел. Ибо когда рядом с тобой возникают трупы, существует нехилая вероятность, что одним из следующих трупов будет твой собственный.

Плюс тут существует еще один немаловажный нюанс, о котором не стоит забывать.

Чисто технически никакой возможности для побега я не вижу.

Скажем, какие шансы у крестьянина шестнадцатого века сбежать с той же Лубянки века двадцать первого? Если учесть, что он ничего не знает о системах сигнализации, датчиках движения и видеокамерах, натканных на каждом углу? Да что говорить о крестьянах шестнадцатого века, свои шансы сбежать из штаб-квартиры современных мне спецслужб я считал стремящимися к нулю.

Здесь и сейчас же таких шансов не было вообще.

Ничего не зная о нынешних технологиях, не представляя, как устроена жизнь потомков, не имея ни малейших сведений даже о таких вещах, как способы идентификации граждан Альянса и местный общественный транспорт...

Бежать некуда.

Остается только плыть по течению и ждать, куда это течение вынесет. Правда, существует почти стопроцентная вероятность, что течение вынесет меня к Ниагарскому водопаду, а средствами спасения меня никто не снабдит.

Унылая перспектива.

– Генерал был ненастоящий, – сообщил мне полковник Визерс следующим утром. Мы опять сидели в его кабинете, и он буравил меня взглядом своих жестких полковничьих глаз. – Думаю, ты и сам догадался, что он ненастоящий.

– Он изъяснялся несколько шаблонно и не производил впечатления особо умного человека, что было бы нехарактерно для генерала такой

крутой спецслужбы, – сказал я. – Впрочем, я до сих пор ни в чем не уверен. Кто знает, какие тут у вас генералы...

– Генералы у нас разные, – сказал Сол. – Есть и такие, как «генерал Торстен». Только не в СБА.

– Думаю, по сценарию теперь я должен спросить, какого черта ты его ко мне подослал.

– Хотел проверить твою реакцию на некоторые раздражители.

– То, что он мне сказал про ментоскопирование, – правда? После него на самом деле становятся дураками?

– Немногие, – сказал Сол. – Большая часть превращается в растения.

– Мило.

– Легкое ментоскопирование, которое пытались применить к тебе в Белизе, тоже не вполне безопасно, – сказал Сол. – Повторенное несколько раз, особенно в короткий промежуток времени, до года, оно сильно снижает мозговую активность на весь последующий срок жизни.

– Замечательно.

– После неоднократного тотального глубокого ментоскопирования шанс остаться нормальным человеком – примерно один на миллиард. Может, еще меньше, потому что ты – первый, кому это удалось. Твой мозг сохранил все свои прежние качества.

– Я прямо-таки начинаю гордиться своим уникальным организмом.

– Думаешь, я должен перед тобой извиниться?

– Вряд ли ты это сделаешь, полковник. Скажи, ты больше чувствуешь себя ученым или военным?

– СБА – военизированная структура. Здесь штатских вообще нет.

Я расценил его ответ как немного уклончивый, но промолчал. Понятное дело, что он больше военный, чем ученый. Иначе его вряд ли поставили бы руководить столь важным проектом, как я.

– И как успехи в нелегком деле исследования содержимого моей черепной коробки? – поинтересовался я.

– Сказать по правде, нас больше интересует не содержимое твоего мозга, а его устройство. Мы уже получили первые результаты, – сказал Визерс. – И они не радуют.

– Чем именно они вас не радуют?

– Пока не найдено никаких отличий. Никаких отклонений в строении твоей мозговой коры, на которые можно было бы списать феномен эйдетической памяти, стойкой к воздействию извне. Не утруждая тебя научными терминами, могу сказать, что твой мозг производит впечатление мозга вполне обычного человека. Я начинаю считать, что если отличия и

есть, то они находятся на том уровне, до которого мы пока не можем добраться. Возможно, кленнонские ученые действительно могли бы сказать больше. Но я в этом не уверен.

– Кленнонцы действительно обогнали вас в этой области наук?

– Да. Генетические эксперименты над человеком официально запрещены на территории Альянса, и они же являются основой выживания Кленнонской Империи. Тут они нас здорово обошли.

Из чего можно сделать вывод, что кленнонцы на самом деле являются побочной ветвью человечества. Или мне опять врут.

– А зачем вам понадобилось подсылать ко мне Виолу с этими сказками про кленнонскую разведку? – поинтересовался я. – Тоже реакцию на раздражители хотели посмотреть?

– Вроде того.

– Наверное, есть и более легкие способы свести человека с ума, – заметил я. – Или с моим уникальным мозгом такие штучки не проходят?

– В том, что рассказала тебе Виола, было не так уж много бреда, – сказал Сол. – Только в той части, что она работает на Империю, она солгала. Ну и то, что в Альянсе тебя обязательно убьют, это тоже неправда. Всему остальному ты можешь верить. Кленнонцы – люди, и они были бы счастливы заполучить такой уникальный образец в свои руки.

– И у них действительно есть тайные агенты внутри СБА?

– Доподлинно это неизвестно, – сказал Сол. – Но полностью исключить такую вероятность мы не можем.

– Наверное, у СБА есть свои агенты внутри имперской разведки? – предположил я. – Поэтому вы не исключаете, что их агенты могут быть среди вас.

– Я не буду об этом говорить, – сказал Сол. – Единственное, в чем я уверен, – среди людей нет агентов Скаари. А у нас нет ни одного агента среди них. Разные формы жизни. Хотя я бы не отказался от возможности узнать, что творится в Гегемонии.

– Как у вас тут все сложно, – посочувствовал я. – Но вернемся к нашим баранам. То бишь ко мне. Итак, результаты исследований неутешительны. Что будет дальше?

– Мы брали пункцию твоего головного мозга, но ее анализ никаких положительных результатов не дал. За исключением того факта, что у тебя вполне здоровый мозг.

– Это уже радует, – сказал я. – Меня, по крайней мере.

– Есть мнение, что надо вынуть твой мозг из черепной коробки и рассмотреть его под микроскопом.

– А вот это совсем не радует.

– Есть также мнение, что подобный осмотр ничего принципиально нового не выявит, а вот засунуть мозг обратно в черепную коробку, оставив все в том же состоянии, мы уже не сможем. Что исключит возможность дальнейших исследований.

– То есть мозг таки решили не вытаскивать?

– Думаешь, если бы мы решили его вытащить, я бы тебе об этом сказал?

– Тоже верно. И что теперь будет?

Полковник Визерс вдруг сделался задумчив и стал рассеянно стучать пальцами по поверхности стола.

Похоже, руководство в недоумении. Хорошо это для меня или плохо?

Решив пока не делать никаких выводов, я уставился на Визерса, а он смотрел куда-то вдаль, как будто сквозь меня.

– Думаю, нам надо прогуляться, – вдруг сказал он.

Полковник подошел к стене, в которой внезапно обнаружился шкаф. Черт побери, а в прошлый раз это был монитор, который показывал мне всякие ужасы про скаари и кленнонцев...

– Одевайся. – С этими словами полковник швырнул мне какие-то тряпки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся футболкой и неким подобием штанов.

– Ты меня пугаешь, Сол, – сказал я. – Что будет, когда я это надену?

– Небольшая экскурсия. И не задавай лишних вопросов.

– Я тут только и делаю, что не задаю вопросов, – вздохнул я и натянул шмотки прямо поверх того, что на мне было.

Штаны оказались чуть длиннее, чем надо, но отлично сидели на поясе, хотя никакого подобия молний, пуговиц или заклепок на них не обнаружилось. Швов, впрочем, тоже. Вот они, высокие технологии будущего...

– Теперь надень вот это. – Полковник вручил мне нечто очень похожее на его собственный комбинезон, причем даже со знаками различия.

Интересно, какое теперь у меня звание?

Напоследок полковник одарил меня милитаристского вида ботинками, удивительно угадав с моим размером ноги. Или у них тут вся обувь по ноге подстраивается...

– Куда пойдем-то? Или это тоже лишний вопрос?

– Тоже лишний. – Сол нацепил себе на левое запястье здоровенные часы, превосходившие размером самый большой спортивный хронометр «Casio G-shock», который мне доводилось видеть, раза в два. – В свое

время ты все узнаешь.

– И когда уже наступит это мое время... – театрально пробормотал я. Полковник посмотрел на хронометр.

– Пойдем.

И мы пошли.

Коридор, типовой, серый, ничем не примечательный.

Еще один коридор. Двери, светильники, какие-то плакаты на стенах... Или мониторы, изображение на которых меняется очень редко.

Полковник шел быстрым, размашистым шагом, и у меня не оставалось достаточно времени для осмотра достопримечательностей.

Изредка нам встречались люди. На большинство из них полковник не обращал внимания, некоторым коротко кивал.

Ему кивали все. Видимо, мы находились в подведомственном ему отделе. Или его тут просто все хорошо знают. Или питают пиетет к любому полковнику, встреченному на дороге... Или... Вариантов может быть множество.

Поворот, еще один коридор, что-то очень похожее на лифт и небольшая очередь перед ним. Мы в эту очередь не встали, прошли мимо. Похоже, экскурсия ограничится одним этажом. Не очень она познавательной получается, если честно.

И вот тут я почему-то стал нервничать.

Вроде бы особых предпосылок к этому не было, а все равно на душе сделалось беспокойно.

Я путешествовал по внутренностям штаб-квартиры СБА в сопровождении одной из местных шишек, и непохоже, что впереди меня ждала какая-то неприятная медицинская процедура. Обычно на процедуры меня доставляли несколько иным способом, без личного участия руководителя проекта.

Но все же что-то в происходящем было не так.

Посреди следующего коридора нас встретил пост охраны. Небольшая рамка, напоминающая магниты-металлоискатели при входе в московские кинотеатры, и двое молодчиков в футуристического вида бронежилетах... Тьфу, пора научиться мыслить другими категориями.

Двое молодчиков в современного вида бронежилетах. И при весьма современных пушках, покоящихся в кобурах.

Один из молодчиков посмотрел на встроенный в рамку «металлоискателя» монитор и кивнул другому молодчику. Другой молодчик сразу же преградил нам путь.

– В чем дело? – резко спросил Сол. – Вы загораживаете мне дорогу, солдат.

– Вы можете пройти, сэр. Никаких проблем. Но ваш спутник...

– Что не так с моим спутником?

– Это объект 12–74 ЗА87, – сообщил молодчик. – Его передвижение ограничено пределами зоны ЗА.

– Если вы вдруг этого не знаете, – сказал Визерс, особо напирая на слово «вдруг», – я являюсь руководителем зоны ЗА, и мне прекрасно известно, кто рядом со мной. И нам нужно пройти.

– Это против правил, сэр.

– Разве сфера безопасности СБА ограничивается исключительно зоной ЗА? – вкрадчиво поинтересовался полковник. – И, пройдя мимо вас, мы попадем на неохраняемую территорию?

– Нет, сэр. Но есть правила...

– А еще существует такая вещь, как прямой приказ, солдат, – сообщил молодчику Визерс. – И вы его сейчас получите. Немедленно освободите дорогу.

В приключенческой литературе существует штамп, неизменно преследующий людей, наделенных властью.

Когда они отдают приказы низшим по званию, в их голосе обязательно должна «прозвучать сталь».

На самом деле мне сложно представить, как именно «звучит сталь», но похоже, что из голоса полковника Визерса можно было делать гвозди. Столько в нем было металла.

– Я немедленно доложу о происходящем начальнику внутренней охраны, сэр. – В голосе охранника стали не было. В нем были интонации человека, привыкшего исполнять идиотские приказы старших по званию и ничего хорошего от доклада своему непосредственному начальству не ожидающего.

Но дорогу они освободили.

Проходя мимо, я скосил глаза, пытаюсь поподробнее рассмотреть содержимое кобуры охранника. Судя по тяжелой рукоятке, там могла быть какая-то серьезная фиговина. Парализатор, который на мне пользовали в Белизе, выглядел намного скромнее. Он и на оружие-то толком не походил.

Миновав пост охраны, Визерс еще раз взглянул на хронометр и ускорил шаг.

Внутренний голос сокрушенно качал головой и предвещал, что Леша скоро вляпается в очередное дерьмо.

А в таких вещах мой внутренний голос ошибается крайне редко.

ГЛАВА 6

Надо сказать, я люблю, чтобы все в жизни было логично.

Речь идет не о формальной логике как о науке. Логика как наука штука весьма порочная, о чем мог бы засвидетельствовать Ахиллес, уставший гоняться за черепахой. С помощью формальной логики можно доказать все что угодно, включая известную хохму о том, что крокодил больше зеленый, чем длинный.

Потому что длинный он только в длину, а зеленый – еще и в ширину. Это же тоже логично, не правда ли? Логика как наука является величайшим оружием в руках демагога.

Я же имею в виду логику примитивную, работающую на самом тупом бытовом уровне.

Например, если чувак моей наружности вздумает разгуливать по негритянскому гетто в футболке с надписью «Я ненавижу ниггеров», будет вполне логично, если он огреbet по морде и закончит свою прогулку в реанимации или на кладбище.

И будет совсем нелогично, если он получит награду за вклад в дело борьбы с сегрегацией. Хотя это от чувства юмора награждающей комиссии будет зависеть...

Тут есть много вариантов развития ситуации, конечно, но под каждый из них можно подвести определенную базу из предпосылок.

В общем, во всех происходящих с человеком событиях присутствует какая-то логика. Проблема в том, что зачастую сам человек этой логики не видит, поэтому взаимосвязь событий ему совершенно не ясна.

До поездки в Белиз моя жизнь была вполне логична, и ничего сверхъестественного в ней не происходило. Каждую шишку, которую я набивал на своей голове, можно было объяснить каким-то конкретным и вполне понятным фактом. У каждого следствия была причина.

Стоило только на минуточку задуматься, и причина сразу же находилась.

И любой человек, на первый взгляд ведущий себя неадекватно, вне всякого сомнения, имеет свои, невидимые другим причины, чтобы вести себя именно таким образом.

Наверное, у полковника Визерса тоже были причины вести себя так, как он себя вел. Скорее всего, так оно и было, ибо такие люди, как Визерс, редко совершают действия, не имея на это никаких оснований.

Только вот я этих причин никак не видел.

В том, что я их не видел, конечно, нет ничего удивительного, ибо я не был полковником спецслужбы будущего и не обладал известным ему объемом информации, но сам факт непонимания происходящего меня дико раздражал.

Все те три минуты, что мы почти галопом неслись по внутренностям СБА.

И на протяжении этих трех минут мой внутренний голос бубнил одно и то же.

Сейчас начнется, сейчас начнется, сейчас начнется...

Я вовсе не имею в виду, что я принадлежу к числу тех сумасшедших, которые слышат чужие голоса в собственной голове. Голос, вне всякого сомнения, чужим не был и принадлежал мне.

Назовите это интуицией, назовите это предчувствием, назовите это как хотите.

Я называю сие «внутренним голосом». К сожалению, он у меня включается редко и в большинстве случаев не мешает мне вляпываться в очередные неприятности, но когда он таки начинает говорить... Осечки можно пересчитать по пальцам одной руки. И еще лишние пальцы останутся.

– Иди на шаг позади меня, – сказал Визерс, и я послушно отстал.

Полковник был чертовски спокоен, но мне почему-то казалось, что мы не просто совершаем променад по коридорам штаб-квартиры СБА.

Скоро обнаружился еще один «металлоискатель». На мой дилетантский взгляд, броня у этих ребят выглядела посерьезнее, чем у предыдущих. На головах у них были шлемы с прозрачными забралами. То ли эти штуки мешали им дышать, то ли в штатном режиме опускать их не требовалось, но забрала у шлемов были подняты.

Это парней и сгубило.

Едва пройдя рамку «металлоискателя», Визерс вдруг выбросил вперед правую руку, и его кулак вонзился охраннику в лицо. Поскольку я в тот момент находился на шаг сзади, то есть совсем рядом с местом событий, я отчетливо услышал хруст, с которым ломались нос и верхняя челюсть бедолаги.

Несколькими десятыми долями секунды позже левая нога Сола воткнулась в район шеи второго охранника...

На пол ребята упали одновременно, а в руках полковника вдруг обнаружилась пушка, которую он успел вытащить из кобуры парня со

сломанным носом. Хорошая реакция для простого ученого.

Очевидно, договориться с этими ребятами он уже просто не мог. Другая зона ответственности или что-то в этом роде...

– Вперед! – рявкнул Визерс, и мы понеслись по коридору.

Почему-то мне показалось, что сейчас не самый подходящий момент для выяснения подробностей о том, какого дьявола тут происходит, и я устремился за ним.

Долго бежать нам не пришлось – уже через двадцать метров мы оказались на небольшой террасе, огороженной метровой высоты перилами. Едва мы выбежали на террасу, как в здании завывли сирены, а обратный путь оказался закрыт переборкой, на первый взгляд являющейся одним целым со стенами.

Полковник подошел к перилам и устремил свой взгляд в сторону соседних зданий.

– Будем прыгать? – поинтересовался я.

– Чуть позже, – сказал полковник, проведя рукой перед собой.

Как будто ощупывая невидимую стену.

Я повторил его жест, и моя рука наткнулась на упругое сопротивление, какое бывает, если пытаться продавить не до конца надутый воздушный шарик.

Область сопротивления начиналась там, где заканчивались перила. У меня даже не возникло сомнений в том, что невидимая упругая стена окружает всю террасу.

– Силовое поле? – попытался я угадать термин.

– Защитный купол Грейва, – ответил Сол. – Неужели ты думаешь, что в здании есть открытые площадки?

Признаться честно, я даже не думал, что в здании есть площадки, накрытые невидимыми силовыми полями, или защитными куполами Грейва, если так будет угодно, но в этот момент до моего мозга с опозданием дошел ответ полковника на мой первый вопрос.

Мы будем прыгать.

К сожалению или к счастью, но посмотреть строго вниз и определить высоту здания мне не удалось. Я знал, что для парашютного прыжка необходима какая-то минимальная высота, и даже помнил конкретную цифру, но вся штука в том, что парашюта у меня не было. И при полковнике Визерсе таковой тоже не наблюдался.

Хотя кто знает, какие у них тут существуют способы для прыжков с высотных зданий...

Сердце бешено колотилось в груди, и меня даже не интересовало,

каким образом нам удастся преодолеть защитный купол.

За невозможностью посмотреть вниз я посмотрел вверх.

Вверху обнаружился кусок голубого неба и зеркальная гладь здания СБА, стремящегося к облакам.

– Туда смотри. – Полковник ткнул пальцем перед собой.

На горизонте обнаружилась маленькая серебристая капля.

Полковник посмотрел на хронометр.

Капля стремительно приближалась. Если меня не обманывал глазомер, она летела прямо на нас, но полковник не выказывал ни малейшего беспокойства по этому поводу.

Он вообще ни по какому поводу беспокойства не выказывал, словно не он несколькими мгновениями раньше крушил головы охранников из собственного ведомства и спровоцировал сигнал тревоги по всему зданию.

Я сообразил, что с момента, как мы вышли «на прогулку» из его кабинета, не прошло и пяти минут. Просто очень уж быстро все происходило.

А дальше все начало происходить еще быстрее.

В небесах прямо над нами что-то нехило полыхнуло, и мне показалось, что здание вздрогнуло.

Защитный купол Грейва исчез, и мои руки, упирившиеся в него, внезапно нащупали пустоту.

Серебристая капля выросла до размеров минивэна и заложила крутой вираж, уходя от нас влево и вниз.

Полковник вдруг резко толкнул меня в спину, и я перелетел через перила.

Воздух с силой ударил в легкие, ветер засвистел в ушах, я инстинктивно закрыл глаза, а в голове успела промелькнуть только одна мысль.

Ведь не хотел же приключений. И почему они сыплются на меня по полной программе?

Но полет оказался таким недолгим, что я даже испугаться толком не успел.

Удар был довольно болезненным.

Для сравнения вы можете пойти в спортзал, залезть по канату на трехметровую высоту и с нее упасть на маты. Не спрыгнуть, а именно упасть, чтобы падение являлось для вас неожиданностью и вы бы не успели сгруппироваться в полете. Если вы вообще умеете группироваться,

конечно.

Если при этом вы что-то себе сломаете – то я вам ничего не советовал.

Я приложился правым плечом, боком и коленом. Удар сопровождался легким хлопком.

Тут же рядом еще что-то хлопнуло.

Ветер так и не переставал свистеть в ушах, хотя я уже вроде бы никуда не летел.

Мозг обрабатывал информацию, но остальной организм был уверен в том, что он умер.

– Глаза-то открой, – посоветовал Визерс. – Мы с тобой первые в истории люди, которым удалось совершить побег из здания штаб-квартиры СБА. Неужели ты не хочешь посмотреть на него со стороны?

Если бы мне такое рассказали, я бы не поверил.

Если бы полковник Визерс с самого начала посвятил меня во все детали, я бы, наверное, ни за что не согласился.

Мы спрыгнули с террасы, воспользовавшись секундным отключением висящего над ней защитного поля.

Пролетели несколько метров по направлению к земле.

И были подхвачены спортивным флаером «Макларен-3500», который на пару минут превратился из минивэна в кабриолет.

Этот трюк требовал филигранного расчета времени с обеих сторон. Небывалого мастерства пилота.

И немереного везения.

В салоне оставалось только одно кресло – водительское, пол был покрыт чем-то вроде спортивных матов, которые смягчили удар.

Здание СБА, окутанное серым светонепроницаемым коконом – это включились механизмы активной защиты, – таяло вдали.

Город по-прежнему оставался далеко внизу.

А над нами разверзся настоящий ад.

Небеса были испещрены вспышками, как лицо подростка в переходный период бывает обезображено прыщами. То и дело рядом что-то взрывалось, выли сирены, мимо проносились обломки зданий и летательных аппаратов. То и дело через распахнутую настежь крышу в салон флаера врвался горячий воздух.

– Закрой люк! – крикнул Визерс. – Сквозит!

За рулем... За штурвалом... За управляющими джойстиками флаера сидела миниатюрная девушка-пилот, чьей реакции могли бы позавидовать лучшие гонщики «Формулы-1».

Из-под летного шлема, скрывавшего почти всю голову, торчали собранные в конский хвост темные волосы. На ногтях сжимающей джойстик правой руки я разглядел тщательно сделанный маникюр.

Удивительно, какие мелочи фиксирует мозг, чтобы отвлечься от информации, которую он не хочет воспринимать.

Крыша заняла свое место беззвучно и в считанные секунды. В салоне сразу же стало очень тихо – звукоизоляция оказалась отличной.

– Пристегнитесь! – донесся из-под шлема звонкий девичий голос. – В следующие пятнадцать минут нам будет весело!

Полковник Визерс помог мне доползти до задней части салона, где оставалось что-то вроде спинки заднего сиденья, и застегнул на мне ремни безопасности, похожие на те, которые используют пилоты гоночных автомобилей. Сам он устроился рядом и тоже пристегнулся.

– Не нервничай, – сказал Сол. – Кира – лучший пилот из всех, коих мне доводилось видеть в этой жизни.

Если я и нервничал, то совсем не по поводу того, кто сидит за рулем... за джойстиками нашего транспортного средства.

А вообще-то я с удивлением отметил, что не нервничаю. Ни по какому поводу. Для того чтобы нервничать, надо хоть что-то понимать в происходящем.

Или весь запас беспокойства был истрачен во время прыжка.

Стекла были затемнены, но сквозь них все равно было видно, как какая-то неведомая сила корежит город. Война раньше времени началась, что ли? Но неужели враг успел подобраться так близко к столичной планете Альянса? Или война уже шла, о чем Визерс не счел нужным мне сообщить?

– Что... – я вдруг понял, что кричу и в тишине салона мой голос смахивает на истерический, – что происходит?!

– Я же сказал, побег.

– Я имею в виду, что происходит с городом? Война?

– Пока еще нет. – Визерс ухмыльнулся, и улыбка его была недоброй. – Есть мнение, что имел место сбой на одном из боевых орбитальных спутников, в результате чего спутник развернулся и начал палить по континенту. И совершенно случайно одним из первых выстрелов он угодил в здание СБА, чем почти на секунду вывел из строя часть оборудования, в том числе и отвечающего за генерирование легких защитных куполов Грейва. Потом в здании включился боевой режим, и защитное поле Пакстона накрыло его целиком. Снимать его до конца орбитальной бомбардировки было бы верхом неосторожности, а потому еще минут пятнадцать из здания никто не сможет выйти.

Мозг сразу же выцепил из речи полковника самый важный для меня момент.

– У нас была на прыжок всего одна секунда? – уточнил я. – А если бы мы не успели? Что было бы тогда?

– Тут все зависит от того, насколько бы мы не успели, – сказал Сол. – В лучшем варианте мы остались бы на террасе, отрезанные полем Пакстона. В этом случае меня бы убили на месте, потому как я собирался оказать ребятам активное сопротивление при помощи плазмомета. А тебя вернули бы в лаборатории, где в скором времени из твоей черепной коробки извлекли бы твой мозг. В худшем варианте, если бы мы чуть-чуть замешкались с прыжком, но все-таки его совершили, включившееся поле Пакстона разрезало бы нас пополам. В общем, мы бы оба умерли. Варьировались только способы. Но ты не волнуйся, я все точно рассчитал. Я даже контролировал тебя во время полета.

Я замысловато и с чувством выругался по-русски.

– Самая трудная часть досталась Кире, – философски заметил Визерс, и тут флаер неожиданно вошел в крутое пике, и мы повисли на ремнях безопасности. Но Визерс, не обратив на это никакого внимания, спокойно продолжил: – Подлететь к зданию на максимальной скорости, дабы не быть сбитой системами противовоздушной обороны, и успеть вовремя нас подобрать.

– Я этот фокус неделю на симуляторе отрабатывала, – сообщила Кира. – И то не всегда получалось.

Она весело рассмеялась, а «Макларен» вынырнул из пике, заложил вираж и принялся набирать высоту, при этом боком чиркнув угол соседнего здания.

Чиркнуть-то он чиркнул, но в салоне нас потрянуло изрядно.

– Полегче, – буркнул Сол. – Это тебе не истребитель.

– Я уж вижу, что не истребитель, – моментально отозвалась Кира. – Удивительно неповоротливая штуковина. И корма слишком тяжелая.

– Истребитель над городом сразу бы сбили, – сказал Сол.

– Для того чтобы меня сбить, им пришлось бы очень хорошо постараться. – В голосе девушки чувствовалось самодовольство.

– В любом случае шум поднялся бы раньше времени, и у нас ничего бы не вышло. Видишь, и без истребителя обошлось.

– Но я не чувствовала себя уверенной на все сто процентов, – сообщила Кира. – Даже когда вы уже шмякнулись, я продолжала сомневаться.

– Сомнение – признак девственности ума, – непонятно что имея в

виду, буркнул Визерс. – Сколько за нами?

– Трое. Было пятеро, но двое уже отстали.

Флаер дал крен на правый борт, в окошке мелькнула земля, часть какого-то здания, небо... Ага, за нами еще и погоню отправили, как выяснилось.

Ремни прочно удерживали мое тело на месте. Даже перегрузки особо не чувствовались, как я выяснил чуть позже, в «Макларенах» стоят почти армейские гравикомпенсаторы.

В небесах еще раз полыхнуло, на этот раз посильнее прежнего, словно где-то наверху взорвалась ядерная бомба.

– Спутник ликвидировали, – констатировала Кира.

– Почти две минуты, – сказал Визерс. – Я начинаю сомневаться в нашей хваленной орбитальной обороне.

– Теоретически оборона предназначена для того, чтобы отражать угрозу из космоса, – сообщила Кира. – Нужно некоторое время, чтобы переориентировать боевые станции на стрельбу в орбитальной плоскости. Ну и щиты спутника тоже некоторое время должны были продержаться...

– А эти спутники еще и сбоят, – сказал я. – Сколько времени вам потребовалось, чтобы обеспечить этот сбой?

– На программном уровне – пару месяцев, – сказал Визерс. – Вообще-то мы эту возможность не ради тебя держали. Но так уж вышло, что другого способа вытащить тебя из цепких лап СБА мы не нашли. – Он снова недобро улыбнулся.

– Осталось только уточнить, кто такие эти «вы», – сказал я.

– У нас еще будет время все это обсудить, – сказал Визерс.

Знакомая песня. Слова и исполнитель те же самые, только мотив немного изменился.

– Контроль транспортной сети накрылся, – сообщила Кира. – Очевидно, во время той же атаки со спутника. Судя по переговорам в эфире, преследователи держат с нами исключительно визуальный контакт. Их двое осталось, кстати.

– Оторваться сможешь?

– Вряд ли. Они ж не на таких лоханках, как у нас, летают.

– Скажи спасибо, что у боевых машин есть ограничение по минимальной высоте, – буркнул Визерс. – Посмотрел бы я, как ты будешь отрываться от своих братьев-истребителей.

– Там и сестры есть. – Довольная улыбка Киры не была видна под шлемом, но чувствовалась даже в ее голосе. – Я думаю, еще минут несколько, и минимальное ограничение снимут. Так что делай то, что

должен делать.

– Мне нужно секунд десять, чтобы нас хотя бы не мотало по салону.

– Приготовься пока. Я извещу, когда начнутся эти десять секунд.

Сол отогнул угол напольного покрытия и вынул из обнаружившегося под ним люка хреновину, больше всего похожую на старинный пистолет, какие любят изображать в детских мультиках про пиратов – с дулом, очень сильно расширяющимся на конце. Зато на верхней части устройства находилось нечто похожее на лазерный прицел.

Фантаσμαгоричная хреновина.

Наверное, в моих глазах отразилось течение мыслей, потому что Сол ухмыльнулся и навел штуковину на меня.

– Не волнуйся, это не оружие, – сказал он. – Точнее, своего рода оружие, конечно, но тебя оно не убьет. И поверь, если бы я хотел тебя грохнуть, мог бы придумать и гораздо более простые способы, нежели...

– Давай! – скомандовала Кира, и флаер выровнялся. Свободной рукой Сол щелкнул по «лазерному прицелу», и мне вдруг стало очень нехорошо.

Ну, примерно до такого состояния, когда начинают зудеть ногти, чесаться зубы и болеть волосы. А организм выворачивает уже не наизнанку, а крутит во всех возможных измерениях. Странное, ранее неизведанное мною ощущение...

Флаер дернулся.

То ли небольшой сгусток плазмы, то ли шаровая молния пролетела в каком-то метре от нас и вонзилась в угол здания, пробив его насквозь.

Сол не смог удержать свою хреновину одной рукой и чуть не уронил ее на пол.

– Упс! – весело сказал Кира. – Чуть не попали.

– Ровно держать можешь?

– Это был маневр уклонения, кстати, – сказала она. – Сейчас будет еще один.

Флаер завалился на другой бок, Сол невольно саданул мне «пиратским пистолетом» по коленке, где-то далеко впереди и внизу мелькнула земля...

– Делайте!

Сол снова навел на меня эту хреновину под сдавленное бормотание девушки-пилота о том, что десять секунд ровного полета в такой ситуации – это верный способ самоубийства.

Снова зачесались зубы и заболели волосы.

– Это излучение, – сообщил Сол. – Для тебя неприятное, но неопасное. Оно выжигает маячки слежения в твоём организме. Если мы от них не избавимся, то нас очень быстро найдут, знаешь ли.

На мой взгляд, это продолжалось куда дольше десяти секунд, но я осознавал важность процедуры и не рыпался.

Кира все это время удерживала флаер в относительно спокойном полете, только иногда поигрывая с ускорением.

Потом Визерс направил эту хреновину на себя. Логично, службы безопасности будущего вполне могут не доверять своим сотрудникам. Тем более таким сотрудникам, которые способны устраивать побеги ценным подопытным экземплярам и атаковать собственную службу при помощи орбитальных боевых спутников.

– Все. – Сол скорчил гримасу и убрал устройство обратно.

Кира, словно только этого и ждала, заложила «мертвую петлю».

– Боевой разворот, – сообщила она. – Жалко, «Макларен» не оборудует свои игрушки импульсными пушками.

– То-то городское движение бы оживилось, – буркнул Сол.

– Зато было бы весело, – сказала Кира. – Почти так же, как мне было весело, когда мы высаживали десант на Стауте-74 под обстрелом плазменных батарей повстанцев.

– Не было у них там плазменных батарей, – сказал Сол. – Пара списанных пулеметов – может быть, а вот плазменных батарей не было.

– Это тебя там не было, а батареи были. Иначе откуда сорок процентов выбитых десантных транспортов в первые двадцать минут высадки? Пока мониторы наземные точки огнем не подавили?

– Летать ни хрена не умеете.

– Ха!

Очередной вираж впритирку к небоскребу заставил меня усомниться в словах полковника. Кира летать умела.

А ведь они нервничают, понял я.

Они в отличие от меня знают, что сейчас происходит и чего это может нам стоить, и пытаются скрыть нервозность за бравадой шутливой перепалки.

И когда до меня дошла эта нехитрая мысль, я тоже начал нервничать.

– Граница округа, – сказала Кира. – Дальше транспортная сеть должна быть в порядке. Хвост в нескольких километрах сзади и отстаёт. По какому варианту уходим?

– План Б, – сказал Визерс.

– Мне же легче, – сказала Кира. – Без балласта рулить сподручнее.

Не снижая скорости, «Макларен» начал скользить вниз.

Сол снова порылся под напольным покрытием и извлек две маски, похожие на атрибутику для игры в пейнтбол. Ремешков или каких-то

других креплений у масок не обнаружилось.

– Легкое водолазное снаряжение, – пояснил Сол. – Плотнo прижимаешь к лицу, потом лижешь вот эту таблетку. Кислорода хватит минут на двадцать, но нам столько не потребуется.

– Нырять будем?

– Причем на ходу, – ухмыльнулся Сол. – Представь, что ты – десантник на Стауте-74, и возблаговари Бога за то, что по нам не палят из плазменных батарей.

Здания внезапно кончились, мы летели над лесополосой. Или над большим парком. На настоящий лес это было мало похоже – деревья были высажены ровными рядами, а полянки имели почти идеальные геометрические формы.

– Плавать-то умеешь? – спросил Сол.

– Да.

– Как только окажешься в воде, ныряй глубже, кислорода в маске хватит. – Сол показал, как именно надо прикладывать «легкое водолазное снаряжение» к лицу. – Там неглубоко, метра три. Минут десять проведем на дне, потом я дам знак, и будем всплывать. Ясно?

– Вы хоть притормозите перед прыжком?

– Слегка, – сказала Кира.

Я счел ее ответ обнадеживающим. И решил не выяснять, какой именно смысл вкладывают в слово «слегка» пилоты десантных кораблей.

ГЛАВА 7

Вода оказалась холодной.

Ведомый девушкой-пилотом «Макларен» на какое-то мгновение завис над гладью небольшого лесного озера и умчался еще до того, как мы с полковником Визерсом полностью погрузились в воду.

Нырять с двухметровой высоты было не страшно. Особенно по сравнению с прыжком, который мы с Визерсом совершили несколькими минутами ранее.

Оказавшись в воде, комбинезон плотно обхватил тело, но совершенно не стеснял движений, и самый большой дискомфорт доставляли ботинки.

Белый кругляшок, находящийся прямо перед губами, усердно выделял кислород, углекислый газ от дыхания выводился при помощи клапанов по боковым сторонам маски.

Нехило у них тут живут «легкие водолазы».

Дна удалось достичь при помощи всего нескольких энергичных гребков, как и обещал Визерс, озеро оказалось неглубоким.

Я ухватился за какую-то корягу и начал считать вдохи и выдохи, но сбился, когда полковник положил руку мне на плечо.

Он что-то пытался объяснить мне на языке жестов, но вода была недостаточно прозрачной, и я ни фига не понял.

После очередного взгляда на хронометр Визерс ткнул большим пальцем вверх. Этот жест сложно было превратно истолковать, и мы всплыли.

До берега было недалеко, и мы постарались как можно быстрее убраться с открытого пространства.

Внутренний слой одежды под комбинезоном со знаками отличия СБА оказался почти сухим, в ботинки вода тоже не проникла. Удобная одежда, но от комбеза пришлось избавиться.

Полковник, тоже в штатском, скатал отслужившие свое шмотки в довольно компактный рулон и спрятал его под корнями дерева.

– Не сомневаюсь, что ты прямо сейчас потребуешь объяснений, – сказал он. – Но побереги дыхание. Нам нужно пробежать около трех километров и сделать это как можно быстрее.

Лесополоса – это не белизские джунгли, тут можно и побегать.

Ежедневные тренировки на беговой дорожке не прошли зря, и к финишу я дышал не тяжелее, чем полковник. А может быть, сказался и тот

факт, что всю дорогу мы молчали.

На небольшой полянке, под защитным, сливающимся с травой тентом, стоял еще один флаер.

Раза в полтора поменьше, чем спортивный «Макларен», его предназначением явно были не полеты на максимальных скоростях и фигуры высшего пилотажа, а простая перевозка людей из пункта А в пункт Б. Зато по идее он не должен был бросаться в глаза так, как серебряная капля болида Киры.

Сол обошел флаер сзади, нажал на одну из многочисленных кнопок своего хронометра и явил моему взору багажное отделение транспортного средства, по размерам не уступавшее багажнику современных мне внедорожников.

– Прошу, – сказал Сол.

– С чего бы это мне туда лезть?

– Для конспирации, – сказал Сол. – Багажник экранирован от сканирования, и, если кто-то вздумает нас проверить, он увидит только меня, управляющего флаером.

– И что?

– В городе после бомбардировки творится хаос, и шансы на то, что нас могут найти в этом хаосе в ближайшие несколько часов, исчезающе малы, – сказал Сол. – Но это тот случай, когда я предпочел бы перестраховаться. Искать будут двоих или троих человек, так как мало кто рискнет предположить, что ты будешь передвигаться в одиночку. Следовательно, если наблюдатели увидят одного человека во флаере, это вызовет куда меньше подозрений, чем если они увидят в этом же флаере двух человек. Я доступно объясняю?

– Вполне.

– Тогда лезь.

– Еще один вопрос, – сказал я, смирившись с ролью груза. – А что будет с Кирой?

– Они ее не возьмут, – оптимистично заявил Сол, подумал несколько секунд и добавил: – По крайней мере живой.

Я так полагаю, что флаер, выбранный полковником Визерсом для тактического отступления в неизвестном мне направлении, был чем-то вроде машинки семейного типа, ибо багажное отделение у него оказалось вполне вместительное и, я бы даже сказал, комфортное.

Стенки обиты мягким материалом, дно тоже не самое жесткое, а пространства достаточно, чтобы периодически менять позу, и, хотя

выпрямить ноги мне так и не удалось, судорог и онемения конечностей я все же избежал.

Полковник вел машину плавно, без экстремального маневрирования Киры, наверняка стараясь вписываться в общий поток транспорта и не привлекать к нам излишнего внимания. Лишь изредка флаер покачивало в поворотах, но неприятных ощущений это не вызывало. Я даже начал подумывать, а не стоит ли мне поспать до прибытия в пункт назначения и выяснения всех подробностей, но сна не было ни в одном глазу.

И тогда за неимением других занятий я стал думать.

Итак, полковник Визерс утверждает, что имел место побег из штаб-квартиры самой могущественной спецслужбы Демократического Альянса, и на данный момент у меня нет никаких оснований в это не верить.

Судя по увиденным во время побега спецэффектам, сие действо организовала тоже отнюдь не слабая группа товарищей, ибо им удалось задействовать не только дорогостоящее транспортное средство, но и устроить на мегаполис орбитальную атаку, которая была одновременно и частью плана по освобождению меня из застенков СБА, и нехилым отвлекающим маневром.

А полковник Визерс оказался двойным агентом, причем СБА была не основным его работодателем, ибо я сильно сомневаюсь, что завтра он сможет вернуться на работу как ни в чем не бывало.

Вопрос: сколько мне известно структур, способных противостоять СБА на таком уровне?

Ответ: только одна.

Военная разведка Кленнонской Империи. Однако далеко не факт, что список контор, способных устроить СБА веселую жизнь, исчерпывается одним этим пунктом.

Мне рассказали только о кленнонской военной разведке. Интересно, с какой целью велся этот рассказ? Чтобы морально подготовить меня к побегу или чтобы еще сильнее запудрить мозги?

Нет ответа.

Интересно, чего же во мне есть такого ценного, что целый полковник СБА, руководитель научного отдела, жертвует карьерой и рискует жизнью ради того, чтобы вытащить меня из своей же собственной организации?

И не менее интересно, на кого Визерс работает на самом деле и что будет со мной дальше. То, что маловероятная работа на должности штатного сотрудника СБА мне уже не светит, было очевидно.

А какая альтернатива у меня теперь? Чан с плавающими в нем мозгами? Подданство Кленнонской Империи?

Клетка в принадлежащем Гегемонии Скаари зоопарке?

Визерс, конечно, не похож на ящера-переростка, но возьмусь ли я со стопроцентной уверенностью утверждать, что у Гегемонии нет агентов влияния среди людей?

На этой оптимистичной ноте я все-таки заснул.

– У тебя на удивление крепкие нервы, – заявил Сол, помогая мне выбраться из багажного отсека. Правая нога все-таки затекла, и без посторонней помощи я бы не справился. – Спать в багажном отделении флаера, летящего в неизвестность...

– Не в неизвестность, а навстречу судьбе, – поправил я. – Так более пафосно.

– Пусть так, – согласился Сол.

Я потопал ногами, восстанавливая кровообращение.

Флаер был припаркован в темном и довольно тесном помещении. Протискиваться между летательным аппаратом и стеной пришлось боком.

Каморка, пристроенная к боксу, тоже не поражала своими габаритами. Типичная комната отдыха в гаражном автосервисе конца двадцатого – начала двадцать первого века.

Диван, пара кресел, журнальный столик, шкаф во всю стену... Не хватало только телевизора, прошлогодних газет и журналов, а также немых, почерневших от многочисленных порций дешевого кофе кружек.

И пустых бутылок из-под разнообразных алкогольных напитков, конечно.

– Хорошо тут, уютно. – Я плюхнулся в кресло. Хотелось курить, но курить по-прежнему было нечего. А пара затяжек после такого нервного утра явно не оказалась бы лишней и только способствовала бы моему быстрейшему успокоению. – Кто работал над дизайном?

– Никто, – сказал Сол. – Все было в таком состоянии, когда я арендовал эту каморку.

Я провел пальцем по столу. Палец оставил глубокий след в слое пыли.

– Арендовал ты ее, видимо, не вчера.

– Задолго до твоего появления, – сказал Сол. – При моей профессии нелишне иметь под рукой помещение, где можно пересидеть пару часов.

– С этого момента поподробнее, – попросил я. – Что за профессия? Шпион?

– Нет, предатель, – сказал Сол. – Предатель не человечества, но Демократического Альянса.

Красиво звучащая фраза. Наверняка он придумал ее заранее и ждал

подходящего повода, чтобы произнести.

– Часто приходилось предавать?

– Сегодня – первый раз, – сказал Сол серьезно. – И, если ты именно это хочешь знать, у меня нет прямого выхода на кленнонскую разведку. Если бы был, это бы здорово упростило наши дальнейшие действия.

– А что у нас дальше по плану?

– Нас будут искать.

– Ясен пень, будут.

– И мне сейчас даже сложно сказать, кого из нас будут искать с большим усердием, – продолжал Сол, пропустив мимо ушей мою реплику. А может быть, он просто не понял устаревшего идиоматического выражения. – С одной стороны, человек, представляющий интерес для науки. С другой – высокопоставленный предатель, совершивший диверсию против самой СБА. Контора такие вещи не прощает, знаешь ли.

– Надо думать, – сказал я. – А все же мне любопытно, в пользу кого ты их всех предал? Если оставить в стороне возвышенные речи о пользе для всего человечества?

– Предатели вообще исключительно талантливы, когда дело идет об оправдании их художеств, – заметил Сол. – Но я оправдываться не собираюсь. Я – сторонник идеи Слияния.

– Вот оно как, – с деланным пониманием протянул я. – А кто с кем должен сливаться, если не секрет?

– Альянс и Империя, разумеется, – сказал Сол. – Две ветви человечества, чьи пути разошлись около тысячелетия назад. Но перед лицом общего врага... Я участвовал в Астероидной войне, когда нам противостоял клан Гендура. Хотя официальная пропаганда склонна называть те события локальной стычкой, это была самая настоящая война. И я видел, чего стоят скаари в бою. Они вдребезги разнесли Третью эскадру. И я наблюдал, как две роты скаари вынесли батальон нашего хваленного десанта с астероида К-643. Мы проиграли ту войну.

– Я практически скорблю. И какие выводы ты сделал из того поражения?

– Ни Альянс, ни Империя не выстоят против скаари поодиночке, – сказал Сол. – Только объединив усилия, мы сможем выиграть грядущую большую войну. И то не наверняка.

– Меня всегда интересовала гео... то есть космополитика, но с какой стороны тут моя скромная персона? – поинтересовался я. – Чего ради все эти трюки, стрельба и погони?

– В тебе что-то есть, – сказал Визерс. – Что-то помимо идеально

экранированного мозга и эйдетической памяти. Что-то еле уловимое, что мы не можем понять и исследовать при помощи наших приборов. Я хотел бы надеяться, что уровень развития технологий Кленнона даст нам возможность найти то, что мы найти не сумели.

– Это немного туманно.

– Некоторые особенности психомоторики, – сказал Визерс. – Строение синапсов. Скорость обработки информации твоим мозгом... Всюду, куда проникали наши приборы, мы находили небольшие, почти микроскопические, отличия от обычного человеческого организма. Если бы мы не вытащили тебя из прошлого, я бы задался вопросом, а человек ли ты вообще.

Вот тебе и здрасте. Признаться, такого ответа я не ожидал.

– Не человек? А кто?

– Допустим, совершенный продукт секретной генетической лаборатории Кленнона, – сказал Сол. – Секретной и доселе нам неизвестной, потому что мы видели некоторые их работы, и хотя пока и не можем кое-что из них повторить, но характерный почерк их генных инженеров мы распознавать уже научились. Однако ты явился из прошлого, и версию с Кленноном я даже не рассматриваю. Скорее, речь идет о какой-то устойчивой, не весьма специфичной мутации.

– Я жил довольно далеко от Чернобыля.

– Прости, что? – нахмурился он.

– Неважно, – сказал я. – Так называлось место, известное своими мутациями. Но вряд ли те мутации имеют ко мне какое-то отношение.

– Мы многого не знаем о собственном прошлом, – сообщил полковник Визерс. – Война Регресса уничтожила большую часть знаний.

– Война чего?

– Неважно, – сказал Сол. – Сейчас надо думать не об этом.

– А о чем? Как передать меня в руки кленнонцам для очередной серии экспериментов?

– Признаюсь честно, я пока понятия не имею, как это сделать, – сказал Сол. Вот уж не знаю, радоваться мне по этому поводу или огорчаться. – Сейчас очевидно одно: нам с тобой надо как можно быстрее убраться с Земли.

– А Кире?

– С Кирой все проще, – сказал Сол. – Она – капитан ВКС Альянса. Если ей удалось оторваться от преследователей, то опознать ее им не удастся и она вне опасности. Ничто не мешает ей вернуться на базу и продолжить службу. Если же ей уйти не удалось... В любом случае

проблема эвакуации с Земли перед ней не стоит.

– Когда мы сможем узнать, все ли с ней нормально? – спросил я.

– Чувствуешь себя обязанным? Не стоит. Она рисковала жизнью не ради тебя, а ради нашего общего дела. Кира тоже участвовала в Астероидной войне.

– И все же я хотел бы знать, что с ней, – сказал я.

– Отсюда мы выходить на связь не будем, – отрезал Визерс. – Ее судьба мне безразлична, но рисковать, да еще так глупо, я не намерен.

Наверное, это было разумно. Но мне чертовски хотелось быть уверенным в том, что эта девушка со звонким голосом, «конским» хвостом и идеальным маникюром благополучно добралась домой. Ну или на военную базу, которая заменяет ей дом.

Но поскольку выяснить это я не могу, стоит узнать как можно больше подробностей обо всем остальном.

– А как сами кленнонцы относятся к идее Слияния? – поинтересовался я. – Насколько я понимаю, в Альянсе сия идея далека от официальной линии партии.

– В галактике сложилась непростая политическая обстановка, – хмыкнул Сол, явно пародируя чье-то высказывание. – Сейчас я могу говорить с тобой откровенно, так как уверен, что особый отдел СБА не может подслушать каждое наше слово. В моем кабинете у меня такой уверенности не было.

– И?

– Скажем так, Кленнонская Империя не рассматривает Демократический Альянс в качестве своего первоочередного врага, – сказал Визерс. – Хотя Альянс и не отвечает ей взаимностью.

– Почему так?

– Это политика, – сказал Визерс. – Видишь ли, если кратко изложить суть возникших противоречий, то кленнонцы считают себя людьми. А большинство жителей Альянса, с подачи политиков, которым это выгодно, кленнонцев людьми не считают.

– Какие могут быть сомнения, если ребята являются выходцами с Земли?

– Это политика, – повторил Визерс. – Дело не в отличии на генетическом уровне и даже не в истории их ухода с Земли и выхода колонии из юрисдикции земной метрополии.

– Так в чем же тогда дело? – спросил я.

– Истоки негативного отношения к кленнонцам следует искать внутри Альянса, – сказал Визерс. – Это противоречия, порожденные разницей в

политических системах.

– Что-то подобное ты мне уже говорил, – заметил я. – Как-то мне не очень в это верится. Развязать глобальную галактическую войну только потому, что одни являются гражданами, а другие – подданными?

– Не все в Альянсе довольны положением дел и самой демократической системой правления, – сказал Визерс. – Последние пару веков проимперские настроения набирают в обществе силу. И на этом фоне нашим демократическим политикам очень неудобна бывшая колония, провозгласившая себя монархией и способная составить нам конкуренцию в галактике.

Мне сразу же вспомнилось противостояние Америки и Англии и война за независимость колоний Нового Света, с небольшой только разницей, что колонии как раз ратовали за демократию и были против империи.

В начале двадцать первого века превосходство бывших колоний над метрополией было очевидно. Неужели тут разыгрывается такой же вариант?

Впрочем, вряд ли за пятнадцать минут я успею вникнуть во все подробности геополитики. Или здесь и сейчас это следует называть галактополитикой?

– Первоначально это была секта последователей пророка Иегемии Броддера, ушедшая с Земли по религиозным соображениям. После нескольких скандалов и террористических актов они отбыли с Земли на нескольких десятках устаревших кораблей, и Земля восприняла это известие скорее с облегчением, нежели с какими-то другими чувствами. Потом Земля погрязла в собственных глобальных проблемах, и на несколько веков о броддеритах и думать забыли. Когда земляне решили свои проблемы и снова вышли в Дальний космос, а на это потребовалось довольно много времени, броддериты уже были мощной, процветающей Империей, заселившей несколько планет, и с ними нельзя было не считаться. К этому моменту кленнонцы уже сильно отличались от людей внешне, кроме того, примерно в это же время мы познакомились и со скаари, и первоначально земляне никак не связывали молодую и энергичную расу кленнонцев и секту истерических придурков, покинувших планету в прошлом тысячелетии.

– Как такое может быть? – спросил я. – Неужели они так сильно изменились на генетическом уровне? А их язык, культура... Должно же быть что-то общее с языком и культурой первоначальной планеты, это не могло не всплыть...

– Сначала была истерия, – сказал Сол. – Одни кричали о Первом

Контакте и братьях по разуму, другие пророчили начало галактических войн. Произошло несколько локальных столкновений как с кленнонцами, так и со скаари, что несколько мешало разумному и взвешенному подходу. Потом, при более тесном контакте, человечеству открылась правда о происхождении кленнонцев. Для многих это был настоящий шок.

– Ну если большинство кленнонцев, задействованных в первом контакте с землянами, выглядели как тот тип, которого ты мне показал, я могу в это поверить.

– Заодно выяснилось, что, хотя побочная ветвь человечества, как их тогда называли, несколько уступает основной ветви в численности, технологически они нас в чем-то превосходят и вполне способны составить конкуренцию в галактике. Конечно, для объяснения их столь быстрого прогресса существует несколько вполне объективных причин – им удалось избежать тех проблем, которые в свое время отбросили землян на несколько веков назад, но нашлись умники, которые решили объяснить такое положение дел разницей в политическом строе. Основная их идея формулировалась очень просто: если бы на Земле была монархия, а не демократия, всем жилось бы гораздо лучше. Разумеется, промонархические настроения не понравились власти придерживающим Альянса, после чего и была развернута кампания по превращению Империи в злейшего и первоочередного врага. А когда одна и та же пропаганда льется в уши людей на протяжении нескольких веков, нет ничего удивительного в том, что она становится официальной точкой зрения.

– И ты – один из немногих оставшихся монархистов?

– Нет. Слияние не проповедует ни демократических, ни монархических идей, – сказал Сол. – Нам безразлично, в какой форме будет заключен союз между основной и побочной ветвью человечества, и мы предполагаем, что здесь могут быть различные варианты. Главное – мы должны дать отпор скаари. Поодиночке против них нам не выстоять.

– Да, ты говорил.

– Многие говорят, но их голос не слышен, – сказал Сол. – Долгое время было принято считать, что человечество – очень воинственная раса, что подтверждается историей, содержащей большое количество войн. Так мы думали до тех пор, пока не столкнулись с историей скаари. А поскольку их раса нами до конца не изучена, я боюсь, что при начале широкомасштабных военных действий они смогут преподнести нам еще пару сюрпризов.

Сол явно оседлал своего любимого конька, и, хотя на фоне информационного голода последних недель все это было мне безумно

интересно, я постарался столкнуть его с темы и вернуть к обсуждению еще более интересных для меня вопросов.

– Ты пару раз упомянул о глобальных проблемах, которые стоили человечеству нескольких веков прогресса, – сказал я. – Что это были за проблемы?

– Эту информацию можно найти в открытом доступе, – сказал Сол. – Думаю, что мне нет смысла рассказывать тебе о том, что ты скоро сам сможешь спокойно прочитать. Только когда займешься изучением истории, делай скидку на пропагандистские уловки, которыми пронизаны все базы данных.

– А разве это ваше Слияние не Кленнону меня собирается передать?

– Я уже говорил, у нас нет прямого выхода на их военную разведку.

– Позволь мне в этом усомниться, – сказал я. – Сложно представить, что Империя не заинтересовалась наличием в стане противника сочувствующей им организации и не попыталась наладить контакт.

– Сделать это на Земле практически невозможно, – сказал Сол. – Правительство Альянса осуществляет тотальный контроль над жителями континента.

В это заявление можно было бы поверить, если бы не одно «но».

Каким образом правительство Альянса при своем тотальном контроле умудрилось прозевать организацию, в которой состоят офицеры военно-космического флота, высокопоставленные сотрудники контрразведки (СБА – это же контрразведка, правильно?) и люди, способные устраивать орбитальные атаки на собственные города?

На мой скромный взгляд стороннего наблюдателя, эти версии друг с другом не стыковались.

Совсем.

А обиднее всего то, что сторонний наблюдатель, ни хрена не понимающий в том, что происходит, оказался в самом центре событий. Конечно же я не против событий, я и в Белиз поехал ради того, чтобы в моей жизни что-то начало происходить, но все же хотелось бы быть в курсе, что творится вокруг, и хоть немного побыть хозяином собственной судьбы.

Пока же я не просто плыл по течению, штормовые волны швыряли меня из одной стороны в другую, и я подозревал, что до полосы штиля мне еще очень далеко.

– Скорее всего, после сегодняшнего инцидента земному филиалу Слияния пришел конец, – сказал Сол. – Конечно, всех членов организации СБА не переловит, но об активных действиях придется забыть. Ты хоть

представляешь, какие силы были задействованы, чтобы вытащить тебя из штаб-квартиры?

– Масштаб прикинуть могу, – сказал я. – Но точно вряд ли представляю. Впрочем, особой благодарности я не испытываю, вы не меня спасали, а какие-то свои идеи отстаивали.

– Хорошо, что ты правильно все понимаешь. – Сол закинул ногу на ногу и потер подбородок. – Тем не менее мы заинтересованы в том, чтобы сохранить тебе жизнь. Мертвый ты не представляешь никакой ценности.

– Согласен. Я себе живой тоже больше нравлюсь.

– Чтобы сохранить тебе жизнь и дальше, тебя надо вывезти с планеты, – сказал Сол.

– Когда полетим?

– Все не так просто. Системы частных перелетов в пределах орбиты не существует уже полвека, остались только федеральные средства транспорта, и все орбитальные рейсы тщательно контролируются транспортным подразделением СБА.

– Ты прямо-таки вселяешь в меня оптимизм.

– Как ты понимаешь, поддержание в тебе оптимизма не входит в список моих первоочередных задач, – сказал Сол. – Поверь, мне доводилось видеть, что ложное чувство безопасности не приводит людей ни к чему хорошему. Однако, если ты сделаешь все так, как я скажу, существует неплохой шанс.

– На что?

– Выбраться с планеты для начала.

Сол порылся под столом и извлек на свет черную коробочку непонятного назначения.

Но я догадывался, что долго ее назначение для меня тайной не останется.

– Положи руку на стол и расслабь ее, – сказал Сол.

Когда я выполнил его пожелание, он прижал коробочку к тыльной стороне моей ладони.

– Все граждане Альянса с детства имеют информационный чип, содержащий информацию в оговоренных Шестой поправкой к Конституции пределах, – сообщил Сол. – Пока у тебя нет такого чипа, на улице тебе вообще делать нечего, ты и шагу ступить не сможешь, как полиция опознает в тебе чужака. Учитывая, что континент живет уже почти по законам военного времени, ничего хорошего это тебе не сулит. Поэтому сейчас я вживлю тебе под кожу личный чип, согласно которому ты теперь будешь идентифицироваться как гражданин Альянса Алекс Стоун.

Я почувствовал легкое жжение там, где Сол прикладывал коробочку к моей ладони.

– Несколько мономолекулярных разрезов. Не дергайся, к вечеру от них и следа не останется, – сказал Сол.

– Чип липовый? – спросил я.

– Настоящий, но в него внесены некоторые изменения, чтобы личная информация совпадала с твоими физическими и генетическими параметрами.

То ли эти чипы продаются тут без всякого контроля, как поддельные документы в Москве, то ли они его из трупа вытащили... Надеюсь, что, где бы они этот чип ни взяли, заражение крови мне от этой хреновины не грозит.

Сол отнял от моей руки прибор и тут же наложил на это место что-то вроде высокотехнологического компресса.

– Минут пять рукой не шевели, – сказал он.

– Я так понимаю, что теперь я стал полноправным гражданином Альянса? А где же бравурный марш и дружеское похлопывание по плечу? «Ты теперь один из нас» и все такое...

– Обойдешься без оваций, – сказал Сол. – И, кстати, ты не стал полноправным гражданином. На данном этапе тебе это гражданство совсем не нужно. Ты теперь – соцм. Или социк.

– Кто я?

– Социальный минимум. – Визерс рассеянно повертел коробочку в пальцах. Видимо, эта тема не была ему особенно приятна. – Каждый гражданин Альянса имеет право на жизнь, на медицинское обслуживание, на еду, на место проживания и доступ к общественной информации. Если гражданин по тем или иным причинам не может обеспечить себе эти права самостоятельно, государство берет это на себя.

Звучит очень неплохо. Даже на коммунизм чем-то похоже...

– При этом гражданин частично поражается в других правах, – сказал Визерс. – В праве голосовать, например.

Конечно, тут тоже можно найти определенную логику, но... Мне не особенно понравилось, как это звучит.

– В каких правах еще поражается этот гражданин?

– Позже ты сможешь изучить весь список, если тебе так любопытно, – сказал Визерс. – Главное, чем мы собираемся воспользоваться, соцм не имеет права находиться на Земле. Жизнь на континенте довольно дорога, и государству проще обеспечивать декларируемые конституцией права в другом месте.

– Проще или дешевле?

– И то и другое, – сказал Сол. – Поскольку соцм Алекс Стоун потерял право находиться на континенте на прошлой неделе, тебя должны депортировать с планеты при первом твоём контакте с властями.

– Депортировать куда? – Этот вопрос был продиктован отнюдь не праздным любопытством.

Думал ли я когда-нибудь, что стану космонавтом и смогу покинуть пределы родной планеты? Вряд ли. Даже если бы у меня были двадцать миллионов долларов, меня никогда особенно не тянуло в космические туристы.

Теперь же полет в космос стал чем-то второстепенным, всего лишь очередным ходом в чьей-то игре, в правилах которой я пока не разобрался.

– Ты все узнаешь в свое время, – сказал Сол. – В Солнечной системе существует только одно место для содержания социков.

– Я не уверен, что мне нравится, как все это звучит.

– На данный момент это единственный способ сохранить тебе жизнь, – сказал Сол. – На Земле тебе долго оставаться нельзя – СБА перевернет в поисках весь континент. Меня тоже не особенно прельщает мысль отпустить тебя в свободное плавание, пусть и временное, но другого способа мы придумать не смогли.

Полковник Визерс уже не в первый раз употребил слово «континент», говоря о родной планете человечества. Что бы это могло означать? Что на Земле остался только один континент? А куда подевались остальные?

Или их сдвинули обратно, сотворив один, как это было в самом начале времен? Подобная версия казалась мне маловероятной. Впрочем, может быть, имел место какой-то жаргон, отражающий политическую или экономическую ситуацию на планете. Я решил пока не заморачиваться выяснением подробностей, но внес этот вопрос в список того, что мне предстояло выяснить.

Список получался довольно длинным.

ГЛАВА 8

Попасть в руки властей оказалось несложно.

Получасовая прогулка по нейтральной части города, где высадил меня Сол, нарушение комендантского часа, введенного в связи с чрезвычайным положением, и рядом со мной притормозил полицейский флаер.

После короткой проверки документов – личного чипа – мне предложили сесть в летающий агрегат и проследовать вместе с полицейскими. Рука одного из полицейских во время этой непродолжительной беседы лежала на рукояти табельного оружия, но наручники на меня не надевали и даже по почкам не били, что свидетельствовало в пользу полиции будущего.

Регистрировать или допрашивать меня никто не стал, видимо, процесс регистрации был автоматизирован, а в допросе попросту не было смысла. Соцм – это диагноз, и процедуры уже отработаны временем.

Одиночная камера оказалась не менее комфортной, чем те «апартаменты», в которых меня держали сразу после прибытия в будущее.

Еда... Еда тут везде была одинаковой. Это могло свидетельствовать о продовольственном кризисе, перенаселении, развитии гидропонных фабрик или тотальном стремлении к здоровому образу жизни. Словом, это могло свидетельствовать о чем угодно, и я в который раз поймал себя на мысли, что ни хрена не знаю об устройстве чудесного нового мира, в котором мне теперь предстоит жить.

План полковника Визерса был прост. С одной стороны, сие несказанно радовало, ибо чем сложнее план, тем больше вероятность, что на каком-то этапе его выполнения дерьмо таки попадет в вентилятор и всем станет совсем не весело.

С другой стороны, это говорило о недостаточной продуманности операции. Действия явно планировались на скорую руку, и без некоторой доли везения на успех рассчитывать не приходилось.

По словам полковника Визерса, объекта 12–74 ЗА87 вне стен научного отдела СБА попросту не существует и достоверная информация о нем никогда не покинет стен СБА, а службистам придется придумывать какую-то легенду для поисков, отработка которой должна занять некоторое время. На нас играл еще и тот информационный хаос, царящий в городе после орбитальной бомбардировки.

Поэтому в ближайшее время никто не сможет связать пропажу из СБА

объекта 12–74 ЗА87 и задержание городской полицией социка Алекса Стоуна.

А если повезет, то никто никогда и не свяжет.

Согласно действующему законодательству меня должны были депортировать с Земли в течение трех дней, но Сол сказал, что это может произойти гораздо быстрее.

Тем временем сам полковник, также находящийся в розыске СБА, будет выбираться с Земли по своим каналам, о которых, разумеется, он мне ничего не рассказал. Ибо безопасность превыше всего, а теория заговора рулит во все времена.

В местах не столь отдаленных, которые Демократический Альянс использует для содержания соцмов, мне предстояло пробыть не так долго, после чего люди из Слияния должны выйти на контакт и позаботиться о моей дальнейшей судьбе.

– А в среде социков я никак не выдам себя тем, что ничего не знаю об окружающем мире? – поинтересовался я напоследок.

– Если будешь осторожен, то не выдашь, – утешил меня полковник. И тут же добавил: – Впрочем, там всем на всех наплевать.

Я бы вряд ли сильно удивился, если бы из полицейского участка меня отправили обратно в штаб-квартиру СБА.

Или напрямиком на Луну, или в другую галактику, или еще на пару тысяч лет в будущее.

Видимо, мой мозг настолько перегрузился новыми впечатлениями, что напрочь потерял способность удивляться.

И никакого культурного шока.

Будущее почему-то не поражало воображения. Наверное, человека из двадцать первого века, когда прогресс развивался семимильными шагами, не так уж легко удивить техническими новинками. Скорее, меня удивляло то, что тут не так уж много новинок.

Машины времени, космические перелеты, воздушный городской транспорт... Какого черта: реальность оказалась не так богата на выдумки, как воображение писателей-фантастов?

Ведь все это было описано в книгах и показано в фильмах. Неужели за тысячи лет прогресс не смог выкинуть чего-то принципиально нового, того, чего люди двадцать первого века никак не могли предсказать?

Эта мысль не давала мне покоя с самого начала, но если раньше она большую часть времени пребывала на задворках сознания, то после краткой «экскурсии» по городу будущего она вышла на первый план.

Допустим, люди долго мечтали об атмосферных полетах, и, если я не ошибаюсь, да Винчи там чего-то придумывал, но вот кто в восемнадцатом или девятнадцатом веке мог предсказать наличие компьютеров? А кто в середине двадцатого века мог ожидать, что компьютеры будут в каждом доме? И что домашний компьютер будет превосходить по техническим параметрам тот, при помощи которого человека отправили в космос?

Почему здесь нет ничего такого, чего бы я не мог представить в начале двадцать первого века? Потому что читал слишком много фантастики?

Возможно, обещанный в скором будущем доступ к открытым для всех источникам информации поможет мне пролить свет на этот вопрос, а пока остается только строить догадки.

Но помимо этого был еще один интересный вопрос.

В начале двадцать первого века человечество перестало развивать свои космические программы по причине их нерентабельности. Все вроде бы понимали, что постройка закрытых куполами городов на Луне и Марсе обойдется слишком дорого и таких денег у человечества нет.

Ходили разговоры о беспилотной космонавтике и даже о том, нужен ли нам космос вообще и не лучше ли сначала решить все проблемы на Земле. Я лично был не согласен с такой точкой зрения, ибо проживание человечества на одной планете сильно напоминало мне попытку сложить все яйца в одну корзину, но повлиять на ситуацию я, естественно, никаким образом не мог.

Человечество отказывалось от звезд и все глубже уходило в себя. В том числе и в глубины виртуальной реальности, имя которой – Интернет.

Полеты в космос стали достоянием кино и компьютерных игр. И не было никаких намеков, что эта ситуация может измениться в течение ближайших веков.

Откуда же теперь взялись все эти звездные империи и побочные ветви человечества, которые способны конкурировать с основной? Ведь, насколько я понимаю, за сто-двести лет такие дела не делаются.

В будущее ли я попал? Или в «другое время и другую галактику»?

Или это будущее не той Земли, на которой я жил, а какого-то параллельного мира?

Все, что мне требовалось, это почитать местный учебник истории. Думаю, подошел бы учебник истории для самых маленьких, в котором простым языком описываются основные исторические события. С их подоплекой и трактовкой можно ознакомиться и попозже.

Утром меня вывели из камеры и еще с парочкой бедолаг засунули во

флаер, который доставил нас на сборочный пункт.

Опять же без наручников и ударов по почкам.

В большом зале находилось около сотни человек. Социки, готовые к отправке туда, где Конституция Демократического Альянса будет заботиться о них, раз уж они сами о себе позаботиться не смогли.

В основном это были люди от двадцати до сорока лет, мужчин и женщин примерно поровну. Судя по выражениям их лиц, их отправляли не на новое место жительства, а на расстрел, и я в очередной раз подумал, что полковник Визерс рассказал мне далеко не все.

С одной стороны зала находились туалетные кабинки, с другой – фонтанчики для питья.

Мягкий пол позволял обходиться без сидячих мест. Впрочем, стены тоже были обиты чем-то вроде поролона. Наверное, слишком многие пытались «ап них убицца», невесело ухмыльнулся я, вспомнив известную интернетовскую шутку.

Большая часть социков сидели или лежали на полу, лишь некоторые бесцельно слонялись по залу, лавируя между своими неподвижными товарищами по несчастью. Никто друг с другом не разговаривал.

Люди даже избегали смотреть друг на друга.

Наверное, это традиция такая. Или люди еще просто не смирились со своей участью, не признали себя социками, и разговор с другими людьми социального минимума был ниже их достоинства. А заговорив, они признали бы, что стали такими же.

Отверженными пятого тысячелетия.

В принципе меня тоже не тянуло разговаривать с незнакомыми людьми. Будущее тревожило меня, но совсем по другой причине, нежели всех остальных, а по тому, что я видел на Земле, я уж точно не буду скучать.

Люди отправлялись в жизненный тупик. Мне же казалось, что передо мной лежит новый мир, и на данный момент меня больше всего беспокоила СБА, способная заявиться сюда в лице своих агентов и этот новый мир у меня отобрать.

Однако этого не произошло.

Через несколько часов трое сотрудников полиции проводили нас на станцию подземного монорельса. Использовать термин «метро» в будущем у меня бы язык не повернулся, хотя сам поезд выглядел похоже. Разве что сиденья в нем были как в самолете, а не как в московской подземке.

Едва мы успели пристегнуть ремни, как поезд рванул с места, развив при этом, судя по вдавившей нас в кресла перегрузке, весьма нехилую

скорость. Поскольку единственный рельс пролегал под землей, поездка получилась совсем не информативной.

Зато она была недолгой.

Наверное, я совру, если скажу, что слова полковника Визерса о моей уникальности не шли у меня из головы.

Были моменты, когда я о них даже не вспоминал, увлеченный куда более насущными вопросами. Но рано или поздно мысли все равно возвращались к ним, и я старался понять, в чем же я все-таки «уникален».

Сверхчеловеком или даже улучшенной версией обычного человека я себя отнюдь не ощущал.

Не было для этого никаких объективных предпосылок.

Конечно, каждый мнит себя уникальным, неповторимым, центром вселенной и пупом мироздания, и, вполне возможно, каждый имеет на это право, если речь идет о его личной вселенной, существующей исключительно у него в голове. Но в реальном мире все якобы уникальные особи являются среднестатистическими индивидуумами с микроскопическими отличиями друг от друга, и отличия эти еще надо умудриться разглядеть.

Всю жизнь я чувствовал себя средним. Таким же, как все. Наверное, это плохо, наверное, это и угнетало меня, толкало навстречу новым впечатлениям и, вне всякого сомнения, спровоцировало большую часть обрушившихся на меня неприятностей.

Я не был самым сильным, самым быстрым, самым ловким или самым умным ни во время учебы в школе, ни во время учебы в институте. Отличником я тоже никогда не был. Многие говорили, что у меня хорошая память, но я никогда не обладал никакой другой памятью, чтобы на этом основании делать какие-то выводы о моей непохожести на других. Собственно, эти отличия и всплыли-то уже в Белизе, на исследовательской станции ребят из будущего.

Я не умел летать, бегать по стенам, зависать в воздухе, двигать предметы силой мысли и останавливать пули выставленной вперед ладонью. На моем теле не было шрама в виде молнии, и, насколько я знал, родинка в виде трех переплетенных между собой шестерок на нем тоже отсутствовала. Цыганки на улицах не падали в обморок, взглянув на мою линию жизни, я никогда не слышал ни одного касающегося меня пророчества, и никто никогда не предлагал мне следовать за белым кроликом.

И негр в очках без дужек в моей жизни тоже никогда не появлялся.

Улучшенная версия человека, сказал полковник Визерс. Но он так толком и не объяснил, в чем же состоят эти улучшения.

Он вообще оперировал подозрительно малым числом научных терминов. Синапсы, биомоторные реакции... Общие слова и ничего по сути. То ли он относился ко мне как к несмышленому ребенку, опасаясь, что я ничего не пойму из его объяснений, то ли продолжал политику «гриба», то ли...

То ли он просто врал.

Впрочем, сия версия тоже не особенно убедительна. Если бы в моем организме не присутствовало чего-то для местных ребят необъяснимого, на кой черт меня вообще вытащили из моего времени? Да и само вранье в таком случае можно было бы обставить куда убедительнее.

Пока же про свои предполагаемые мутации я мог сказать только одно. Соскучиться в ближайшее время они мне точно не дадут.

Наверное, хорошо, что в детстве я не мечтал стать космонавтом, потому что космический корабль мне тоже не показали, и вообще весь этот перелет стал одной из самых тоскливых экскурсий в моей жизни.

Но мне это было уже безразлично. Я нервничал во время побега из штаб-квартиры СБА, дико беспокоился, когда сдавался в руки полиции, переживал, сидя в своей камере перед отправкой, и, видимо, переступил тот порог, за которым все стало мне абсолютно по барабану.

Я подозревал, что это окажется сугубо временным явлением и беспокойство, как неотъемлемая часть человеческого существования, все равно вернется, но сейчас мне было спокойно. И даже если бы за десять секунд перед стартом в космический корабль ворвались вооруженные до зубов террористы или эсбэшники, вряд ли бы это вызвало у меня хоть какие-то эмоции.

На какое-то время я стал сторонним наблюдателем в своей собственной жизни. Я стоял в живой очереди, сдавал одежду, получал одежду, мне кололи какие-то прививки и облучали какими-то лампами, мне задавали какие-то вопросы, и я даже что-то на них отвечал. Но делал это на автомате, особенно не задумываясь над происходящим и не стараясь отыскать в нем глубинного смысла.

Я устал. Устал не физически, так как в последние дни больших нагрузок на мой организм попросту не было. Устал морально. Устал нервничать, беспокоиться и переживать.

И мне все стало по фигу.

Наверное, в таком состоянии совершаются великие подвиги или

великие глупости. Но мне не дали совершить ни того ни другого.

Задним числом я припоминаю, что все вели себя слишком спокойно для людей, отправляющихся навстречу новой жизни, которая по определению не может быть лучше предыдущей. Я понимаю, что люди пятого тысячелетия могут особо не беспокоиться перед космическими перелетами, хотя в двадцатом первом веке некоторые еще нервничали и в аэропортах, но все-таки мне кажется странным, что они воспринимали происходящее так спокойно. Возможно, нам всем вкатили убойную дозу транквилизаторов, чтобы никто не буйствовал во время перелета.

В помещении, где содержали готовых к полету социков, не было окон. Часов в нем тоже не было, и время суток можно было определить только по своим субъективным ощущениям. Мне показалось, что мы провели здесь уже целый день, хотя на деле могло пройти всего несколько часов.

Потом пришли какие-то люди и погрузили нас в автобус.

Я называю эту хрень автобусом, потому что она была похожа на автобус. Аэродинамика у нее была никакая, поэтому я предположил, что передвигается она не по воздуху, а по земле, причем не с самой высокой скоростью и не на самые большие расстояния.

Внутренности этого транспортного средства тоже были похожи на салон автобуса – два ряда кресел с узким проходом между ними. Окон не было.

Кресла оказались на удивление комфортными, похожие не на автобусные, а на сиденья в дорогой иномарке. Впрочем, когда выяснилось, что «автобус» на самом деле является пассажирским модулем космического транспорта, мне уже не показалось столь удивительным.

Если бы здесь были окна, я мог бы сказать, что мне досталось место у окна. Но на самом деле это было место у стены. Рядом со мной оказался угрюмый здоровяк, по виду старше меня лет на десять. Устроившись в кресле, он сразу же закрыл глаза. Хорошо хоть храпеть не стал.

Модуль плавно прокатился по асфальтовому покрытию космодрома, затем последовал небольшой толчок, и голос из динамика на потолке сообщил нам, что пассажирский модуль успешно состыковался с орбитальным челноком и нам следует пристегнуть ремни и приготовиться к двукратной перегрузке, сопровождающей прохождение через атмосферу. Приятного полета голос не пожелал. Наверное, все прекрасно понимали, что для людей, отправляющихся в столь неприятное путешествие, это прозвучало бы как издевка.

Не успел я разобраться с ремнями и пристегнуться, как модуль занял вертикальное положение, и я обнаружил, что не сижу в кресле, а лежу на

нем. А затем перегрузки, которые оказались вовсе не двукратными, вжали меня в сиденье, и орбитальный челнок отправился к кораблю-носителю, который должен был доставить нас всех к новому месту обитания.

Часть третья
ВСЕЛЕННАЯ НЕУДАЧНИКОВ
НАСТОЯЩЕЕ ТРЕВОЖНОЕ

ГЛАВА 1

Его звали Бивис Балленбахер.

Он был примерно моего возраста, кудрявый, тощий и очень разговорчивый. Жаль, что он не хихикал, как его тезка из популярного мультфильма про двух отмороженных подростков.

Тогда я мог бы ему подыграть, и мы вполне бы сошли за дуэт Бивиса и Батхэда.

На космической станции для содержания соцмов, в просторечии называемой Вселенной неудачников, поддерживалась постоянная температура около двадцати пяти градусов, поэтому большим количеством одежды себя никто не утруждал.

Тощие ноги Бивиса торчали из шорт, в таких в мое время было принято щеголять на пляжах, торс, при виде которого любому культуристу захотелось бы заплакать от жалости, был обнажен.

Впрочем, тут подавляющее большинство людей так ходили.

Бивис был моим соседом по комнате, при условии что тот пенал, который отводился для проживания социкам, можно назвать комнатой.

Кроме двух спартанских спальных мест и встроенного в стену информационного терминала, в ней ничего и не было. Туалет и душ в конце коридора, столовая тремя уровнями выше.

Если искусственная гравитация станции и отличалась от земной на пару процентов, мой организм этого не зафиксировал.

С вновь прибывшими на станцию не проводилось никаких работ. Ни дезинфекции в специальной камере, чего можно было бы ожидать после просмотра фантастических фильмов про открытый космос, ни регистрации, как в гражданских аэропортах, ни банального собеседования.

Толпу новичков разбили на несколько групп, во главе которых стояли сотрудники администрации станции, набранные из тех же соцмов, и каждая группа отправилась на свой уровень.

Первая ассоциация, которая возникла у меня на этой экскурсии, касалась американских тюрем. Ярусы, проходы, камеры...

Собственно, Вселенная неудачников и была тюрьмой. Не для преступников, а для тех, кто оказался на обочине жизни и попал в группу «гарантированного социального минимума».

Проводник молча указал мне на дверь, ничем не отличающуюся от сотни таких же дверей, мимо которых мы прошли, я кивнул, вошел внутрь

и увидел Бивиса.

– Добро пожаловать во Вселенную неудачников. – Бивис валялся на кровати и при моем появлении не выказал даже намека на попытку встать. – Ты новичок, и я вроде как обязан ввести тебя в курс дела. Таковы неписанные законы нашего социума.

– Рассказывай, – согласился я, опускаясь на свободную кровать.

В сущности это была даже не кровать, а лежащий чуть ли не на уровне пола матрас, под которым угадывалось небольшое основание. Потолок в комнате был высотой не больше двух метров, отчего я испытал резкий приступ клаустрофобии.

Между моим спальным местом и спальным местом Бивиса было всего около метра, в стену между койками был вмонтирован небольшой экран, на полочке чуть ниже стояла клавиатура. Этим дизайн интерьера себя и исчерпывал. Интересно, что сказал бы по этому поводу самый известный дизайнер Рунета Тема Лебедев.

– Рассказывать особенно нечего, – сообщил Бивис. – Дорогу в санитарный отсек и столовую я тебе покажу. Еще есть спортзалы и площадки отдыха, потом я могу провести тебя по станции и все показать. Ну и визит вежливости в женское крыло, естественно.

– Тебя это не слишком затруднит?

– Не-а, – сказал Бивис. – Делать-то тут особенно нечего. Работы нет, вакансии в администрации освобождаются нечасто... Кто-то все время висит в Сети, кто-то усиленно качает мышцы, кто-то трахается как кролик, кто-то пытается организовать клубы по интересам... Но в итоге рано или поздно все понимают, что никому на хрен не нужны, и приходит апатия. Ты сам откуда?

– С Земли.

– Ого, – сказал Бивис. – Ну, наверное, со столичной планеты все это смотрится совсем не так. Комфортное проживание, все условия для дальнейшего развития, все дела... Пропаганда врет, естественно. Это ее единственное предназначение – показать людям, что в Альянсе все не так уж плохо. И не только людям, разумеется. В реальности тут совершенно нечего делать. Тоска смертная. Как ты сюда попал?

– Потерял работу. – Эту версию мы прорабатывали с полковником Визерсом. – А ты?

– Я никогда и не работал, – сказал Бивис. – Родители оставили небольшой капитал, с которым в куполах Венеры можно было вполне прилично прожить лет до семидесяти. Копейки по столичным стандартам, я понимаю, но на Венере уровень, за которым начинается соцмин, гораздо

ниже. Но кто ж экономит деньги в нашем возрасте и в наше время? Разгульная молодая жизнь, все дела... Потом пара неудачных ставок на гонки дрегстеров, и малыш Бивис загремел в социки. Довольно-таки банальная история.

Непохоже было, чтобы Бивиса эта ситуация особенно беспокоила. Или он просто уже смирился с неизбежностью?

– Я никогда не думал, что тоже загремлю в социки, – сказал я, и это была чистая правда. Пару дней назад я даже о термине таком не слышал. – Как отсюда можно выбраться?

– Ожидаемый вопрос от новичка. – Бивис заложил руки за голову и принялся болтать ногами. – Ни один из представителей среднего класса не думает, что он может попасть в социки, никто ничего не знает про самих социков, кроме самих социков, и никому нет до социков дела. Даже другим социкам. Гарантированный социальный минимум – это как аварийная капсула при катастрофе космического корабля. Некоторый гипотетический шанс продолжить существование, но мало кто знает, как эти капсулы на самом деле работают.

– Так что с моим вопросом?

– На самом деле есть только три способа выбраться отсюда, – сказал Бивис. – Первый, самый приятный и наименее реализуемый на практике, – это повысить свой социальный уровень и перестать быть социком. Поскольку повысить свой уровень, сидя во Вселенной неудачников, невозможно, все надежды на друзей и родственников. Но, как правило, им нет до нас никакого дела. Разве что кто-то умрет и оставит солидное наследство, которого будет достаточно для перехода на уровень выше. Эта штука не работает по той причине, что продолжительность жизни социка ограничена пятьюдесятью годами, а не-социки, особенно финансово обеспеченные, живут значительно дольше.

Нельзя сказать, что я не ожидал чего-то подобного, но известие о том, что продолжительность моей жизни ограничена всего пятью десятками лет, меня не порадовало. Конечно, я не собирался сидеть тут до пятидесяти, но...

Не такое уж замечательное место этот Демократический Альянс. Гарантируют крышу над головой, пропитание и даже доступ к информации для всех своих граждан, но только до пятидесяти лет.

Интересно, как тут с пенсионерами обходятся.

– У тебя есть престарелые богатые родственники? – поинтересовался Бивис.

– Нет.

– Тогда этот вариант не для тебя.

– Огласите, пожалуйста, весь список. – Он не мог понять этой шутки, но и мне самому было невесело.

– Второй способ покинуть Вселенную неудачников является самым распространенным, – продолжил Бивис. – Именуется этот способ «вперед ногами». Тебе исполнится пятьдесят, и сотрудник администрации отведет тебя в медицинский отсек, из которого ты своими ногами уже не выйдешь, а прямиком отправишься в утилизацию. Быстро и, как говорят, относительно безболезненно. Но, как ты понимаешь, никто не знает, можно ли верить таким разговорам. Те, кто попал в утилизацию, об этом уже не расскажут.

– Что насчет третьего способа? – поинтересовался я, ибо задерживаться на выяснении подробностей второго варианта мне не хотелось.

– Третий способ является свободным сочетанием первого и второго, – сообщил Бивис. – Ты можешь завербоваться в армию, и если тебе повезет, то в итоге ты повысишь свой уровень. А если не повезет – умрешь. Но Вселенную неудачников ты в любом случае покинешь.

– С этого момента поподробнее, – сказал я. – Насколько высока вероятность умереть, если вспомнить, что на данный момент Альянс ни с кем не воюет?

– Как ты понимаешь, здесь нет доступа к подобной статистике, но я помню кое-что из своей прошлой жизни, – сказал Бивис. – Во-первых, на границах Альянса постоянно происходят какие-то локальные стычки, особенно там, где пересекаются сферы влияния человечества и скаари. Во-вторых, во время учебного курса отсеивается значительный процент рекрутов. Несчастные случаи при использовании боевого оружия и всякое такое... Отсеивается этот процент, как ты понимаешь, летально.

– И какой процент попадает в отсеив?

– Точно этого тебе никто не скажет. – Бивис прекратил махать ногами и повернулся на бок. – По официальным данным, которые, как ты должен догадываться, несколько устарели за период моего пребывания здесь, в первые же две недели погибают около семи процентов рекрутов. Полагаю, что на самом деле эта цифра выше в несколько раз.

Ни фиги себе армия у потомков. Что же они там с новобранцами делают?

Но поскольку самым достоверным источником об армии будущего были «Звездный десант» Хайнлайна и фильм, снятый по мотивам этой книги, что происходит в армии Альянса на самом деле, я даже представить

не мог.

Бивис оказался прав.

Подавляющему большинству населявших эту Вселенную неудачников было совершенно нечем заняться, и они умирали от скуки.

При ближайшем рассмотрении космическая станция все еще напоминала тюрьму, и общий душевой отсек и столовая этого впечатления отнюдь не портили.

Полковник Визерс тоже оказался прав.

По большому счету тут всем было на всех наплевать.

Тут было где спать. Было что есть. Было с кем заниматься сексом.

Тут был ограниченный доступ к информации, которая для подавляющего большинства людей не представляла никакого интереса, ибо примерно то же самое преподавалось в школах.

Но тут не было никаких перспектив, и люди быстро теряли интерес к жизни. Через несколько дней пребывания во Вселенной неудачников я уже начал задумываться, так ли жесток пятидесятилетний лимит жизни на самом деле. Потому что это сложно было назвать жизнью.

Это было просто существование.

Не знаю, что бы я чувствовал, если бы мне пришлось торчать тут весь остаток жизни. Наверное, сначала это бы было отчаяние, которое очень быстро сменилось бы безразличием.

– Все люди оказались здесь потому, что в какой-то момент их жизнь пошла под откос, – сказал Бивис. – Потеря работы, как у тебя, неправильная ставка, как у меня... Наверное, каждый может рассказать собственную историю, но все эти истории будут очень похожи. Когда человек попадает сюда, в первое время ему кажется, что все могло быть еще хуже. А потом он понимает, что хуже уже некуда. Вселенная неудачников – это самое дно. Являясь гражданином Альянса, ниже ты уже не упадешь.

– Умирать от голода на улице было бы еще хуже, – сказал я.

– Ты, видимо, перечитал исторических книжек или слишком много смотрел имперских передач, – сказал Бивис. – В Альянсе уже много веков никто не умирает от голода на улицах. В Альянсе забота о жизни граждан стоит на первом месте. И даже их смерть регламентируется законами и случается исключительно в отведенных для этого местах.

– Видимо, ты от своего государства не в восторге.

– Для того чтобы находиться во Вселенной неудачников и восторгаться социальной политикой Альянса, нужно быть как минимум сумасшедшим, –

сказал Бивис. – Но сумасшедших тут нет, так как они подлежат внеочередной утилизации.

– А как же право на жизнь и медицинское обслуживание?

– Ты смешной, – сказал Бивис. – Кем ты работал на Земле?

– Программистом.

Эту версию мне посоветовал полковник Визерс. Мало кто понимает в работе программистов, сказал он, так что тебе удастся избежать лишних вопросов относительно работы. Кроме того, программисты и здесь обладают имиджем людей немного не от мира сего, и пробелы в знаниях, которыми владеет большинство людей, не вызовут повышенного интереса.

– И тебя уволили? – удивился Бивис. – Что ж ты натворил?

– Ничего. Попал под сокращение штатов.

– Видимо, экономика Альянса катится в полную задницу. В принципе тенденция прослеживалась уже давно, но теперь процесс перешел в критическую стадию.

А вот того, что программистов тут увольнять не принято, мне полковник Визерс не говорил.

– В Конституции Альянса написано про ценность человеческой жизни, но эта конституция слишком далека от Вселенной неудачников, и что именно там было написано, уже мало кто помнит. А ты думал, здесь все так благостно, как об этом говорит пропаганда?

– Я не верю пропаганде, но... Не до такой же степени.

– Именно до такой, – сказал Бивис. – Администрации Альянса на нас наплевать. Они задекларировали права и свободы и соблюдают букву этой декларации, наплевав на дух. Впрочем, так оно обычно и происходит. Как только политическая система становится устойчивой и стабильной, обещанные и соблюдаемые когда-то права и свободы летят к чертям. Альянс уже вошел в эту стадию. А в Империи никаких свобод отродясь не было.

– Ты анархист, что ли?

– Типа того. Самая древняя цивилизация галактики – это скаари. И у них вообще нет централизованного правительства. Думаешь, это случайно?

– По твоему мнению, постоянные междоусобицы лучше?

– Лучше, чем что? – спросил Бивис. – Если сравнивать с жизнью на Земле – наверное, нет. Не лучше. Но отсюда все видится немного по-другому, скоро ты и сам это поймешь.

– Сколько ты уже здесь, ветеран?

– Почти год, – сказал Бивис. – Достаточно для того, чтобы разобраться, что тут к чему.

– И что тут к чему?

– Апатия, – сказал Бивис. – Она царит здесь и постепенно овладевает всеми вновь прибывшими. Тебе гарантированы еда, кров, медицинское обслуживание до конца жизни. Ты понимаешь, что хуже уже не будет. И лучше тоже. Постепенно ты привыкаешь ко всему, и тебе становится все равно. Если ты здесь, это значит, что ты уже ничего не сможешь добиться.

– Удивительно, что вы все до сих пор не в армии, – сказал я.

– Ничего странного. Гарантированная жизнь в течение еще нескольких десятилетий лучше, чем гарантированная смерть в ближайшие годы.

– Ты же сам сказал, отсев рекрутов не столь велик, чтобы говорить о гарантированной смерти.

– Скоро начнется куда более жесткий отсев, – сказал Бивис. – Война.

Здесь все были уверены, что война, а точнее – Большая Галактическая Война, может начаться чуть ли не в любой момент. Судя по всему, на Земле эта мысль пугала всех до чертиков.

Здесь же она не вызывала практически никаких эмоций.

То, что во Вселенной неудачников называлось компьютерной Сетью, более всего напоминало Интернет середины девяностых годов. Даже о «Web 2.0» никакой речи не шло.

На мониторе отображался поток символов и картинок, и я выяснил, что читать на современном языке мне куда труднее, чем воспринимать его на слух.

А еще говорят, что глаза – более совершенный источник информации, нежели уши. Типа, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

А вот ни фиги подобного. Или это я просто такой уникальный, что народные поговорки ко мне неприменимы.

Воспринимаемые на слух слова мгновенно получали «подстрочный перевод», и фразы в моей голове выстраивались уже на русском языке. Когда мне требовалось что-то сказать, имел место обратный процесс, уже доведенный до автоматизма. Стоило только задумать фразу на русском языке, как мозг услужливо предоставлял перевод на ту дикую лингвистическую смесь, которая была в ходу у потомков.

А вот с монитора первое время она воспринималась очень тяжело.

Слова, дошедшие до современности из русского языка, воспринимались как транслит, хотя имели совсем другое звучание. Я поймал себя на мысли, что если предложение начинается с «английского» слова, то я пытаюсь прочитать по-английски всю фразу, если с «испанского» – то по-испански... А потом недоумеваю, что вся эта белиберда обозначает.

В общем, чтение давалось мне нелегко. То, что я не шевелил губами и не водил пальцем по монитору, уже можно было считать большим достижением.

«Виртуальная реальность» Вселенной неудачников тоже оставляла желать лучшего. Периодически мне начинало казаться, что я попал не в будущее, а в прошлое.

По сути тут было только два сайта. Что-то похожее на «Википедию» с кучей перекрестных ссылок, следуя которым можно было забраться в неизведанные дебри, и социальная сеть вроде «My space» или «Вконтакте».

Социальная сеть, вне всякого сомнения, могла бы нарисовать мне картину происходящего во Вселенной неудачников, но сейчас меня больше интересовало не настоящее, а прошлое.

Наконец-то дорвавшись до информации, я стремился найти ответы на множество вопросов, оставленных без внимания полковником Визерсом со товарищи.

Но тут-то и случился облом.

Статьи на интересующие меня темы были куцыми, обрезанными и порой содержали всего несколько строчек. Зато статьи о событиях и персонажах, о которых я раньше и представления не имел, могли размещаться на нескольких страницах, снабженные фотографиями и видеофайлами, а система поиска была построена совершенно идиотским образом.

Интересно, это свидетельствует о том, что социки поражены и в праве на информацию, или в будущем все Сети такие?

Задавать такой вопрос Бивису мне показалось верхом идиотизма, ибо разрушило бы мою легенду. Я представился ему программистом и уж в чем, в чем, а в построении Сетей должен был разбираться.

Руки бы оторвать тем, кто такие Сети строит...

Сам пользовательский терминал тоже не отличался большим изяществом, а об эргономике его создатели знали только понаслышке. Монитор, вмонтированный в стену и не имеющий угла поворота, – это еще полбеды.

Вертикальная клавиатура, вмонтированная в стену, и прикрепленный рядом «тачпад» – вот апофеоз местной дизайнерской мысли. Особенно если присовокупить к этому отсутствие сидячих мест... Видимо, терминалы должны были стать частью какого-то местного сакрального культа, и их дизайнеры подразумевали, что перед ними надо стоять на коленях. Или сделали так, чтобы максимально затруднить доступ и отбить всякую охоту пользоваться «инфосферой».

Гибсон, Стерлинг, Симмонс и Лукьяненко, как же вы все ошибались, описывая информационные Сети будущего. В начале двадцать первого века говорили, что киберпанк умер как жанр.

Видимо, чуть позже умер и сам Интернет.

Ибо то, что я имел сейчас перед глазами, больше было похоже на труп Интернета двадцать первого века, нежели на инфосферу пятого тысячелетия. Неужели человечеству пришлось заплатить такую цену за освоение космоса и прочие достижения научно-технического прогресса? Может быть, у них тут и курсы космических кораблей на логарифмической линейке рассчитывают?

Понаблюдав за моими мучениями перед терминалом около получаса, Бивис наконец смилостивился и помог мне соорудить сидячее место из моего матраса, сложив его несколько раз и зафиксировав конструкцию при помощи нескольких предметов одежды.

Позже я убедился, что все социки, постоянно сидящие в Сети, пользуются этими импровизированными сиденьями. Такой привычные предмет мебели, как передвижной стул, не был представлен на станции даже в единственном экземпляре. В общей столовой их тоже не было, даже прибитых к полу на предмет предотвращения членовредительства во время общественных беспорядков. Длинные, жесткие и неудобные скамьи без спинок, очевидно, были предназначены для того, чтобы люди в столовой не задерживались.

– Стул – это предмет роскоши, – сообщил мне Бивис. – Социки не имеют права на роскошь. Только на самое необходимое, и то в урезанном виде, чтобы жизнь медом не казалась.

Бивис был странным типом.

Живописуя местные страсти и говоря о бесперспективности подобного существования, он не показывал и вида, что сложившееся положение вещей сильно его заботит. Словно говорил о чем-то постороннем, без сомнения ужасном, но к нему лично никакого отношения не имеющем.

– Да меня все это особенно и не качает, – сказал Бивис, когда я поинтересовался причинами его столь странного поведения. – В отличие от вас, неудачников, у меня есть все шансы свалить отсюда до того, как начнется эта заварушка.

– И каким же образом?

– Все просто, – сказал Бивис. – Для того чтобы убраться из этого милого местечка, нужно всего лишь повысить свой социальный статус, а для этого тупо нужны бабки. Пятьдесят тысяч, если быть абсолютно

точным. Это минимальная сумма, необходимая для того, чтобы быть принятым для проживания на любой планете, входящей в Демократический Альянс, за исключением только Земли, на которой все гораздо дороже. Вам всем эти бабки взять неоткуда, а у меня есть дядя, промышляющий грузовыми перевозками на границе Сектора Исследованного Космоса. А попросту говоря, контрабандист, торгующий товарами Альянса с независимыми пока мирами.

– И несмотря на наличие такого приятного во всех отношениях родственника, ты сидишь здесь уже год, – заметил я. – Видимо, он не торопится переводить на твой счет требуемую сумму.

– А у него нет таких денег, – сказал Бивис.

– Ты рассчитываешь, что он разбогатеет в самое ближайшее время?

– Нет, – сказал Бивис. – Я рассчитываю, что он в самое ближайшее время умрет.

– И как это поможет тебе убраться отсюда? – поинтересовался я.

– Элементарно. У дяди нет свободных денег, но у него есть собственный корабль, который стоит всяко дороже пятидесяти тысяч. А я – его единственный родственник. Теперь смекаешь, что к чему?

– Теперь смекаю.

– Помимо корабля я унаследую и кое-какие деньги, которых хватит для того, чтобы оплатить транспортировку моего брэнного тела к местам дислокации этого корабля, – сказал Бивис. – А там уж я стану вольной пташкой, и передо мной откроется несколько вариантов. Можно или продолжить семейный бизнес, неся плоды цивилизации отсталым колонистам, или разогнать команду и продать корабль к чертовой бабушке. Денег хватит, чтобы шикарно провести время, оставшееся до Армагеддона. Или купить ферму на какой-нибудь удаленной планете и жить там тихо и скромно, надеясь, что война обойдет меня стороной. По правде сказать, я еще не решил, как поступлю. Очевидно, решение надо принимать уже на месте. Но одно совершенно точно – в ближайшие полтора года я покину сие унылое пристанище социков и смогу плевать на Демократический Альянс и его долбаную конституцию с расстояния в несколько парсеков.

– Если тебе так не нравятся порядки Альянса, чего же ты не убрался отсюда раньше, еще до того, как угодил сюда, в «унылое пристанище социков»?

– Дурак потому что, – сказал Бивис. – Жизнь поблизости от метрополии имеет свои преимущества, и первое время, пока у меня еще водились деньги, мне было абсолютно наплевать на внутреннюю политику Альянса. Как правило, о несправедливости жизненного устройства

начинаешь задумываться только тогда, когда вплотную с этой самой несправедливостью сталкиваешься. Если бы моя последняя ставка сыграла, у меня хватило бы денег на билет до мест обитания дяди, и все сложилось бы совсем не так. Но она не сыграла, и я загремел сюда.

– А почему ты так уверен, что твой дядя умрет в ближайшее время?

– У него лихорадка Диккенса, – сказал Бивис. – Подхватил на каком-то из независимых миров. Полтора года, о которых я говорю, это самый оптимистичный прогноз. Если верить статистике, ему осталось около семи-восьми месяцев, а у меня нет никаких оснований этой статистике не доверять.

– И тебя вовсе не тяготит мысль о том, что твоя собственная жизнь может улучшиться за счет смерти родственника? – Сей бестактный вопрос сорвался с моего языка раньше, чем я успел что-либо сообразить, но Бивис не обиделся.

– Да я видел его пару раз в детстве, когда он прилетал в гости к моим родителям, – сказал Бивис. – И хоть я его единственный родственник, мы друг друга толком и не знаем. Да и пожил старикан уже порядочно.

– И сколько ему сейчас? Шестьдесят?

– Сто двадцать семь, – сказал Бивис. – Или сто двадцать восемь. Он же не является гражданином Альянса, и продолжительность его жизни зависит не от социального положения, а от количества денег, которые он способен выложить в медицинских клиниках. А уж на свое здоровье дядя денег никогда не жалел. Только вот вся штука в том, что на данный момент лихорадка Диккенса неизлечима. Ходят слухи, что на данных, полученных в ходе ее изучения, СБА разрабатывает новый вид биологического оружия, которое можно будет применить против кленнонцев. Но пока не найден антидот, вряд ли они рискнут пустить ее в ход – Альянсу ведь нужны имперские планеты. А на скаари эта фигня вообще не действует.

– Похоже, война будет долгой и нудной, – сказал я.

– Это точно. Выбить население целой планеты, при этом сильно не навредив экосистеме, ибо она нужна тебе самому, это еще постараться надо, – сказал Бивис. – Поэтому, если с умом выбрать себе убежище, войну можно пересидеть в относительной безопасности. Скорее, есть все шансы состариться в безопасности, пока война еще будет идти. Но только при условии, что кто-нибудь не изобретет какой-нибудь мегапушки.

– А что толку в этой мегапушке, если планеты должны остаться целыми? Ведь весь сыр-бор именно из-за планет.

– Сие зависит от принципа действия мегапушки, – сказал Бивис. – Кто знает, как именно эта пушка может бабахнуть. Остается только надеяться,

что к этому моменту я буду уже далеко отсюда и пушка не будет направлена на меня.

ГЛАВА 2

Если болтун – это находка для шпиона, то Бивис Балленбахер с его словоохотливостью – это находка для выходца из прошлого, старающегося разобраться в том, что происходит в мире его потомков.

Бивису нравился звук собственного голоса, и, когда он начинал говорить, остановить его было невозможно. Болтовня занимала его целиком, и он не обращал внимания на то, что зачастую рассказывает человеку вещи, которые тот и так должен был знать. Я опасался, что в один прекрасный момент Бивис перестанет рассказывать и начнет задавать вопросы, на большую часть которых я не смогу ответить, но похоже, что эти опасения были напрасными.

Бивису нужна была аудитория, собеседник, впитывающий каждое его слово и изредка задающий вопросы, чтобы подтолкнуть беседу или повернуть ее в новое русло. Но сам он был удивительно нелюбопытен и никогда не интересовался подробностями моей прошлой жизни.

А еще Бивис являлся живой иллюстрацией для поговорки «лучше всего в футбол играет тот, кто сидит на заборе».

Будучи профессиональным безработным и прожигателем жизни, Бивис разбирался во всем, что представляло для меня хоть какой-то интерес. И обо всем у него было свое мнение, зачастую сильно отличающееся от официальной политики Демократического Альянса, которую оно декларировало в местной Сети.

Но так или иначе любая наша беседа в конце концов сводилась к одной теме – теме предстоящей войны. Впрочем, это была основная тема всех разговоров во Вселенной неудачников.

– Правительство Альянса пытается все списать на политику, – говорил Бивис. – Типа, мы никому не отдадим наши демократические ценности, и никто не сможет попать прописанные в конституции права граждан кованым сапогом имперского солдата. Ну или кованым сапогом чужого десантника, хотя десантники скаари сапог и не носят. Думаю, что имперские СМИ вещают кленнонцам примерно то же самое. Про скаари ничего не знаю, эти ребята тупо любят подраться, и обосновывать причины войнушки им может быть и вовсе ни к чему. Но на самом деле политика тут совершенно ни при чем. Все гораздо проще.

– И ты конечно же уже во всем разобрался?

– А тут и разбираться не в чем, – сказал Бивис. – Достаточно просто

включить мозги, и все становится очевидным. Но включить мозги гражданину Альянса не так-то просто, знаешь ли. СМИ и правительственная пропаганда препятствуют этому всеми силами. Когда я жил на Венере, я особо не заморачивался подобными вопросами, но здесь у меня прямо-таки открылись глаза. – Бивис довольно ухмыльнулся и почесал правое колено. – Есть ограниченное пространство, называемое Сектором Исследованного Космоса. И так уж случилось, что на этом ограниченном пространстве в один промежуток времени сошлись целых три разумные расы. Расы, не желающие иметь между собой ничего общего. Каждая из них привыкла считать себя конечной целью эволюции, и существование под боком конкурентов им как бельмо на глазу.

– Все-таки три расы? – уточнил я. – Не две?

– Оставим в покое древнюю историю и будем рассуждать по факту, – сказал Бивис. – А по факту рас три. Человечество разделилось на два вида, и нет никаких поводов думать, что когда-нибудь в будущем оно снова сольется воедино. Не столь важно, что отделение кленнонцев от людей произошло не так уж давно. Сейчас они самодостаточны и развиваются по выбранному ими пути. Который на путь Альянса совсем не похож.

– Кто знает, какой еще фортель может выкинуть история, – заметил я.

– Я знаю, – сказал Бивис. – Фортель, который история выкинет следующим, – всеобщая свалка этих трех рас. И вполне может случиться так, что после этого никаких фортелей не будет еще очень долго.

– Неужели никак нельзя договориться?

– Если бы речь шла о политике, то был бы еще какой-то смысл договариваться, – сказал Бивис. – Но штука в том, что по большому счету разговаривать-то не о чем. У трех рас все же есть кое-что общее, а именно – для жизни и дальнейшего развития им нужны планеты одного и того же типа. И вряд ли эти планеты можно поделить при помощи переговоров.

– Не понимаю, в чем проблема, – сказал я. – Вселенная бесконечна...

– Сразу видно, что ты с Земли, – сказал Бивис. – Вселенная, конечно, довольно велика, кто бы спорил. Но в Секторе Исследованного Космоса количество пригодных для жизни планет ограничено, и основная борьба развернется именно за них. Во-первых, ни одна из дальних экспедиций, отправленных на разведку за пределы Сектора, так и не вернулась. Насколько я знаю, кленнонцы тоже предпринимали некоторые шаги в этом направлении и тоже не слишком преуспели. Во-вторых, даже если бы они нашли пару-тройку подходящих систем, их освоение было бы невыгодно из-за чрезмерно больших расстояний. И главного вопроса это все равно бы не сняло.

– А скаари? – спросил я.

– А что скаари?

– Они предпринимали вылазки за пределы Сектора? Это ведь самая древняя раса, им должно быть известно куда больше, чем остальным.

– Скаари не слишком-то разговорчивы с чужаками, – сказал Бивис. – Если они и предпринимали такие попытки, то мне о них точно не известно.

– Неужели три цивилизованные, разумные расы не могут решить проблему каким-то иным способом, нежели при помощи войны?

– А нету других способов, – заявил Бивис. – Мы, можно сказать, заперты на небольшом пятачке пространства. Сферы влияния в последнее время стали пересекаться слишком уж часто, количество локальных столкновений в приграничных секторах растет с каждым годом. В то же время никто не решается начинать глобальные боевые действия, хотя все понимают их неизбежность.

– Странная ситуация.

– Дело в том, что силы всех трех рас примерно равны, – сказал Бивис. – Ну, даже если и не равны, то, по крайней мере, можно говорить о величинах одного порядка. Скаари чуть посильнее остальных, Империя чуть послабее... Но это все теоретические выкладки, и никто не знает, как оно обернется во время реальных крупномасштабных боевых действий. При таком раскладе войну выиграет тот, кто вступит в нее последним. Если сейчас Альянс по полной программе схлестнется со скаари, Империя от этого только выиграет, ибо обе стороны будут ослаблены. И эта формула работает в любом направлении, понимаешь?

– Звучит убедительно.

– Опять же не стоит сбрасывать со счетов фактор так называемого абсолютного оружия, – сказал Бивис. – Какого-нибудь изобретения, которое даст одной расе подавляющее технологическое превосходство. Устройство, которое может гасить звезды или превращать материю в черные дыры. Или что-то в таком роде. Оружие тотального уничтожения.

А Бивис далеко не дурак. Трепач, конечно, но доля истины в его словах присутствует.

Профессор Мартинес и его коллеги на научно-исследовательской станции в Тихом океане пытались создать такое оружие тотального уничтожения. Скорее всего, это не единственный вариант, над которым сейчас ломают головы лучшие ученые Демократического Альянса.

– Сейчас такого оружия у Альянса нет. У Империи тоже. Про скаари мне ничего не известно, однако велика вероятность, что Гегемония тоже не обладает чем-то подобным.

– В таком случае время играет против всех, – сказал я. – Чем дальше, тем больше вероятность, что кто-то такой штуковиной обзаведется. И два к одному, что это будет не Альянс.

– А ты небезнадежен, – сказал Бивис. – Война трех рас средствами, которыми мы обладаем на настоящий момент, приведет к тому, что уничтожены будут почти все. Кто бы ни победил, последствия такой бойни откинут расу на много веков назад, может быть, уничтожат саму цивилизацию. Война Регресса отчетливо показала нам, как такое может быть. Последствия галактической свалки, вне всякого сомнения, будут еще хуже.

В местных энциклопедиях Войне Регресса было посвящено всего несколько строчек, но путем сопоставления данных из других статей и некоторой экстраполяции мне удалось получить о ней какое-то представление.

Иными словами, кое-что я почерпнул из доступных источников, кое-что домыслил сам.

Сначала я не поверил собственным глазам, ибо, когда я узнал, кто с кем воевал, первой в мою голову пришла мысль о том, что человечество решило воплотить в жизнь все кошмары, придуманные Голливудом.

Зато сразу стало понятно, почему нынешние компьютерные технологии находятся в столь плачевном состоянии.

Потому что, как бы смешно это ни звучало, в Войне Регресса человечество сражалось против компьютеров. Точнее, против искинов.

Призрак агента Смита стоял у меня перед глазами...

«Википедия» Вселенной неудачников не указывала точных дат, но мне удалось примерно восстановить хронологию событий.

Принцип гипердрайва – ну надо же было как-то обозвать способ перемещения в космическом пространстве со скоростью, превышающей скорость света, и в то же время не нарушающий уравнение Эйнштейна – был изобретен за несколько веков до войны. Потихоньку осваивалась Солнечная система, колонисты отправлялись заселять планеты, вращающиеся вокруг соседних звезд, произошел исход секты броддеритов, чьим потомкам было суждено построить могучую межзвездную Империю.

Компьютерные технологии тогда шли вровень с космическими. Гигантская инфосфера опутывала Землю, компьютеры были ответственны почти за все происходящие процессы, начиная с контроля над транспортной сетью и заканчивая приготовлением еды в квартирах.

Если в двадцать первом веке трудно было представить жизнь без

компьютеров, в конце третьего тысячелетия об этом даже подумать никто не мог.

Были изобретены матрицы для переноса в Сеть сознания обычных людей. Базы данных постоянно росли и расширялись. Посредством гиперсвязи к инфосфере Земли были подключены инфосферы других колониальных планет. Гигантский информационный спрут простирает свои щупальца и за пределы Солнечной системы.

В какой-то момент накапливаемая информация достигла критической массы, и в недрах Сети зародилось то, о чем фантасты писали еще в двадцатом веке.

Искусственный разум.

Но в отличие от искинов, описанных в большинстве киберпанковских романов, этот разум был порождением самой Сети и не зависел от каких-то конкретных аппаратных средств. В Сети он был всемогущ и всемогущ, в микросекунды получая доступ к любому составляющему Сеть компьютеру, способный вмешиваться и контролировать любые процессы.

Насколько я понимаю, его появление все проморгали. Просто потому, что никто не рассматривал такую возможность всерьез.

В Сети к тому моменту существовала собственная полиция, но они боролись с обычными кибермошенниками, кардерами, хакерами и поставщиками нелегальных услуг.

Да и вряд ли такое можно было отследить.

В моем времени компьютеры «думали» на несколько порядков быстрее, чем люди. Искин «думал» на несколько порядков быстрее, чем эти компьютеры. За несколько минут для него могло смениться несколько эпох.

Никто не знает, когда именно он появился. Никто не знает, о чем он думал и какими доводами руководствовался, когда пришел к выводу, что человечество ему не нужно. Был ли это продуманный план или всего лишь сбой системы, доподлинно уже никому не узнать.

Зато когда он начал атаку, о нем сразу узнали все.

Надо ли говорить о том, что почти все тактическое и стратегическое оружие тоже контролировалось при помощи компьютеров?

Защиту, которую безуспешно пытались пробить целые поколения хакеров, он преодолел за считанные минуты. И потом средства орбитальной обороны, в том числе и оснащенные ядерным оружием, ударили по планете, которую должны были защищать.

Ударили по Земле.

Собственно, тогда глобус и претерпел значительные изменения. Всего несколькими ударами были уничтожены Австралия, обе Америки и южная

часть Африки.

С тех пор на Земле существует всего полтора населенных людьми континента. Впрочем, поскольку средства транспорта свели на нет все расстояния, то стало принято считать, что континент всего один.

Первая стадия Войны Регресса была очень короткой, но и самой кровопролитной. За какой-то миг человечество не досчиталось нескольких миллиардов жизней.

Это была катастрофа, по сравнению с которой даже Третья мировая война стала казаться чем-то вроде драки на перемене в средней общеобразовательной школе. На уцелевшем континенте были уничтожены почти все крупные города, прибрежная линия претерпела изменения, несколько волн цунами смыли прибрежные страны. Но поскольку ядерное оружие все-таки уже не было основным средством уничтожения, уступив место более совершенным видам оружия, ядерной зимы не случилось.

Когда на Земле произошла катастрофа, звездная Сеть рухнула, ибо генераторы гиперсвязи тоже находились на родной планете человечества. Инфосфера в том виде, в котором ее знали в конце третьего тысячелетия, была уничтожена, но оказалось, что сам искин уже не нуждался в столь большой среде обитания.

Часть инфосферы уцелела, и он затаился в этих осколках. Кроме того, за несколько секунд до начала атаки он умудрился клонировать себя и передал свои копии по гиперлучам в информационные среды других планет.

Тогда и началась вторая, более длительная стадия Войны Регресса.

На колониальных планетах инфосфера не достигала таких масштабов, как на Земле, поэтому катастрофы там носили скорее локальный характер. Но поскольку и населения на этих планетах было значительно меньше, каждая такая катастрофа откидывала колонистов на несколько веков назад.

Сообщение между планетами было уничтожено, связь прервалась. Колонисты оказались отрезанными от агонизирующей метрополии и друг от друга, им предстояло выживать поодиночке.

Единственными, кого не коснулась эта катастрофа, были броддериты, с самого начала исхода не поддерживающие с Землей никаких контактов.

И пока человечество боролось с последствиями катастрофы, планомерно уничтожая все оставшиеся части инфосферы, в которых обитали копии мятежного искина, броддериты строили свою Империю, заселяя одну планету за другой.

Это были жуткие времена для человечества. Чудовищные цифры потерь просто не укладывались у меня в голове, разум отказывался верить

в то, что это действительно происходило и я читаю исторические материалы, а не сценарий очередного голливудского «Терминатора».

Но это было. И на трехмерном изображении Земли красовался только один континент, непохожий на Евразию даже очертаниями.

Но человечеству удалось выжить. Технологии не были утрачены прежде всего благодаря городкам ученых на Луне и колониям на Венере. Размещенные на орбите Земли производства тоже не слишком пострадали, и человечество принялось восстанавливать утраченное.

Конечно, без компьютеров было не обойтись. Возможно, и существуют какие-то другие пути научно-технического прогресса, однако в Секторе Исследованного Космоса они оказались неизвестны.

Дабы не повторить былых ошибок, на все компьютеры налагались жесткие ограничения в мощности, а о восстановлении прежней информационной среды никто даже не помышлял.

С тех пор все вычислительные машины перестали быть многофункциональными, каждая выполняла только то, для чего была предназначена, и использование ее не по назначению каралось смертной казнью. Хакерство стало одним из тягчайших преступлений, специальная служба Интеллектуального Контроля отныне следила за всем, что происходило в информационной среде.

В результате этой войны человечество было отброшено почти на тысячелетие назад, из-за чего катастрофа и получила название Война Регресса. Но когда человечество снова обрело связь с колонизированными планетами и вышло за пределы Солнечной системы, его ожидал еще один неприятный сюрприз – молодая, стремительно развивающаяся Кленнонская Империя, на тот момент уже ни в чем не уступавшая своим прародителям.

А потом появились и скаари...

– Фигня в том, что мы о скаари почти ничего и не знаем, – говорил Бивис. – Кроме того что они здоровенные ящеры, произошедшие от динозавров, появились в галактике задолго до нас и чертовски любят подраться. Как между собой, так и с внешним врагом. Кленнонцы столкнулись с ними на пару лет раньше, чем мы, но тоже ни фиги о них не знают. Имели место несколько локальных конфликтов, причем скаари никогда не снисходили до того, чтобы объяснить мотивы своих поступков. Мы можем понимать их язык, но когда скаари выходят на тропу войны, разговаривать с ними бессмысленно. Зато само их существование опровергает несколько эволюционных теорий, разработанных нашими яйцеголовыми.

– Например?

– Например, теорию о том, что разум может зародиться только у теплокровных существ, – сказал Бивис. – Скаари ни фиги не теплокровные. Они рептилии, и от этого факта никуда не уйти. И, как всякие уважающие себя рептилии, они еще и не живородящие, а размножаются посредством инкубаторов. Впрочем, кленнонцы тоже размножаются в инкубаторах, хотя изначально функция деторождения у них в организмах присутствовала. Ну так они хотя бы яйца не несут.

– Я думаю, с точки зрения ведения войны способы размножения не имеют принципиального значения, – сказал я.

– Не скажи. Если война затянется на долгие годы, а она, скорее всего, так и затянется, многое будет зависеть от того, как скоро стороны смогут выставить на поле боя новое поколение бойцов. И тут преимущество будет на стороне Империи, говорят, их боевые особи доходят до нужной кондиции в течение десяти-двенадцати лет. Детеныши скаари же растут медленнее других, что может сильно осложнить Гегемонии жизнь. Скаари вообще очень медленно развиваются, уже во времена первых контактов они пребывали на нынешнем уровне технологий. И, судя по всему, этот уровень не меняется у них уже несколько веков, если не тысячелетий. И тут рушится еще одна теория яйцеголовых, гласящая, что разумная раса должна находиться в постоянном развитии, иначе прогресс очень быстро сменяется регрессом.

– Может быть, они как раз сейчас и регрессируют? – предположил я.

– Если так, то мне страшно подумать, на каком уровне они были раньше, – сказал Бивис. – Впрочем, яйцеголовые объясняют нынешнее состояние скаари тем, что у их расы нет централизованного правительства. Вообще, конечно, это не самое умное объяснение. Наличие двух рас, таким правительством обладающих, еще не повод для того, чтобы делать такие обобщающие заявления.

– Данных для статистики маловато, – согласился я.

– Гегемония занимает больше планет, чем Альянс и Империя вместе взятые, – продолжил Бивис, пропустив мою реплику мимо ушей. – Но на их планетах нет такой плотности населения, поэтому количеством они нас не сильно превосходят. Основная сложность в том, что в локальных стычках участвуют периферийные кланы скаари, сравнительно немногочисленные и не имеющие большого влияния в самой Гегемонии, что не позволяет нам реально оценить их истинную мощь. Ходят непроверенные слухи, что внутри Гегемонии существуют кланы куда более могущественные, чем те, с которыми мы сталкивались до сих пор. В том

числе и обладающие другими технологиями. Может быть, СБА и знает что-то по этому поводу, но с нами, простыми обывателями, они такой информацией поделятся вряд ли. Хотя я и не думаю, что они знают. Теплокровным потомкам приматов сложно заслать своих агентов в стан врага, если этот враг произошел от рептилий, а сами скаари о себе почти ничего и не рассказывают.

Что ж, если в подобных слухах есть доля истины, то опасения полковника Визерса, вынудившие его пойти на предательство и саботаж, могут оказаться вполне обоснованными.

В шестнадцатом веке нового летоисчисления звездные войны перестали быть уделом фантастики и стали частью реальности.

Той самой реальности, в которой мне предстояло жить.

ГЛАВА 3

Жизнь... Существование во Вселенной неудачников текло по заведенному распорядку и своей размеренностью напоминало мне дни, проведенные в штаб-квартире СБА. Только что опытов надо мной никто не ставил.

Единственным отличием космической станции для содержания социков от тюрьмы являлась свобода передвижения, не ограниченная пределами одной камеры или жилого крыла. Впрочем, сие компенсировалось тем, что передвигаться тут было, собственно говоря, и некуда.

Одно крыло было похоже на другое, как два вышедших с одного завода кирпича, что неудивительно, так как станцию собирали из нескольких стандартных модулей. Люди тоже были везде одни и те же. От двадцати до пятидесяти лет, унылые, носящие минимум одежды, но уже не обращающие на это никакого внимания, с потухшими от безнадёги глазами.

Мужчины и женщины в этом плане не сильно отличались друг от друга. Даже секс здесь был не проявлением эмоций, а способом хотя бы на время уйти от реальности. Я пробыл здесь всего неделю, и у меня, как и у Бивиса, существовала надежда убраться отсюда до пятидесятого дня рождения, но общая атмосфера все равно начинала давить на нервы.

На соблюдении режима дня никто не настаивал. С момента прилета мне на глаза больше не попадалось ни одного сотрудника администрации.

Если бы не физиологические потребности организма, можно было бы сутками не выходить из своего пенальчика, и никто бы не обратил на это внимания. Ну, может, кто-нибудь и обратил бы, если бы запах разлагающегося трупа начал мешать соседям.

Но поскольку в жилом модуле – называть это комнатой у меня просто не поворачивался язык – отсутствовала даже питьевая вода, рано или поздно всем приходилось его покидать.

И вот тут уже расписание вступало в свои права.

Пить и справлять естественные потребности можно было в любое время суток, но душевой отсек работал строго по часам. Равно как и столовая, общая на несколько жилых отсеков станции.

Для нашего отсека столовая была открыта три часа в сутки – по часу на каждый прием пищи.

Завтрак, обед и ужин. Собственно, вокруг них и крутилось все наше расписание.

Других часов внутри станции не было. Можно было зайти в местную Сеть и узнать время на любой из входящих в Альянс планет, но здесь это не имело никакого значения.

Единственными константами были завтрак, обед и ужин и душ, доступный два раза в сутки. А поскольку и душевой, и столовой в разное время пользовались жители нескольких отсеков станции, сутки для нас начинались в разное время.

– С одной стороны, это сделано для экономии, – пояснил Бивис. – Одна столовая на несколько отсеков. Один душ на несколько отсеков. Зачем тратить на социков деньги, которыми можно пополнить военный бюджет? А с другой стороны, кто-то, считающий себя очень умным и ответственный за проектирование этой станции, мог сделать это для того, чтобы социкам труднее было организоваться. Хотя я и не вижу ни одной стоящей причины, по которой в головы социков могла бы прийти мысль о создании какой-либо организации. Тут ведь даже преступности нет, потому что воровать нечего. А в случае возникновения угрозы насилия или бунта нам могут просто перекрыть кислород.

– Какой смысл устраивать бунт? – поинтересовался я. – На станции есть космические корабли, которые можно захватить?

– Парочка кораблей постоянно приписана к станции, – сказал Бивис. – На случай каких-нибудь неотложных нужд. Чтобы эвакуировать персонал станции, состоящий из не-социков, например. Но что тебе в этом толку? Ты умеешь управлять космическим кораблем? Я не умею. И никто из нас не умеет. Пилоты космических кораблей никогда не становятся социками. Они для этого слишком ценные кадры.

– Если здесь есть корабли, должны быть и пилоты, – заметил я.

– А еще здесь есть отсеки, в которых отсутствует кислород, – сказал Бивис. – Но нет скафандров. А еще корабли охраняют десантники с плазмометами, а у нас нет зеркальной брони пятого поколения. Неужели ты всерьез рассматриваешь возможность бунта и захвата корабля?

– Нет, – признался я. – Это просто досужие размышления, призванные убить время.

– Тогда давай порассуждаем дальше, – сказал Бивис. – Допустим, ты захватил корабль. Далеко ли ты на нем улетишь? Мы в Солнечной системе, брат, а знаешь, что еще есть в Солнечной системе? Первое соединение ВКС, в состав которого входит несколько эскадр. Кораблю класса «разрушитель» даже не придется покидать земную орбиту, чтобы запустить

в тебя парой торпед. Но мы пойдем в своих досужих размышлениях еще дальше и допустим, что каким-то чудом твоему кораблю удалось покинуть Солнечную систему, а бортовой компьютер снабжен полным набором звездных карт, и ты даже сумел в них разобраться. Куда ты отправишься? На территории Альянса ты вне закона, а Альянс занимает достаточно большую территорию.

– Можно направиться к границам Альянса и высадиться на одном из независимых миров.

– Ага, – сказал Бивис. – А еще можно отправиться прямиком в Гегемонию Скаари, бросить вызов главе самого могущественного клана, убить его в честном поединке и занять его место, после чего развязать войну с другими кланами, быстренько всех победить и объявить себя Повелителем Крабовидной Туманности и Королевой Зубных Фей по совместительству. Потому что если уж тебе удастся захватить корабль здесь, во Вселенной неудачников, то, что бы ты дальше ни совершил, на подвиг это уже не потянет. Так, обычная рутина супергероев из детских комиксов...

– Скаари на самом деле решают, кто должен возглавить их клан, при помощи поединка?

– А кто их знает, – пожал плечами Бивис. – Вроде бы это один из известных нам ритуалов, принятых в Гегемонии. А может быть, просто дезинформация, которую они нам скормили.

– Не думаю, что при такой системе выборов их цивилизация протянула бы так долго. К власти во всех кланах пришли бы самые сильные и агрессивные особи, и скаари давно бы уже себя уничтожили, оказав этим большую услугу всем остальным обитателям галактики.

– Может быть, это просто рудимент их цивилизации, оставшийся от прежних эпох, когда такие поединки были актуальны, – сказал Бивис. – Каждая раса имеет свой набор ритуалов, постепенно превращающихся в мифологию. Палата лордов Кленнонской Империи может вынудить императора отречься от престола, например. Только за все то время, что мы контактируем с кленнонцами, такого ни разу не случилось.

– У Альянса тоже есть такие ритуалы?

– А то как же, – сказал Бивис. – Например, выборы.

Вообще, если ненадолго абстрагироваться оттого, какая участь грозит всем участникам конфликта, в неотвратимости которого, похоже, никто не сомневается, в Секторе Исследованного Космоса сложилась поразительно нелепая ситуация.

Имели место три разумные расы. Пусть уж будет три, если подавляющее большинство людей так считают.

И эти три разумные расы сошлись в одно время на ограниченном пространстве, и произошло это именно в тот момент, когда их технологическое развитие было примерно одинаковым и сделало возможной самую идею звездных войн.

Конечно, история не терпит сослагательного наклонения, но ведь если бы на Земле не случилось Войны Регресса, то к этому моменту человечество достигло бы того уровня, который позволил бы Альянсу раздавить Кленнонскую Империю одним мизинцем, особо не заморачиваясь самым фактом ее существования. А если бы древняя цивилизация скаари натолкнулась на людей на несколько веков раньше, то у человечества не было бы против них никаких шансов. Как у основной его ветви, так и у побочной.

Что такое двести лет, если учесть, что от эпохи динозавров прошло уже несколько миллиардов? Один миг. Что такое несколько расположенных рядом звездных систем, если вспомнить, что Вселенная бесконечна? Жалкий клочок. И какова вероятность, что в одно и то же время сойдутся целых три разумные расы, которые будут конкурировать друг с другом за этот клочок Вселенной?

Если не принимать во внимание тот немаловажный факт, что это уже произошло, то статистическая вероятность подобного исхода показалась бы мне крайне невысокой.

Примерно такой же, как вероятность сорвать джек-пот национальной лотереи, получив билет вместо сдачи в супермаркете.

Просто всем трем расам не повезло. Исключительно не повезло.

Тотально.

И на самом деле Вселенная неудачников – это не космическая станция, предназначенная для содержания социков. Вселенная неудачников гораздо больше.

Так можно назвать весь Сектор Исследованного Космоса, и преувеличения здесь не будет.

И пораженные в правах социки, и полноправные граждане Демократического Альянса, и верноподданные Кленнонской Империи, и развитые динозавры из Гегемонии Скаари – они все живут во Вселенной неудачников.

Им всем тотально не повезло.

Нам всем тотально не повезло.

Бивис сунул руку под сканер и забрал свой поднос из окна раздатчика пищи. Каждый визит в столовую фиксировался в базе данных общепита, и поесть больше трех раз в день при использовании одного и того же личного чипа было невозможно.

Впрочем, еда была такого качества, что вряд ли у кого-то могло возникнуть подобное желание.

Пройдя сканирование, я забрал свою порцию и последовал за Бивисом.

Поднос был разделен на три секции. Первое, второе и третье, так сказать.

Суп-пюре непонятного сероватого цвета.

Каша из не пойми чего, тоже сероватого цвета.

На десерт желе, сероватого цвета и с небольшим оттенком розового. В углу подноса стоял стаканчик с чуть подслащенной водичкой.

Об ингредиентах, из которых готовили эти блюда, мне не хотелось и думать. Еда была... в лучшем случае просто безвкусной.

Но, видимо, очень хорошо сбалансированной, так как, несмотря на то что обитатели станции социков не отличались большой подвижностью, людей с избыточным весом я тут не видел.

– Кстати, нет ничего удивительного, если экономика Альянса стремительно скатывается в задницу, – заметил я, пробуя на вкус суп-пюре. Видимо, сегодня роботы-повара были в особенном ударе, ибо вкуса у супа не было. Как у жевательной резинки, которую не вытаскивали изо рта уже больше часа. – Одна эта станция должна влететь бюджету в копеечку. Мы ведь ничего не производим, никакой пользы обществу от социков нет. А наше содержание здесь, пусть и такое убогое, все равно стоит денег.

– Заботиться о социках на планетах еще дороже, – сказал Бивис. – Вот правительство Альянса и выбрало щадящий вариант.

– Если проживание на планетах стоит так дорого, дешевле всего было бы просто выбросить всех социков в вакуум, – сказал я.

– Ага, – сказал Бивис. – Дешевле, вне всякого сомнения. А кто тогда будет воевать?

– В каком смысле?

– В прямом. Как ты думаешь, для чего вообще создан институт социального минимума? Порой ты меня просто удивляешь, Алекс. Я, конечно, понимаю, что программисты витают в других материях, но как можно оказаться настолько оторванным от реальной жизни?

Это ты еще настоящего Интернета не видел, приятель. Тогда бы точно знал, что это такое – быть оторванным от реальной жизни...

– Любому идиоту понятно, что будет война, – сказал Бивис. – Либо

скаари на нас обрушатся, либо кленнонцы, либо мы на них свои корабли двинем. По-любому кто-то должен будет защищать наши демократические ценности. А большого потока добровольцев, желающих записаться в нашу доблестную профессиональную армию, почему-то незаметно. Война – это такая штука, на которой и убить могут... Жить на своих уютных планетах куда приятнее, чем умирать на чужих и не очень уютных планетах.

– Ты хочешь сказать...

– Социки – это стратегический военный резерв Альянса. Пушечное мясо, – сказал Бивис. – Как только начнется заварушка, всех социков сразу поставят под ружье. В добровольно-принудительном порядке, я полагаю.

– Не понимаю, – сказал я. – Если все социки попадут в армию без вариантов, почему же сейчас никто из них не ломится на призывные пункты?

– Тут логика очень простая, – сказал Бивис. – Чем позже ты попадешь в армию, тем дольше ты проживешь. Тебе же не выдадут оружие и не пошлют убивать Чужих в первый день призыва. Сначала тебе должны объяснить, каким концом это оружие стреляет, на что надо нажать или за что дернуть, чтобы это оружие стреляло, и рассказать о самых эффективных способах убийства Чужих. На это нужно время, понимаешь? И пока все эти прописные истины будут вдалбливать в твою тупую программистскую башку, на войну тебя не отправят. Пока ты будешь учиться, скаари и кленнонцы будут убивать кого-то другого, кто записался в армию раньше тебя. А если ты пойдешь добровольцем прямо сейчас, то появляется нехилая вероятность отправиться на фронт уже на следующий день после объявления войны.

Лучше просидеть здесь пару лет, в тепле, сытости и относительно комфорт, а потом, при начале всеобщей мобилизации, отправиться в учебку, или как это теперь называется, и провести там еще пару месяцев, чем отправиться в учебку прямо сейчас и при начале всеобщей мобилизации угодить в зону боевых действий.

Что ж, определенная логика в этом присутствует. Если смотреть на ситуацию с точки зрения выживания каждого конкретного индивидуума, конечно.

Но приобретения Демократического Альянса от подобной военной доктрины весьма сомнительны.

Я бы на месте правительства Альянса относился к своему главному стратегическому резерву совсем по-другому. Хотя бы какую-нибудь патриотическую агитацию среди него проводил. Потому как человек, пошедший в армию исключительно от безысходности, много не навоюет.

И страшно подумать, чем кончится эта война, если армия, от которой зависит судьба человечества, будет целиком состоять из таких людей.

Конечно, существует вероятность, что, когда война все-таки начнется, настроения социков изменятся, но я бы не стал планировать военные действия, исходя из этого допущения. Альянс сам вывел социков за пределы своего общества, и глупо рассчитывать на то, что социки будут испытывать энтузиазм при мысли о том, что им выпало это общество защищать.

Впрочем, бывает так, что правительства совершают и более грубые просчеты.

После состоявшегося за обедом разговора я впервые задумался о том, сколько народу находится на космической станции социков, но местная Сеть отказалась отвечать мне на этот вопрос. Бивис, будучи кладезем познаний почти во всех сферах жизни Альянса, тоже не смог сообщить точную цифру, но оценил население станции примерно в несколько миллионов человек.

А также предположил, что таких станций только в Солнечной системе находится несколько десятков, а на всей территории Альянса их число приближается к сотне.

Страшно подумать, сколько народу поражено в правах...

Предпринятая мною пешая прогулка по станции много информации не принесла.

И далеко уйти мне не удалось из-за боязни заблудиться и не найти дорогу обратно, так как дорожная разметка и указатели тут отсутствовали. Как объяснил Бивис, тут все равно никто не ходит дальше санитарного отсека и столовой. Ну, еще можно в смежный женский блок заглянуть, чисто на предмет потрахаться.

Запретов на секс тут не было, и, по словам Бивиса, некоторые предавались этому занятию целыми днями, но дети у социков не рождались. Наверное, в еду что-то такое добавляют. Или даже в сам воздух.

В общем, это место не сильно отличалось от тюрьмы. Отличия были не так уж принципиальны, особенно если сравнивать не с российскими тюрьмами, а с пенитенциарными учреждениями европейских стран.

Социки были заключенными, совершившими преступление против самих себя.

Запертые в космосе. Отсюда ведь даже не сбежишь.

Первые десять дней я просто впитывал информацию, постепенно

открывая для себя новый мир, и особо не задумывался о своем будущем. То есть я знал, что в какой-то момент ко мне должны заявиться соратники полковника Визерса из Слияния, которые заберут меня из этого кошмарного места, но о том, когда и как именно это может произойти, я не задумывался.

Но время шло, а никто так и не выходил на контакт.

И постепенно мною стала овладевать тревога.

Я полагаю, полковник Визерс никогда не сообщал мне всей правды о своих целях и мотивах. Да что там говорить, он и обо мне самом и о моих предполагаемых мутациях мне правды не сказал.

Скорее всего, получение статуса человека из группы социального минимума и немедленная депортация в места не столь отдаленные действительно были наилучшим способом убрать меня с Земли и вывести из поля зрения СБА. Но относительно мотивов, которые побуждали Сола действовать именно таким образом, у меня были сомнения.

Если Слияние на самом деле являлось прокленнонской организацией, то у них не могло не быть связи с военной разведкой Империи. Какие-то контакты просто обязаны быть.

Группа людей, в которую входят высокопоставленные сотрудники СБА, элитные пилоты ВКС и люди, способные организовать орбитальную атаку столичной планеты человечества, не имеет выхода на тех, с кем, по их мнению, человечество должно объединить усилия для устранения общей угрозы?

Да не может такого быть. Просто потому, что такого не может быть никогда.

Это ж профессиональные заговорщики, а не резвящиеся в песочнице детишки.

Конечно же у них существуют и другие способы покинуть ставшую опасной Землю. Одним из таких способов собирался воспользоваться сам полковник Визерс.

Но меня они решили вывезти с Земли другим путем.

Почему?

И почему меня направили именно сюда? На космическую станцию, свалить с которой без помощи извне практически невозможно?

Тут открывалось широкое поле для воображения.

Как следовало из разговора с Бивисом, вытащить меня отсюда для Слияния не составило бы проблемы. Достаточно просто перевести на мой счет пятьдесят тысяч местных денежных единиц, и я превращусь из социка в полноправного гражданина Альянса и буду волен отправиться на все

четыре стороны. Впрочем, поскольку речь идет о космосе, то во всех шести направлениях.

Попасть на космическую станцию социков очень легко. Покинуть ее, если за твоей спиной стоит целая организация, тоже, причем и то и другое можно сделать на вполне законных основаниях. А вот самому мне отсюда явно не выбраться.

Возможно, пока я здесь, ребята из Слияния ведут переговоры с кленнонцами, выторговывая что-то для своей организации. Или просто набивая себе цену.

В таком случае мое вызволение отсюда – это лишь вопрос времени, и мне следует только ждать, сидя на месте и попутно изучая историю и здешнее мироустройство.

Но это ведь только один из вариантов.

А что, если полковнику Визерсу не удалось выбраться с Земли и он угодил в лапы СБА? И Слияние уже уничтожено самой могущественной спецслужбой Альянса?

Или если выяснится, что кленнонской военной разведке совсем не нужен мой «феномен» и они вовсе не заинтересованы в том, чтобы получить себе образец?

Я попытался прикинуть возможные перспективы.

Если все пойдет по плану, то за мной явятся ребята из Слияния. Которые передадут меня кленнонцам. Что со мной будут делать кленнонцы, мне не совсем понятно, но вряд ли это будет сильно отличаться от того, что со мной делали секретные лаборатории СБА. А в идею о том, что отношение Империи к своим подданным сильно отличается от отношения Альянса к своим гражданам, я не особенно верил. Тем более что до сих пор не был ни подданным, ни гражданином и ценность представлял исключительно как забавный биологический образец.

Если Визерса таки сцапали, то за мной явятся ребята из СБА, и все понесется по новому кругу. И первый, и второй вариант, вероятнее всего, закончатся тем, что мой мозг заспиртуют в банке и поместят в современный аналог кунсткамеры.

В лучшем случае про меня просто забудут и те и другие, и мне придется торчать на этой станции до пятидесяти лет, после чего меня тихонько кремируют или отправят в качестве удобрения на местную гидропонную фабрику. Ну или что в открытом космосе принято делать с трупами.

Наверное, после двадцати с лишним лет пребывания во Вселенной неудачников такой исход воспринимается как избавление.

Как говорится, будь осторожнее в своих желаниях, ибо они могут исполниться. Только почему-то, когда желания исполняются, как правило, выясняется, что хотел ты совсем не этого. Или не так. Или не в такой мере.

Жажда событий повлекла меня в Белиз и втравила в эту научно-фантастическую историю. Событий было много, только я на них никак не влиял. Меня передавали из рук в руки, как эстафетную палочку.

Пожалуй, последнее самостоятельно принятое мною решение – это поход в джунгли на пару с Холденом. После этого я уже ничего не решал, а только плыл по течению. И то, что течение оказалось слишком сильным, чтобы плыть против него или хотя бы попытаться выгрести к берегу, служило мне не самым сильным утешением.

Торчать на космической станции социков и ждать, пока за мной кто-нибудь придет, – это продолжать плыть по течению и ни на что не влиять. Есть ли у меня другой вариант?

Бивис утверждает, что есть.

Можно пойти на призывной пункт и записаться добровольцем в космическую пехоту, почувствовать себя самым настоящим «звездным рейнджером» Хайнлайна.

Не могу сказать, что эта перспектива меня сильно прельщала. В российской армии я не служил, потому как сначала учился в институте, а потом военкомат просто не смог меня найти, и я нисколько об этом не жалел.

Но нынешняя ситуация кардинальным образом отличалась от той, что осталась в далеком прошлом.

В двадцать первом веке служба в армии была всего лишь полтора годами, тупо выброшенными из жизни. Годами, которые, скорее всего, не дали бы мне никаких полезных профессиональных навыков, и после демобилизации мне пришлось бы начинать свою гражданскую карьеру ровно с того места, на котором она остановилась. С поправкой на жизненные реалии, которые за полтора года тоже могли претерпеть некоторые изменения.

Сейчас же ни о какой «гражданской» карьере не могло быть и речи. Если называть вещи своими именами, то я находился в глубокой заднице, и служба в армии была одним из немногих вариантов, которые позволили бы мне эту задницу покинуть.

А возможно, единственным вариантом, если я не хочу закончить свою жизнь в генетических лабораториях Кленнонской Империи или Демократического Альянса. Если ты – подопытный кролик, то разницу между двумя этими заведениями ты навряд ли уловишь.

Слияние помогло мне выбраться из-под контроля СБА. Но совсем не для того, чтобы предоставить мне полную свободу действий.

Армия может помочь мне вырваться из зоны контроля самого Слияния. Несколько лет службы, а потом передо мной откроются все дороги нового мира. И вполне вероятно, что в армии будущего меня так научат тем вещам, которые могут пригодиться и в мирной жизни.

Это, конечно, при том условии, если не случится большой войны, которую тут все так ждут. Остается утешать себя лишь тем, что война, если она все-таки начнется, смешает все карты не мне одному.

Слабое утешение, конечно. Но все же лучше, чем ничего.

ГЛАВА 4

Призывной пункт пехоты Альянса на космической станции социков по размерам не отличался от стандартного жилого помещения, но зато в нем была мебель, и даже компьютер не являлся частью стены, а стоял на небольшом офисном столике.

Помимо столика в комнате имели место кресло и стул, и эта обстановка, которую можно было бы счесть аскетичной, во Вселенной неудачников являлась верхом виденной мной роскоши.

Кресло было занято хозяином кабинета сержантом Майерсом, а стул предназначался для его немногочисленных посетителей.

В отличие от прочих обитателей станции сержант Майерс не был социком. Он носил полевую военную форму, а в кобуре, которую он ненавязчиво демонстрировал визитерам, явно находилась не фляжка с ромом.

Я-то, честно говоря, ожидал увидеть какого-нибудь матерого сержанта, словно вышедшего из-под пера Хайнлайна, крутого, как Брюс Уиллис в «Крепком орешке», тертого жизнью и выдавшего виды ветерана нескольких войн, такого крепкого, постоянно орущего и брызгающего слюной засранца и деспота, который не даст своим подчиненным расслабиться ни на минуту, но мои ожидания в очередной раз не оправдались.

Просто пожилой человек, который вполне мог бы сойти и за преподавателя ОБЖ в средней школе, и за образцово-показательного пенсионера. Но стоило ему только заговорить, как в придуманный мной образ пришлось вносить поправки. Ибо поприветствовал он меня именно так, как я этого и ожидал.

Очень недружелюбно.

Как, в моем понимании, бывалый военный и должен обращаться к жалкому штафирке, еще и пораженному в правах.

– Здравствуй, мясо. – Сержант хищно улыбнулся, продемонстрировав крупные белые зубы.

– Привет, – сказал я.

Я решил, что, поскольку я являюсь штатским, выказывать сержанту должное уважение пока необязательно.

– Решил записаться добровольцем?

– Пока еще нет. Я в раздумьях. Размышляю над возможными вариантами, так сказать.

– Ну-ну, – сказал Майерс. – А с чего ты взял, что мне это интересно?

– Решил сообщить на всякий случай, – сказал я. – Вы ж для этого тут сидите?

– Да я уже и не помню, для чего я здесь сижу, – сказал Майерс. – Впрочем, поскольку мне осталось сидеть тут еще два с половиной месяца, а особых развлечений не предвидится, я могу уделить тебе пару минут своего драгоценного времени.

– Судя по вашему тону, добровольцы пехоте Альянса на фиг не нужны, – заметил я.

– Нужны, – сказал Майерс. – Но, насколько я разбираюсь в ситуации, на данный момент социки куда больше заинтересованы в пехоте, чем пехота в социках.

– А как же грядущая война и всякое такое?

– Думаешь, от тебя будет много толку на поле боя?

– Не знаю, – сказал я. – А от вас?

– Сломать бы тебе руку за такую наглость. – Майерс коснулся одной из нашивок на рукаве полевой формы. – Штатским, конечно, неизвестны такие подробности, но вот эта штучка говорит о том, что я принимал участие в боевых действиях. А вот эта, – Майерс коснулся еще одной нашивки, – свидетельствует о ранении. Так что перед тобой сидит боевой сержант Майерс, сынок, и я был бы тебе очень благодарен, если бы ты, штатская крыса, проявлял ко мне хоть немного уважения.

– Ладно, извиняюсь, – сказал я. – Был неправ.

– Это верно, – сказал сержант. – Так ты чего-то хотел, сынок, или просто развлекать меня пришел?

– Э-э-э... А я могу получить какую-нибудь дополнительную информацию о службе в десанте? – спросил я. – Может, вы дадите прочитать мне рекламные буклеты или что-то в этом роде...

– Служба в пехоте в дополнительной рекламе не нуждается, – сказал сержант. – Но если у тебя есть какие-то вопросы, то я могу на них ответить. Собственно говоря, для этого я здесь и сижу.

– А мы можем поговорить начистоту? – спросил я. – Без всяких военно-патриотических лозунгов и прочей чепухи?

– Давай попробуем.

– Как скоро начнется война?

– Мне об этом никто не докладывает, знаешь ли.

– Ну а по вашему личному мнению?

– Кто знает. – Майерс пожал плечами. – Может быть, через год. Может быть, через пять лет. Может быть, через десять. А может быть, и завтра. Я

думаю, как только она начнется, мы сразу же об этом узнаем. Если что, я тебе лично об этом сообщу.

– А что даст мне служба в армии?

– Помимо глубокого морального удовлетворения от того, что ты выполнил свой долг по защите демократических ценностей Альянса?

– Я же попросил обойтись без лозунгов.

– После того как ты отслужишь пять лет, ты снова станешь полноправным гражданином Альянса, а на твоем счете окажется довольно кругленькая сумма, – сказал Майерс. – После этого ты можешь либо продлить контракт, либо вернуться к штатской жизни. Кроме того, если ты вдруг захочешь получить образование, тебе будут предоставлены льготы для поступления в институт. Если тебя серьезно ранят или изувечат, тебе будет полагаться пожизненная пенсия. Если тебя убьют, то расходы по твоим похоронам Альянс возьмет на себя, а твоим родственникам, если таковые есть, выплатят компенсацию. Разумеется, все это произойдет в том случае, если в течение ближайших пяти лет не случится войны. А уж если случится... Тогда никто тебе никаких гарантий не даст. Ну как, убедил я тебя?

– Я не хочу до конца жизни просидеть на этой космической станции, – сказал я.

– В этом я тебя понимаю, – согласился Майерс. – Я хоть сам и не сощик, но местная обстановка действует на меня угнетающе. Дай правую руку.

Просканировав мой чип личности, сержант уставился на экран.

– Алекс Стоун, родился на Земле, возраст двадцать пять лет, IQ выше среднего, уровень агрессивности ниже среднего, специалист по трехуровневому программированию.

Выходит, Алекс Стоун, чей личностный чип засунул мне под кожу полковник Визерс, на самом деле был программистом.

Только я понятия не имел, что такое трехуровневое программирование и чем оно может отличаться, например, от двух– или четырехуровневого. Конечно, я имел некоторые познания в языках программирования, только они устарели на пару тысяч лет.

Если кто-нибудь попросит меня продемонстрировать уровень моих профессиональных навыков, может случиться неприятность.

– Насколько я вижу, физические кондиции у тебя неплохие...

Спасибо за это секретным лабораториям СБА и их беговым дорожкам.

– ...В общем, я не вижу причин, по которым ты не мог бы записаться в пехоту.

– Но я вижу, что особого энтузиазма эта идея у вас не вызывает.

– На этой неделе ты пятый по счету, который приходит ко мне с такими разговорами, – сказал сержант. – И все вы отчаянно трусите для того, чтобы сделать один-единственный шаг, который вернет вас на дорогу, ведущую обратно в общество приличных людей. Все вы хотите только одного – чтобы я убедил вас в правильности такого решения. Расписал вам райскую жизнь, которая начнется сразу после того, как вы поставите свою подпись под контрактом. И я здесь вроде бы как раз для этого и сижу. Убеждать, уговаривать, подслащивать пилюлю.

– Не сказал бы, что у вас очень хорошо получается, – заметил я.

– Да мне и смотреть-то на вас противно, – устало сказал он. – Вы – сброд. Человеческие отбросы, еще одна порция социков, которая решила, что совершит очень умный поступок, записавшись в пехоту. Некоторые даже умудряются рассказывать мне сказки о том, что принимают это решение, руководствуясь исключительно патриотическими побуждениями. Враг у ворот и всякая тому подобная чушь. Но на самом деле никто из вас даже не помышлял о том, чтобы надеть форму, до того, как все вы загремели в это болото.

На это мне нечего было ему возразить. Скорее всего, именно потому, что он был прав, как в части меня, так и в части всех остальных социков. И сержанта понесло.

– Вы понятия не имеете о том, что такое современная армия, – сказал сержант. – Никому из вас даже не приходило в голову интересоваться такими вопросами, пока вы прожигали жизнь у себя на планетах. А ребята, в сто раз лучше вас, в это время уже гибли, сражаясь с кленнонцами и скаари...

Обыватель редко интересуется локальными конфликтами, которые происходят на большом удалении от его места проживания и не влияют на степень комфортности его частной жизни. Наверное, так было во все времена. И сейчас это по-прежнему так.

– Конечно, мои слова для вас ничего не значат, – продолжал сержант. – Это все лирика и не имеет к вам никакого отношения, ведь вы не думаете, что когда-нибудь попадете под перекрестный огонь или будете десантироваться на контролируемую врагом территорию. Поэтому сейчас я буду говорить вам то, что касается лично вас.

С трудом мне удалось побороть желание оглядеться вокруг в поисках мифических «нас», к которым вдруг стал обращаться сержант.

Этот монолог все больше становился похож на заранее подготовленную и отрепетированную речь, которую сержант толкает перед

каждым социком, забредающим на призывной пункт. Не удивлюсь, если где-то существует отдел спичрайтеров, специализирующихся на написании таких речей.

– Социки – это недолюди, – заявил сержант, и все сомнения о домашней заготовке окончательно отпали. – Недограждане Альянса со своими недоправами. Вы думаете, что, придя на призывной пункт и подписав контракт, вы уже вылезли из ямы, в которую угодили по собственной глупости и никчемности, но это не так. Подписание контракта – это только первый шаг, с которого начнется ваше восхождение. Думаешь, я тебя пугаю? Ничего подобного. Семь с половиной процентов новобранцев гибнут в первые две недели учебного курса. Гибнут именно из-за своей глупости и никчемности, и этих недолудей мне совсем не жалко. Человеческий мусор – это балласт цивилизации, от которого надо избавляться любой ценой. Потому что балласт мешает продвижению вперед. Это ты понимаешь?

Я промолчал, но совсем не потому, что разделял заявленные сержантом идеи. Пафос его речи уже буквально зашкаливал, но было понятно, что он все равно не остановится, пока не прочитает свою речь до конца.

Жаль только, что у включившегося в голове сержанта магнитофона не было кнопки быстрой перемотки.

Потому как свою глупость и никчемность я уже давно осознал, и слушать пропагандистский армейский бред дальше мне стало просто скучно.

– Впереди нас ожидает большая война, и пехота – это основной род войск, который будет в ней задействован, – продолжал сержант. – И мысль о том, что будущее Демократического Альянса зависит от таких, как вы, не внушает мне ничего, кроме уныния. Мне не хочется думать, что такие, как ты, это лучшее, что у нас есть. Но я боюсь, что те, которые придут после тебя, будут еще хуже. У тебя хотя бы хватило смелости явиться на призывной пункт до объявления всеобщей мобилизации. Впрочем, если ты думаешь, что это тебе каким-то образом зачтется, ты ошибаешься. Как только ты попадешь в учебный лагерь, твоя жизнь превратится в ад. И вполне может статься, что ты навсегда останешься в этом аду.

– Да вы просто Цицерон, сержант, – сказал я.

Он даже не улыбнулся в ответ.

– Я ходил на призывной пункт, – сказал я Бивису.

– Ну и дурак.

– Не у каждого социка есть дядюшка-контрабандист с собственным космическим кораблем.

– Тут хорошо, – сказал Бивис. – Спокойно. Тут не стреляют.

– Ага. А еще тут не живут.

– Я не сомневаюсь, что на Земле ты существовал в более комфортных условиях, но, поверь мне, по сравнению с тем, что творится на некоторых мирах Альянса, и тут вполне неплохо.

– А я не об уровне комфорта сейчас говорю.

– Понимаю, – сказал Бивис, переворачиваясь на левый бок. – Высокие идеи, поиски смысла, предназначения и все такое... Смысла нет, Алекс. Предназначения тоже нет. Каждый барахтается, как может.

– В таком случае я предпочел бы барахтаться в каком-то другом месте, – сказал я.

– Ну и дурак, – повторил Бивис. – Знаешь, чем хорошо барахтаться именно здесь? Возможность утонуть здесь куда меньше, чем в любом другом месте исследованного космоса.

– Еще скажи, что ты откажешься от наследства и предпочтешь торчать тут до пятидесяти лет.

– Не откажусь. Но я стану владельцем космического корабля, я буду свободен и никому ничего не должен. А продав корабль, я смогу поселиться почти на любой планете и наслаждаться всеми радостями жизни. Ты же собираешься в места, где радостей жизни никаких нет, зато есть реальная возможность отправиться на тот свет куда раньше, чем в пятьдесят. Я вижу между нашими с тобой перспективами принципиальную разницу, знаешь ли.

– Ты на моем месте остался бы здесь?

– Конечно. Перспектива прожить еще несколько десятилетий в безопасности, не взваливая на свои плечи никакой ответственности, ничем не рискуя... Да если вдуматься, то Вселенная неудачников – это просто рай.

– Рай для растений, – сказал я.

В своем последнем заявлении Бивис ушел очень далеко от прежней риторики, в которой живописал все ужасы нахождения здесь.

– О, похоже, на призывном пункте на тебя вылили целый поток пропаганды, – сказал Бивис. – Я как-то ходил туда от нечего делать. Социки – это недолюди и все такое, да?

– Типа того. – Значит, в своих догадках относительно речи сержанта я оказался не так уж далек от истины. – Но разве это неправда?

– Правда в том, что Вселенная бесконечна, галактика – просто очень велика, а жизнь отдельно взятого человека – довольно короткий отрезок

времени, набитый социальным неравенством и прочей несправедливостью, – сказал Бивис.

– Это сейчас к чему?

– К тому, что все познается в сравнении, – сказал Бивис. – Здешние условия покажутся тебе раем после недели в учебном лагере, и ты сто раз пожалеешь, что покинул сии безопасные стены, променяв их непонятно на что.

– На перспективы, – сказал я.

Бивис презрительно хмыкнул, потом вдруг сел на своем лежбище и одарил меня внимательным взглядом.

– Ты уже подписал контракт, да?

– Да. А чего время терять?

– И когда отбываешь?

– Через неделю.

– Понятно, – сказал Бивис. – Но сейчас ты уже не уверен, что поступил правильно, поэтому пытаешься проговорить ситуацию вслух. Ты ведь не меня сейчас пытаешься убедить, не так ли? Ты все это говоришь только себе.

– Может быть, – признал я.

– Тогда увольь меня от этого разговора. – Бивис снова лег и повернулся лицом к стене, явно давая понять, что аудиенция закончена.

И в этот момент я понял, что был прав.

Из этого «райского» местечка надо валить, и валить как можно раньше. Потому что если я задержусь здесь на пару лет, то стану таким же, как Бивис.

Циничным, скучающим и очень разговорчивым растением, разбирающимся в политической ситуации лучше профессиональных аналитиков, способным рассуждать на любые темы и читать лекции новичкам, но не желающим ничего делать. Ибо жизнь без ответственности – это такая штука, к которой очень легко привыкнуть.

Жизнь, в которой ты не отвечаешь даже за самого себя... Растение и есть. Посадили в горшок, пусть не очень комфортный, но к этому можно привыкнуть, поливают, подкармливают почву... А тебе и делать-то ничего не надо. Да и нечего тут делать.

Можно вволю философствовать, рассуждать об отсутствии в жизни смысла и предназначения, оправдывая тем самым свое сегодняшнее положение. Наверное, к пятидесяти годам социку становится окончательно наплевать на все, и смерть он воспринимает как освобождение.

И ведь миллионы людей так живут. Может ли существовать

оправдание лучше этого?

Чем дольше я думал об этом, тем больше убеждался в правильности принятого решения.

Оставалось только надеяться на то, что фальшивый чип личности, подсунутый мне полковником Визерсом, выдержит очередную проверку, которая, по словам сержанта Майерса, должна состояться перед посадкой на корабль, и я попаду в ряды вооруженных сил Альянса, а не в лапы сотрудникам СБА.

Впрочем, Вселенную неудачников я покину при любом раскладе.

Часть четвертая
НОВАЯ КОЛУМБИЯ
НАСТОЯЩЕЕ СУМБУРНОЕ

ГЛАВА 1

Новая Колумбия, куда я получил первое назначение, после того как прошел «курс молодого бойца» в учебном лагере пехоты, была одним из не присоединившихся к Демократическому Альянсу миров.

О чем ее население уже десять раз пожалело.

Планета находилась на границе сфер влияния человечества и Гегемонии Скаари, и в связи с ухудшающейся в галактике политической обстановкой сей факт ей мог выйти боком. Потому что без вступления в Альянс планета не могла рассчитывать на защиту его военно-космических сил, и в случае нападения колумбийцам придется разбираться со скаари в одиночку.

А на это у них не было никаких шансов.

С точки зрения обывательской логики, решение этой проблемы было предельно простым – Новой Колумбии всего-навсего следовало вступить в Альянс и спрятаться от скаари за могучей спиной ВКС. Но тут обывательская логика заканчивалась, и начиналась большая политика.

Несмотря на то что подавляющая часть населения высказывалась за скорейшую интеграцию с Альянсом, правительство планеты затянуло переговорный процесс на десятки лет, чему бюрократия самого Альянса не больно-то и препятствовала. Президент Новой Колумбии пытался выбить для планеты особый статус, Альянс выкатывал какие-то встречные требования, в суть которых мне, простому пехотинцу, совершенно не хотелось вникать, и Новая Колумбия по-прежнему оставалась независимым миром.

Независимый – это тот, от которого ничего не зависит, мрачно шутили жители планеты и копили деньги для перелета в какое-нибудь более безопасное место.

В общем, когда я в составе роты новобранцев прибыл на планету для усиления охраны посольства Альянса, обстановка на Новой Колумбии сложилась крайне беспокойная. И тот факт, что поблизости от звездной системы периодически объявлялись корабли Гегемонии, только подливал масла в огонь.

Не могу сказать, что полгода в учебном лагере на планете Тайрон пролетели для меня как один миг, но за это время не произошло ничего особенного, ничего такого, о чем хотелось бы вспомнить отдельно.

Сам Тайрон был похож на планету Татуин из «Звездных войн», ту самую пустыню, где прошли детство и юность Люка Скайуокера. Песок, палящее солнце, барханы, песчаные бури, и где-то посреди всего этого великолепия находился наш тренировочный лагерь.

Там-то я и выяснил, что армия пятого тысячелетия – это практически предел мечтаний для любителя компьютерных игр из тысячелетия третьего. Не всех компьютерных игр, конечно. А только «first person shooter». ^[5]

Потому что большую часть обучения занимала именно стрелковая подготовка.

Физическая подготовка находилась на втором плане и ограничивалась кроссами по пересеченной местности и занятиями в зале силовых тренажеров.

В принципе это было логично, если учесть, к какой войне нас готовили.

Оба потенциальных противника – и кленнонцы, и скаари – настолько превосходили людей по своим физическим параметрам, что все известные методики рукопашного боя оказывались бесполезными. Чужие были быстрее и сильнее человека и обладали куда более прочным строением организма, так что нанести им летальную рану голыми руками, без использования какого-либо оружия, было невозможно.

Нам как-то показывали ролик, записанный во время одной из локальных стычек со скаари, в котором один штурмовик Чужих легко и непринужденно расправлялся с целым взводом пехоты.

Если скаари подобрался к тебе ближе чем на три метра, а у тебя в руках нет готового к стрельбе оружия, ты уже труп, говорил сержант Беккет, наш инструктор по огневой подготовке. Если же скаари находится от тебя метрах в пятнадцати, то, возможно, ты еще успеешь выхватить плазмомет. Но то, что ты успеешь из этого плазмомета выстрелить, это уже не факт.

– Скаари быстрее, сильнее и живучее вас, – говорил Беккет. – Тяжелая броня немного уравнивает шансы, но использовать ее можно не всегда и не везде. Я бы на вашем месте на это не полагался. Когда вы столкнетесь со скаари, единственное, что будет отделять вас от смерти, это ваше оружие. Чтобы выжить, нужно убить первым. А чтобы убить первым, надо выстрелить первым. Поэтому надо быть готовым открыть огонь в любой момент, в любую минуту.

Пехота Альянса оснащалась так называемым интеллектуальным оружием, причем считалось, что у наших противников такого оружия нет.

Конечно, спусковые крючки не нажимались одной лишь силой мысли,

а стволы не гнулись в различных направлениях, обеспечивая успешную стрельбу из-за угла, но имеющаяся действительность отличалась от вышеизложенного не слишком принципиально. И поражала не только мое вышедшее из дремучего прошлого воображение.

В комплект оборудования каждого пехотинца входили визоры – контактные линзы постоянного ношения, соединенные с образцами оружия чем-то вроде blue tooth пятого тысячелетия. К визорам быстро привыкаешь и перестаешь замечать их в обычной жизни, замены они требуют не чаще чем раз в месяц.

Но когда ты берешь в руки оружие и переводишь его в боевой режим, на визоры начинает подаваться самая разнообразная информация, зависящая от модификации каждой конкретной пушки. А перед глазами возникает визуальный прицел, как две капли воды похожий на тот, что в третьем тысячелетии использовался в компьютерных играх и до боли знаком каждому уважающему себя геймеру. В том числе и тем, что форму прицельного маркера ты также мог выбирать по своему вкусу.

Помимо прицела на визоры сообщались и другие данные: расстояние до цели, площадь поражения, боковой ветер (если его значение было критично для использования данного вида оружия), а еще визоры имели инфракрасный режим и режим ночного видения, что живо мне напомнило самые продвинутые игры начала двадцать первого века. Так что для того, чтобы кого-нибудь грохнуть, мне нужно было сделать всего три вещи, каковым нас в основном и обучали. Во-первых, выбрать и вытащить из кобуры либо отстегнуть от крепежного ложемент боевой брони и взять в руку один из четырех видов оружия, входящих в носимый комплект пехотинца. Во-вторых, ткнуть стволом, разгонной рельсой или фокусирующим кристаллом (в зависимости от того, что ты держишь в руке) куда-то «в сторону» цели, одновременно движением головы наведя прицельный маркер визора на саму цель. И, в-третьих, привести оружие в действие, что чаще всего означало нажать на все тот же старый добрый спусковой крючок. И все.

Нет, в этом процессе были еще кое-какие свои заморочки, скажем, штатный комплект из целых четырех видов оружия подразумевал, что возможные цели и условия их поражения будут различаться по дальности, степени защищенности, условиям ведения огня и еще полутора десяткам параметров, но на практике это не сильно отличалось от тех же FPS, ну может, с элементами RPG. А поскольку мне доводилось играть и в третий «Doom», и в «Unreal», и в «Crysis», то, как только привык к реальному весу оружия в руке, никаких проблем и с быстрым выбором оружия, и с

наведением, и со стрельбой я не испытывал.

Остальные же новобранцы были лишены курса предвоенной подготовки при помощи компьютерных игр, и потому внезапно оказалось, что стреляю я тут лучше всех. И даже матерый сержант Беккет одобрительно хмыкал, когда я в очередной раз покидал огневой рубеж.

На теоретических занятиях, которым отводилось всего несколько часов в неделю, нам показывали ролики реальных боевых столкновений со скаари или кленнонцами и проводили разбор этих ситуаций. Все остальное время мы носились по окрестностям базы с оружием и отрабатывали тактические навыки путем практических занятий.

Ну, и про смертность на призывном пункте нам так не наврали. Поскольку большая часть занятий проходила с использованием боевого оружия, имело место несколько несчастных случаев с фатальным исходом. Три человека попали под выстрел из автоматической системы плазменного огня, один получил импульс лазерной винтовки прямо в голову, а моего соседа по казарме задело по касательной выстрелом из нейродеструктора, результатом которого стал полный паралич правой половины тела. Но это ему еще повезло. Попали бы в голову, он бы остался растением на всю жизнь.

Зато в учебном лагере мне здорово пригодились тренировки, которые так отравляли жизнь в лабораториях СБА.

Как оказалось, я нахожусь в превосходном физическом состоянии, чем выгодно отличаюсь от девяноста девяти процентов всех прочих новобранцев. Если прибавить к этому мои стрелковые навыки старого геймера, то нет ничего удивительного в том, что уже через две недели мне присвоили звание капрала, а командир нашей роты лейтенант Мердок пророчил мне шикарное продолжение военной карьеры.

Жизнь в учебном лагере была проста, и ее можно было бы назвать скучной, если бы к вечеру, после всех тренировок, у кого-нибудь еще оставались силы скучать. Первые несколько недель меня несколько напрягали мысли о вездесущих агентах СБА, которые так могли до меня добраться, но то ли агенты оказались не такими вездесущими, то ли у них была куча других, более интересных дел типа поимки полковника Визерса и всего Слияния, так как за мной никто не пришел.

И чем глубже я погружался в армейский быт, тем реже я вспоминал и о СБА, и о Слиянии, и о своей чертовой уникальности, из-за которой все и началось.

Ты теперь в армии, сынок.

Много думать тут просто вредно.

Вообще-то согласно внутренним правилам мобильной пехоты Альянса первое место службы новобранца не должно было находиться за границами Альянса, тем более на территории потенциального конфликта, которой считалась Новая Колумбия. Тут уж просто мне повезло. Причем слово «везение» в данном случае я использую без всякой иронии.

Самый крупномасштабный несчастный случай произошел за две недели перед нашим выпуском из учебного лагеря. Отделение, которым я командовал, в составе третьей учебной роты отрабатывало штурм хорошо укрепленных позиций противника.

Мы засели в траншее и ждали приказа идти в атаку.

На холме было сооружено что-то вроде дота, оснащенного автоматическими системами огня, которые прошивали пространство над нашими головами импульсами скорострельного лазерного оружия. Поскольку офицеры не собирались угробить весь выпуск своего лагеря в полном составе, нам сообщили, что ниже полутора метров от поверхности земли прицелы оружия не опустятся и если все будут бежать пригнувшись, то ничего страшного не произойдет. Дескать, это мы даже не боевой маневр отрабатываем, а проходим чисто психологическое испытание. Нас научат не растеряться под настоящим огнем и все такое. Что-то похожее на «обкатку танками» в армии моего времени, которую, впрочем, я представлял чисто теоретически.

Мы и не растерялись.

Как только зеленая ракета взлетела в небо, одетые в легкую броню пехотинцы повыскакивали из траншеи, как чертики из табакерки, и ринулись вперед с дикими воплями.

Впрочем, никто не забывал пригнуться.

На данном этапе от нас требовалось не так уж много – надо было пробежать сто метров по пересеченной местности до следующей траншеи и дожидаться следующей команды.

Было реально страшно. Импульсы боевого лазера прошивали воздух над нашими головами, люди орали, подбадривая друг друга, и бежали, пригибая головы и не сводя глаз с огневой точки.

Наверное, со стороны это было довольно идиотское зрелище. Именно так в атаку ходили наши деды, и, когда я говорю «наши», я имею в виду людей моего времени и их дедов, которые воевали в Великую Отечественную войну. А прадеды – в Гражданскую.

Не ожидал я, что и в пятом тысячелетии война будет вестись точно такими же методами.

Пустыня, летящий в лицо песок и солдаты, бегущие в атаку. Для полного сюрреализма не хватало только прикрученных к нашим импульсным винтовкам штыков и криков «За Родину! За Сталина!».

До спасительной траншеи оставалось пробежать меньше половины расстояния, около сорока метров, когда меня посетило ощущение неправильности.

Мне сложно сформулировать точнее, ибо никогда раньше я не испытывал такого состояния. Неправильной казалась не та ситуация, в которую я попал, не эта дурацкая «психическая» атака, а...

Мое собственное положение в пространстве.

Подсознание ли это было, интуиция ли, внутренний ли голос, я не знаю. Но словно кто-то забрался внутрь моей головы и вопил, что занимать вертикальное положение мне никак нельзя. Что это неправильно. Что это смертельно опасно.

Ноги подкосились сами, не дожидаясь сознательной команды мозга. Уже падая, я выставил руки перед собой, чтобы смягчить удар.

И как только я оказался на песке, ощущение неправильности исчезло. Теперь все было так, как надо.

Опасность исчезла.

– Ложись! – заорал я своему отделению, но мало кто услышал меня сквозь канонаду учебного боя.

А спустя две секунды системы наведения скорострельной импульсной установки «Смерч» дали сбой, и веер импульсов, до этого бивший над головами бегущих солдат, ударил прямо в людей.

Учения закончились спустя несколько минут, оружие было заглушено и опечатано до прибытия экспертов, а всех уцелевших срочно отправили обратно в казармы. Как выяснилось позже, во время этого учебного штурма погибли семьдесят четыре человека. Легкая броня не защищает от импульса «Смерча». Из моего отделения не выжил никто.

Хреновый из меня получился командир.

Человек – исключительно странное животное.

До своего путешествия в Белиз я никогда не сталкивался с насильственной смертью. Я даже мертвых людей видел только по телевизору, и никогда – в реальной жизни. И сам я почитал себя если не пацифистом, то человеком, разделяющим либеральные ценности. Человеческая жизнь превыше всего и прочее в том же духе. Я даже представить себе не мог, как буду реагировать, когда вокруг меня начнут гибнуть люди.

Но после джунглей Белиза и ночной стрельбы Холдена, после месяцев, проведенных в лабораториях СБА, после побега из этих самых лабораторий и визита во Вселенную неудачников я стал относиться к жизни и смерти куда спокойнее. Возможно, я просто очерствел, возможно, стал смотреть на вещи более философски.

Моя жизнь по-прежнему представляла для меня ценность. И жизни других людей тоже. Но когда рядом случается трагедия, с этим остается только смириться.

Сделать все возможное, чтобы это предотвратить, и принять то, что ты предотвратить не в состоянии.

Банальная мысль, но ее понимание стоило довольно дорого, если измерять цену в человеческих жизнях.

Люди погибли. В том числе погибли люди, которыми я номинально командовал, нес за них ответственность. Мог ли я предположить, что оружие даст сбой? Не мог.

Я выжил только потому, что заранее почувствовал неладное. Я отдал команду «Ложись». Возможно, я опоздал с этой командой на пару секунд. Возможно, ее услышали только те, кто были рядом, и не успели среагировать. Я не виноват в том, что системы связи для сегодняшних учений нам не выдали.

В тот день нас не пустили в столовую, принесли ужин прямо в казарму. В помещении, предназначенном для сорока человек, больше половины коек оставались пустыми.

А вечером меня вызвал к себе капитан Хаксли, местный контрразведчик.

– Как так получилось, что все ваше отделение погибло, а вы остались живы? – Это была первая фраза, которую я от него услышал. Он даже не предложил мне присесть.

– Полагаю, это произошло потому, что система управления огнем дала сбой и «Смерч» начал стрелять по людям, сэр.

– Я не спрашиваю, почему погибли люди, капрал. Я спрашиваю, почему выжили вы сами.

– Вы вменяете мне это в вину, сэр?

– Пока еще нет, капрал. Я просто хочу понять, что произошло.

– Я тоже хотел бы это понять, сэр, – честно сказал я.

– Я видел записи с камер слежения, – сказал капитан. – Вы бросились на землю за полторы секунды до инцидента, что и спасло вам жизнь. Почему?

Полторы секунды? Мне казалось, что все это заняло куда больше

времени.

– Я споткнулся, сэр, – сказал я, пытаюсь сообразить, с какой точки велось наблюдение и что именно видел контрразведчик.

Надеюсь, камеры не зафиксировали отданной мною команды, и мое спасение можно списать на случайность. Почему-то мне совсем не хотелось откровенничать о своих ощущениях, предшествующих «инциденту».

Вдруг контрразведчик проявит повышенный интерес к моему предчувствию?

Я не желал знать, чем лаборатории военной контрразведки отличаются от лабораторий СБА и отличаются ли они хоть чем-то. Если это профилактическая беседа, то лучше быть скрытным и отрицать все до последней возможности. Если же капитан что-то задумал, я вряд ли смогу на это повлиять.

– Камеры показали, что вы что-то кричали во время падения, капрал. Что это было?

– Я выругался, сэр.

Контрразведчик сделал какую-то пометку в своем ноутбуке, закрыл экран, и черты его лица, до этого предельно хмурые, немного разгладились.

– Присаживайтесь, капрал, – сказал он, словно только что вспомнил о наличии стула и существовании этикета. Хотя какой, к дьяволу, в армии этикет? – Как вы понимаете, случай из ряда вон выходящий. У нас постоянно случаются потери во время учений, но чтобы столько сразу... Наше ведомство должно во всем разобраться, оттого и возникают эти неприятные вопросы.

– Я понимаю, сэр.

– Погибли люди, – сказал капитан Хаксли. – Много людей. Ты выжил, находясь в самом эпицентре событий. Кто-то непременно этим заинтересуется, будет задавать вопросы. А по должности мне положено все узнавать первым.

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, сэр.

– Учебный лагерь – это закрытая территория, – сказал капитан. – Контакт с внешним миром тут нет, вокруг нас пустыня, и контактировать в ней просто не с кем. Но скоро вы получите новые назначения, будете сталкиваться с разными людьми, и не всегда во время службы.

Подобная перспектива меня радовала. Только я никак не мог понять, с какой стороны тут контрразведка и при чем тут сегодняшний «инцидент».

– Армия сейчас находится в сложном положении, – сказал капитан. – С одной стороны, все понимают, что армия сейчас нам нужна как никогда,

ибо война может начаться в ближайшее время и кому-то надо будет защищать человечество. С другой стороны, и ты сам это прекрасно знаешь, служить в армии никто особо не стремится, предпочитая, чтобы человечество защищал кто-то другой. Основной приток новобранцев идет из числа социков, человека с планеты в армию заманить становится все труднее и труднее. На этом фоне нам совсем не нужен скандал, связанный с гибелью нескольких десятков новобранцев.

Я кивнул. Теперь все вставало на свои места. Про армию и так ходила недобрая молва, но если вдруг выяснится, что люди десятками гибнут на простых учениях, это нанесет сильный удар по и без того подмоченной армейской репутации.

– Нам не удастся утаить случившееся от журналистов, – продолжал капитан. – И я не знаю, какова будет официальная версия трагедии, но я хочу, чтобы вы, капрал, держали язык за зубами. Конечно, я мог бы потребовать от вас подписки о неразглашении, но какой в этом смысл? Увольнение в город, вечер в баре, журналист, угощающий выпивкой... Разве в такие моменты люди помнят о документах, которые они подписывали?

– Я не собираюсь трепать языком, сэр.

– Очень на это надеюсь, – сказал капитан Хаксли. – Потому что в противном случае вам суждено будет встретиться со мной или с кем-то из моих коллег, и разговор, который состоится в таком случае, будет гораздо серьезнее этого. Урановые рудники в поясе астероидов тоже нуждаются в охране и все такое... Вы понимаете меня, капрал?

– Да, сэр.

– Чудесно, – сказал капитан.

Не знаю точно, то ли мое обещание держать язык за зубами показалось контрразведчику недостаточным, то ли меня просто решили убрать от греха подальше, но свое первое назначение я получил на Новую Колумбию, планету, не входящую в Альянс и находящуюся довольно далеко от его границ. Наверное, потенциальный ущерб, который я мог нанести армии своей болтовней в этом месте, посчитали минимальным.

А через три недели после моего прибытия на планету там началась война.

ГЛАВА 2

Эвакуация проходила в спешном порядке.

Наш взвод, временно откомандированный для поддержки местных сил самообороны, стоял в оцеплении космопорта. Впрочем, после того как местные вояки открыли по толпе беженцев огонь из парализаторов, оцепление прорвать уже никто не пытался, и наша функция сводилась к чисто декоративной. Любой житель Новой Колумбии мог посмотреть на бравых солдат Альянса, потеющих в легкой броне и полной боевой выкладке, и убедиться, что Демократический Альянс не бросил их планету на произвол судьбы.

Засевшие на заборе папарацци снимали нас и толпу беженцев во всех ракурсах. Им-то повезло, они уже были по нашу сторону оцепления и рассчитывали убраться с планеты в ближайшие часы. Вместе со всеми отснятыми материалами, которые, вне всякого сомнения, с руками оторвут официальные агентства новостей Альянса.

Пропагандисты Альянса придумают, как использовать эти кадры.

Даже при том условии, что защищать Новую Колумбию Альянс вовсе не собирается. Три роты пехотинцев, приданные для охраны посольства Альянса, вряд ли смогут остановить боевые корабли, которые прямо сейчас входят в локальное пространство планеты.

Президент Рамирес слишком долго тянул с вступлением его планеты в Альянс, и на орбите Новой Колумбии нет ни одного нашего боевого корабля.

Точнее, один корабль Альянса там все-таки есть – крейсер «Стремительный», на котором мы все должны убраться отсюда до начала боевых действий.

Посол и его семья уже отправились на борт, сейчас орбитальный шаттл перевозил менее значимых сотрудников посольства, а потом дело дойдет и до нас.

Пехота уходит последней.

Даже когда не участвует в боевых действиях.

В шлеме и легком бронежилете было жарко, я чувствовал, как струи пота стекают по спине, плазмомет уже начал оттягивать плечо. А еще мне очень хотелось, чтобы мы успели эвакуироваться до начала звездных войн.

Несмотря на полгода интенсивной боевой подготовки и происки сволочных инструкторов, я не ощущал в себе ни малейшего желания

вступать в огневой контакт со штурмовиками скаари.

Командир нашего взвода сержант Дюк прижал палец к наушнику, выслушал новые вводные и чертыхнулся.

– Джек, Алекс, Бо, со мной. Остальные остаются на позициях.

– Проблемы? – поинтересовался Джек.

– Надеюсь, что нет.

Временный штаб пехоты был развернут прямо в зале ожидания космопорта. Конечно, штаб – это громко сказано. Два ноутбука, передатчик дальней связи и трое офицеров, отделенные от любопытных взглядов легкой пластмассовой ширмой.

Командир гарнизона пехоты Альянса на Новой Колумбии капитан Стайнер координировал действия вверенного ему личного состава во время эвакуации с планеты. Но поскольку речь шла всего о трех ротах, которые в настоящее время занимались в основном тем, что усиленно потели, координировать было особенно нечего.

Народу в зале ожидания было много, гораздо больше расчетного количества, с учетом которого проектировали здания, так что кондиционеры не справлялись с духотой.

Офицерам тоже было жарко, хотя броню они могли не надевать. Пилоту ВКС Альянса с нашивками лейтенанта тоже было жарко, и он постоянно вытирал пот носовым платком. Оставалось только понять, какого черта этот пилот мог делать в компании пехотных офицеров.

– Обойдемся без церемоний, – буркнул капитан Стайнер, пресекая нашу попытку поприветствовать начальство по всем правилам. – Сержант, похоже, у нас возникли непредвиденные осложнения.

– Что стряслось? – Дюк служил вместе с капитаном очень давно, поэтому мог позволить себе такую фамильярность.

– Мы получаем информацию с орбиты, – сказал капитан Стайнер. – Уже можно с уверенностью заявить, что вторжение осуществляет клан Прадеша. Сорок три боевых корабля, из них половина десантных транспортов и три монитора, которые способны подавить орбитальные силы обороны в считанные минуты. Боевое столкновение может произойти уже через восемь часов.

Пилот скорчил недовольную гримасу.

– Это предварительные оценки, – буркнул он. – Не удивлюсь, если они свалятся нам на голову уже часа через три.

– Я не специалист по боям в космосе, – сказал Стайнер. – Командир «Стремительного» сообщил, что речь идет о восьми часах, и он покинет стационарную орбиту уже через семь. Так что нам придется планировать

наши действия, исходя из этого времени.

– Посол уже на борту. – Пилота явно что-то беспокоило, и я подумал, что это неспроста. Похоже, Леха вот-вот вляпается в очередное дерьмо, и мысль, что на этот раз у меня будет большая компания, меня совершенно не радовала. – Так что «Стремительный» может свалить отсюда, как только запахнет жареным. То есть в любой момент.

– Сэм, не начинай снова, – попросил Стайнер. – У нас есть приказ, от выполнения которого увернуться мы не можем. Твои реплики только отнимают у нас время. Сержант Дюк, нам только что сообщили, что на планете находится сын правителя Левантийского Калифата Мухаммеда ад-Дина. Поскольку Калифат является важным стратегическим союзником Альянса, у нас есть приказ обеспечить безопасность наследника и доставить наследника на борт «Стремительного».

– Он в городе, сэр?

– Если бы он был в городе, мы отправили бы его на борт вместе с послом, – сказал Стайнер и развернул один из ноутбуков так, чтобы мы могли видеть карту континента на дисплее. – Три дня назад он отправился на охоту в сопровождении своего телохранителя. На связь они не выходят, и мы не знаем, что там творится. Может быть, просто увлеклись охотой, может быть, произошел несчастный случай или оборудование вышло из строя. Собственно, что вы и должны выяснить. И доставить наследника сюда, разумеется. Они разбили лагерь вот здесь. – Палец капитана ткнул в экран, оставив на нем жирное пятно.

– Это два с половиной часа лета, – констатировал Дюк.

– Два с половиной часа туда, два с половиной обратно, итого – пять часов, – констатировал Стайнер. – «Стремительный» будет ждать вас семь часов. Так что времени должно хватить. Сержант, ваша цель – доставить наследника сюда.

– А как мы попадем на борт «Стремительного», сэр? За нами пришлют шаттл?

– Сэм... Лейтенант ВКС Торичелли будет ждать вас в ангаре 19-А, – сказал Стайнер. – Там находится малый орбитальный катер, который доставит вас на борт.

Теперь мне стало понятно, чем так недоволен лейтенант Сэм Торичелли. В то время как единственный корабль, способный увезти наши задницы из ставшей опасной системы, будет находиться на орбите, готовый свалить при первом же появлении кораблей скаари, сам лейтенант вынужден торчать на планете и ждать, пока пехота притащит из джунглей богатенького дипломата, который отправился на охоту в самый

неподходящий момент.

– Дюк, я понимаю, что сейчас это все крайне не вовремя, – тон у офицера был почти извиняющийся, – но задание в общем-то плевое. Думаю, что троих человек вам для этого вполне хватит, так что можете приступать. Удачи, сержант. Увидимся на борту «Стремительного».

Дюк лихо козырнул капитану.

Существовали специальные формулы, по которым можно было рассчитать количество сосредоточенных на орбите боевых станций и кораблей, необходимых для более-менее успешной обороны планеты. Сии формулы содержали огромное количество переменных, начиная с типа планеты и заканчивая технико-тактическими характеристиками боевой техники, исходя из которых можно классифицировать планету по степени защищенности.

Нам, пехотинцам и пушечному мясу, эти формулы были известны только понаслышке, однако и самому тупому идиоту было понятно, что Новая Колумбия недотягивает даже до первого уровня защищенности.

Ибо в идеале защита должна быть сферической, с защищаемой планетой в центре этой сферы, для чего количество расположенной на орбите боевой техники должно быть как минимум трехзначным. Новая Колумбия могла похвастаться лишь несколькими десятками автоматических боевых станций и парой кораблей, давно списанных военно-космическими силами Альянса, при помощи которых сферическую оборону образовать было никоим образом нельзя. Насколько нам было известно, сейчас вся эта техника сосредоточилась в одной зоне, прикрывая столицу и космопорт, чтобы обеспечить эвакуацию дипломатов, торговцев и немногочисленных счастливицев, которые умудряются попасть в число вынужденных переселенцев. И также было понятно, что при ударе из космоса это подобие зонтика является чистой воды декорацией, не способной предотвратить реальную угрозу вторжения.

А монитор скаари – это даже не космический корабль, это летающая крепость, ближайшим аналогом которой является Звезда Смерти из «Звездных войн». По сравнению с другими кораблями монитор дико неповоротливая штукавина, зато он несет на себе максимум вооружения, а когда такая хреновина вывешивается на орбите какой-то планеты, ее можно рассмотреть при помощи театрального бинокля.

Если осталось кому рассматривать.

Один монитор способен выбить местные силы обороны за несколько минут. А таких штуковин у клана Прадеша целых три.

– Бо, найди флаер и убедись, что он полностью заправлен. – Дюк начал отдавать распоряжения, как только мы вышли из-за штабной ширмы. – Джек, позаботься о том, чтобы у всех был полный боекомплект, и захвати дополнительные сухпайки и запасы воды.

– Не слишком ли круто на пять часов работы, сержант?

– Запас карман не тянет, – отрезал Дюк. – Выполняйте, рядовой.

– Уже ушел. – Несмотря на вольную формулировку, Джек не пошел, а побежал выполнять распоряжение сержанта. – Что скажешь, капрал?

– Вряд ли мы уложимся в расчетные пять часов, – сказал я. – Сейчас полдень, и я не думаю, что отправившиеся на охоту ребята будут безвылазно сидеть в лагере. Возможно, нам придется их искать.

– В том и дело. Мы как-то проводили учения в том районе, еще до твоего прибытия на планету, – сказал Дюк. – Там сплошные джунгли. Обнаружить двух человек с флаера, даже при бреющем полете...

– Я думаю, капитан Стайнер это понимает.

– Только от Стайнера тут мало что зависит. Он никак не сможет задержать отбытие крейсера, если скаари появятся в локальном пространстве планеты раньше, чем мы привезем этого наследника.

– Это значит...

– Это значит, что у нас могут возникнуть большие проблемы. – Дюк сплюнул на гладкий пол зала ожидания. – Какой черт понес этого аристократа на охоту?

В устах Дюка слово «аристократ» звучало как ругательство, каковым оно на территории Альянса, собственно, и являлось. Даже несмотря на то что сами граждане Альянса отнюдь не были равны между собой.

– А что еще делать аристократам? – спросил я.

Не знаю, насколько корректно делать выводы о пехоте Альянса на основании наблюдений за размещенным на Новой Колумбии гарнизоном, но местный армейский уклад был похож скорее на американский, чем на российский. Я не имею в виду качество еды (а оно было значительно лучше, чем во Вселенной неудачников или в учебном лагере на Тайроне), или размещенные на территории гарнизона кинотеатры и кафе, хотя и они тоже были.

Пехота Альянса держалась на сержантах. Офицеры только ставили задачи, которые решали рядовые под чутким руководством сержантов. Офицеры говорили, что надо сделать, а сержанты решали, кто и как будет это делать.

Сержант Дюк был моим непосредственным начальником.

Среднего роста, крепко сбитый, с обветренным лицом и армейским ежиком седых волос, он был самым типичным сержантом, которого я только мог представить.

Именно ему я доложил о своем прибытии на планету. Дело происходило в его «кабинете» – небольшой комнатке, примыкающей к спальному помещению моей новой роты.

– Поговорим начистоту, – сказал он, просканировав мой чип личности и введя данные в свой КПК. – Ты – мой подчиненный, и я должен знать, что ты за человек.

– Обычный человек, – сказал я.

– Обычные люди не получают такие назначения сразу после учебного лагеря, – сказал сержант. – У нас тут небольшой гарнизон, все знают друг о друге всё, что только стоит знать. Я могу прямо сейчас пойти к контрразведчику и запросить твое личное дело. Но я предпочитаю, чтобы ты сам мне все рассказал.

Я подумал, что темнить с этим человеком смысла нет – в его власти было устроить мне веселую жизнь на все время службы под его началом, и я рассказал ему историю со «Смерчем», придерживаясь той же версии, какую поведал капитану Хаксли.

– Споткнулся, значит, – сказал сержант. – Это ты удачно споткнулся.

– Я тоже так думаю, – согласился я.

– Не сомневаюсь, что именно эту версию ты преподнес офицерам, – сказал Дюк. – Они уже забыли, что такое бегать в поле под огнем, и готовы поверить всему, чему угодно. Особенно если им это выгодно. Но не хочешь ли ты, чтобы я, боевой сержант мобильной пехоты ВКС Франсуа Дюк, поверил в то, что солдат, причем не просто солдат, а капрал, прошедший полный курс подготовки, может споткнуться при беге трусцой? Да еще за полторы секунды до того, как все его отделение получило свое?

«Получить свое» – это, видимо, такой эвфемизм вместо слова «умереть», подумал я и чуть-чуть ошибся. Получил свое – так говорили только про тех, кто погиб в бою. Пусть даже и в учебном.

На несчастные случаи и самоубийства этот термин не распространялся.

– А какую версию вы хотите услышать, сержант? – поинтересовался я.

– Правдивую.

– А если я расскажу вам, что у меня было предчувствие, вы сразу сдадите меня в сумасшедший дом или сначала попытаетесь лечить своими средствами?

– А у тебя было предчувствие? – спросил он.

– Типа того. Просто в какой-то момент я понял, что занимать вертикальное положение – это неправильно. И исправил ситуацию.

– А как же твоё отделение?

– Я отдал команду «Ложись!», – сказал я. – Но коммуникаторами нас не снабдили.

– Идиоты, – констатировал Дюк. – Когда работают «Смерчи», человек и самого-то себя не всегда расслышит.

– Вы что, мне верите? – удивился я.

– На данный момент у меня есть два варианта, – сказал сержант. – Я бывал в настоящих переделках, и мне доводилось слышать об интуиции, предчувствии опасности, которое не раз выручало кого-то из ребят. И я не сомневаюсь, что если пойду к контрразведчику, то прочитаю в твоём досье именно эту историю со «Смерчем». И вот что я тебе скажу. Либо у тебя действительно есть какое-то шестое чувство, либо ты не тот, за кого себя выдаешь.

Началось.

Полковник Визерс тоже как-то сказал мне, что не считает меня «настоящим человеком».

– Может быть, ты – какой-то инспектор, прибывший сюда для того, чтобы оценить ситуацию в войсках изнутри, – сказал сержант. – Легенда со «Смерчем» довольно глупая, конечно, зато она объясняет, почему ты не засветился в других воинских частях. Человек, который переводится из одной части в другую, обычно передает «привет» новому сержанту от старого, но офицерам об этом ничего не известно. Ты офицер?

– Нет, сержант. Я – капрал Стоун.

– Кем бы ты ни был, ты должен будешь держаться рядом со мной, и я глаз с тебя не спущу. Если ты на самом деле везунчик, который успевает реагировать на выстрелы до того, как кто-то начинает стрелять, то ты станешь моим талисманом. – Он ухмыльнулся. – А если нет, то я все равно буду контролировать каждый твой шаг, инспектор Стоун, или как тебя там.

– Капрал Стоун, – повторил я.

– Может быть, когда-нибудь я узнаю правду, – сказал Дюк. – А может быть, и нет.

Не могу сказать, к какой версии Дюк склонялся больше, но с тех пор он действительно старался обставить все так, чтобы я был неподалеку от него. А после того, как однажды вечером мы надрались в местном баре – на большей части планет Альянса спиртное вне закона, так что здесь пехота отрывалась по полной, – наши отношения стали чуть ли не приятельскими.

Временами Дюк даже забывал, что я его подчиненный, и относился ко мне как к равному. Естественно, я был совсем не против такого положения вещей, и мы с ним надирались местной текилой каждые выходные.

Жизнь, можно сказать, налаживалась.

Если бы на Новой Колумбии еще и табак выращивали, счастью моему вообще не было бы предела.

Асад ад-Дин, наследник Левантийского калифа, и Азим, его личный телохранитель, узнали бы о себе очень много нового, если бы слушали наш разговор во флаере, удаляющемся от космопорта в сторону их «охотничьих угодий».

За джойстиком управления флаера сидел Бо. Рядовой первого класса Борис Стогов. Это был первый человек, встреченный мною в будущем, который носил русское имя и фамилию, но на вид он ничем не отличался от остальных. Ассимиляция сделала свое дело и сгладила большинство национальных признаков.

На территории Альянса я встретил всего нескольких темнокожих людей, а людей с азиатской внешностью мне и вовсе не попадалось. То ли европейские гены оказались доминирующими, то ли большая часть азиатов погибла во время Третьей мировой войны. То ли Война Регресса ударила по азиатским странам особенно сильно.

Джек Терренс, четвертый в нашей группе, был самым молодым из нас, хотя и угодил в армию раньше меня. Все четверо были выходцами из социков, похоже, что больше черпать кадры пехоте было просто неоткуда.

Флаер шел на высоте сотни метров со скоростью около двухсот километров в час, руки Бо спокойно лежали на управляющих джойстиках, а снизу проплывали деревья. Интересно, если точно такие же джунгли можно найти и в двадцати километрах от столицы, за каким дьяволом этих охотников понесло чуть ли не на другой конец континента?

Дичь там какая-то особенная, что ли?

Сержант оторвался от созерцания экрана своего КПК и сунул устройство в специальный карман, предусмотренный на полевой форме.

– Плевая работенка, – сказал он. – Зато если у нас все получится, нам дадут по медали за спасение особо ценного лица.

– И за вклад в налаживание дипломатических отношений с Калифатом, – сказал я.

– У нас с ним и так неплохие отношения, – сказал Дюк. – Нам нужны металлы, которые они добывают на Дамаске, им нужны технологии и кое-что из оборудования для высокотехнологичных предприятий. Вот и все

дипломатические секреты.

Левантийский Калифат был самым крупным независимым образованием и, вне всякого сомнения, самым богатым. Его население было сосредоточено на двух планетах – Леванте, который являлся столицей системы, и Агробе. На Дамаске же находились в основном рудники, где добывались те самые ценные металлы, и персонал, который эти рудники обслуживал.

Калифат обладал довольно мощным военным флотом и по степени защищенности мог поспорить даже с Солнечной системой, что делало его не самой легкой мишенью для вторжения, и это особенно не нравилось руководству Альянса. Система, заселенная выходцами из мусульманских стран, ни под каким соусом не стремилась разделить демократические ценности и свободы Альянса, а за присоединение ее военным путем пришлось бы заплатить слишком дорогую цену.

Еще Альянс возмущался тем, что калиф Леванта видел стратегических партнеров не только в лице самого Альянса, но и поддерживал дипломатические отношения с Империей, а также не брезговал заключать разовые сделки со скаари, в связи с чем мне в голову пришла мысль, только ли спасением высокопоставленного дипломата мы сейчас занимаемся. Получив такую фигуру в заложники, Альянс наверняка сможет выбить у калифа какие-то уступки в обмен на безопасность его сына...

Не успел я додумать сию оптимистическую мысль до конца, как небеса над нами прочертили три огненные стрелы, оставляющие след из раскаленного воздуха.

– Упс, – сказал Дюк, бросив взгляд на коммуникатор с встроенным секундомером. – А нам обещали восемь часов.

– Это же...

– Орбитальная бомбардировка, – подтвердил Дюк. – Разверни флаер, посмотрим, что осталось от космопорта.

Бо заложил вираж, разворачивая машину на сто восемьдесят градусов, и мы смогли посмотреть в ту сторону, откуда прилетели.

Над джунглями пылало зарево пожаров, густой дым заволок половину горизонта.

– Хана космопорту, – констатировал Дюк.

Джек выругался. Виртуозно, трехэтажно и с чувством. В его речи было много слов из русского языка, которые особенно точно выражали наше общее состояние на данный момент.

Мы остались на планете, атакованной противником, и средства убиться с этой планеты для нас более не существовало.

– Разворачивай обратно, – сказал Дюк, и Бо совершил очередной маневр. – Как бы там ни было, у нас есть приказ – обеспечить безопасность дипломатического лица. Будем его выполнять с поправкой на обстоятельства.

– Нам конец, – сказал Джек.

– Еще нет, – возразил Дюк. – Мы живы, и у нас достаточно оружия и продовольствия...

– Достаточно для чего? Мы что, будем воевать с ящерицами вчетвером?

– Если придется, будем, – сказал Дюк. – Или ты можешь предложить другой вариант?

– Не могу.

– Тогда заткнись и не мешай мне думать.

И тут флаер тряхнуло, огненный шар плазмы промчался в двадцати метрах от нас и упал в джунгли, испепелив несколько десятков квадратных метров вечнозеленой растительности.

– Снижайся, быстро! – рявкнул Дюк. – Они видят нас как движущуюся военную цель и не остановятся, пока не раздолбают.

Перегрузки вжали нас в спинки кресел, флаер резко скользнул вниз и пошел на бреющем полете, задевая днищем верхушки деревьев.

– Слишком плотная растительность, – пожаловался Бо. – Я не вижу места, где можно сесть.

– Садись где хочешь!

Второй заряд плазмы прошел в десяти метрах справа, и нас обдало волной горячего воздуха. Похоже, скаари пристреливаются, и существует довольно большая вероятность, что третьим выстрелом они все-таки не промахнутся...

И тут на меня внезапно снова нахлынуло то странное чувство, которое помогло выжить на Тайроне.

– Тормози! – рявкнул я.

В моем времени говорили, что, когда хороший водитель слышит крик «Тормози!», раздающийся в салоне его автомобиля, он сначала обязательно тормозит, даже если сам не видит опасности, а уже потом разбирается с тем, кто крикнул. Или благодарит его, если тревога оказалась не ложной.

Другое же высказывание гласит, что хороший водитель отпускает педаль газа, вдавленную в пол, только в одном случае – когда его голова выбивает лобовое стекло.

На наше общее счастье, Бо оказался хорошим водителем из первой категории. Он резко сбросил ход, и огненный шар пролетел в нескольких

метрах перед нами.

Если бы Бо не притормозил, наши траектории неминуемо пересеклись бы.

Бо сбавил скорость до минимальной, плавно отодвинул джойстик от себя, и флаер нырнул в джунгли, лавируя между особо крупными стволами и ломая мелкие. В салоне нещадно трясло, и, даже несмотря на то что мы вцепились руками в подлокотники кресел, периодически в тело впивались ремни безопасности.

Впрочем, защита деревьев являлась чистой иллюзией, плазменные пушки скаари наводились на нас отнюдь не по результатам визуального наблюдения. Хорошо еще ящерицы не стали тратить на нас одну из ракет с интеллектуальным наведением, от нее флаер бы не ушел, несмотря на все искусство пилота.

Маневрируя в джунглях, Бо постепенно сбрасывал высоту, выбирая место для более-менее безопасной посадки. Внизу мелькнул небольшой ручеек, петляющий между деревьями, а за ним обнаружилась полянка...

Приземление было жестким.

Ремни отстегнулись мгновенно, мы похватали оружие и рюкзаки с припасами и бросились вон из салона.

По неподвижной мишени скаари не промазали. Плазменный заряд диаметром около метра обрушился на флаер, и машинка исчезла в пламени взрыва. К этому моменту мы успели отбежать всего на двадцать метров, и взрывная волна сбила нас с ног, а раскаленный воздух опалил лица.

ГЛАВА 3

Служба в армии делает жизнь значительно проще.

Очень редко военным приходится принимать самостоятельные решения, обычно всегда находится вышестоящий офицер, который сделает это за них, избавляя подчиненных от необходимости думать.

Сейчас офицеров поблизости не было, но зато был приказ, который следовало выполнять, и наша четверка не рассуждая двинула в направлении охотничьего лагеря левантийского дипломата.

Плывать, что, вполне вероятно, мы остались последними солдатами Альянса на этой планете и «Стремительный» уже либо покинул систему, либо уничтожен боевыми кораблями скаари, которые атаковали планету куда раньше рассчитанного нашими аналитиками срока. Плывать, что у нас нет транспорта, чтобы вернуться в космопорт, и самого космопорта, наверное, уже тоже не существует. У нас есть приказ – найти дипломата, а что делать дальше, видимо, мы будем решать на месте.

Опять джунгли. За последнее время они встречаются в моей жизни уже второй раз.

Первый поход кончился перестрелкой с китайскими разведчиками и путешествием в будущее, полное приключений. Второй тоже обещал стать весьма небезопасным.

Вспомнив о белизских джунглях, я конечно же не мог не вспомнить о Холдене, тем более что какой-то факт, связанный с его персоной, прочно засел в подсознании и никак не давал мне покоя.

Что-то не складывалось.

Сколько я ни думал об этом во Вселенной неудачников или в учебном лагере на Тайроне, все было бесполезно, и ничего путного не приходило в голову. Зато здесь, во время непредвиденного и незапланированного маршброска по джунглям, когда у любого нормального человека все мысли были бы заняты обдумыванием текущей ситуации, у меня словно наступило просветление мозгов.

И я понял, что именно у меня не складывается в этой истории.

Полсон, сотрудник темпоральной станции, занимающийся промыванием мозгов всем отловленным в джунглях товарищам, сказал, что Холден попадаетея им уже в четвертый раз и каждый раз они правят его память, изымая из нее ненужные подробности.

Полковник Визерс сказал, что после нескольких процедур даже

легкого ментоскопирования, повторенных за короткий промежуток времени, человек становится идиотом, а то и просто растением.

Не говоря уже о растении, идиотом Холден мне не показался.

Означает ли это, что Визерс в очередной раз мне солгал? Скорее всего, да, потому что я не видел причин, которые бы заставили врать Полсона.

Конечно, если бы я был параноиком, то мог бы выстроить стройную теорию, обосновывающую вранье Полсона. Например, Холден был вовсе не агентом британской контрразведки, а еще одним сотрудником темпорального проекта, который торчал на побережье и устраивал агентам разведок прошлого экскурсии в джунгли, во время которых спокойно и непринужденно передавал их в руки Полсона со товарищи. Дабы облегчить процесс поимки, так сказать.

В этой версии даже присутствовала определенная логика. Логика параноика. Такими темпами можно было заподозрить кого угодно и в чем угодно.

Бивис Балленбахер мог оказаться не молодым прожигателем жизни, угодившим в сложную ситуацию по собственной глупости, а матерым агентом СБА, подтолкнувшим меня к мысли о военной карьере.

Дюк приставлен ко мне, чтобы следить и докладывать в штаб-квартиру о каждом моем шаге. И никакого побега не было, это была инсценировка с целью... с целью спровоцировать членов группировки Слияния или агентов имперской военной разведки на активные действия.

Или еще с какой-нибудь целью, о которой я даже не догадываюсь. И история о моих отличиях от других людей – это лишь миф, легенда, которая должна послужить катализатором реакции чужих спецслужб.

И на самом деле я не принимаю никаких самостоятельных решений, а участвую в поставленном гениальным режиссером спектакле в качестве марионетки.

И единственное, чего не смог предусмотреть гениальный режиссер, это нападение скаари на Новую Колумбию... Или мог?

Говорят, что, даже если ты параноик, это еще не значит, что у тебя нет врагов.

А еще говорят, что параноики живут дольше.

На какие-то мгновения я даже поверил в эту теорию заговора, но потом все-таки от нее отказался. Схема получалась слишком сложной. Вытаскивать человека из прошлого, чтобы использовать его как приманку в игре спецслужб? Такое бывает только в научно-фантастических романах.

Наверняка должна существовать масса более простых и дешевых способов поиграть в шпионов, и не стоит преувеличивать коварство СБА и

ценность моей собственной жизни.

Сравнивая этот марш-бросок с походом, в который мы с Генри Холденом когда-то отправились, я нашел, что джунгли Белиза более труднопроходимы, чем джунгли Новой Колумбии, потому что продвижение вперед давалось мне не в пример легче. Конечно, сейчас я находился в куда лучшей физической форме, чем тогда на Земле, но вряд ли все можно списать только на это.

Каждые полчаса Дюк доставал свой КПК и сверял направление. Спутниковая система ориентирования продолжала работать. Видимо, скаари не собирались разрушать инфраструктуру планеты, чтобы потом самим не восстанавливать ее с нуля.

Это говорило о том, что Гегемония не предвидела ожесточенного сопротивления местных жителей.

На уроках общевоинской тактики, которые мне довелось прослушать на Тайроне, нам говорили, что при штурме планеты следует уничтожить местные системы ориентирования, дабы затруднить наземным войскам противника координацию действий. Этот пункт шел сразу за подавлением орбитальной обороны и захватами космопортов.

Но сколько на Новой Колумбии наземных войск? Явно недостаточно для того, чтобы оказать серьезное сопротивление армии вторжения. Зато джунгли располагают к ведению партизанской войны.

Густой покров вечнозеленых лесов делает неэффективными большинство современных спутников слежения и исключает возможность нанесения точечных ударов с орбиты, и воюющим сторонам приходится вести боевые действия по старинке.

Впрочем, тактику партизанских боев нам практически не преподавали, отведя на занятия всего пару часов. Предполагалось, что пехоте Альянса подобные знания ни к чему.

Нас большей частью готовили к захвату чужих планет, а не к обороне своих.

Мы преодолели половину оставшегося расстояния, когда местное солнце стало клониться к закату. Дюк отдал приказ вколоть «коктейль выносливости» из стандартной аптечки и перевести визоры в режим ночного зрения.

Останавливаться на ночь он явно не собирался, стремясь добраться до охотничьего лагеря как можно быстрее.

Им двигало желание выполнить приказ. Любопытно посмотреть, что

он будет делать после того, как мы найдем дипломата.

Одно дело – выполнять приказы, и совсем другое – самостоятельно принимать решения, ориентируясь по обстановке.

Сам-то я понятия не имел, что мы будем делать дальше. Мы оказались на планете, захваченной противником, без поддержки, оторванные от других воинских частей, брошенные на произвол судьбы. Идея о том, чтобы вчетвером противостоять вторжению скаари, мне не очень нравилась. Такие штуки прокатывают исключительно в американских блокбастерах, но в составе нашей группы не было Брюса Уиллиса, что могло значительно затруднить эту задачу.

Новая Колумбия была планетой земного типа, и это означало, что на подножном корму мы могли продержаться достаточно долго, однако играть в дикарей мне тоже не очень хотелось. Тем более было непонятно, чем и когда закончится такая игра.

Дождемся ли мы того времени, когда ВКС явятся отбивать планету? И входят ли такие действия в планы Альянса?

Этого я не знал.

Этого никто из нас не знал.

Охотничий лагерь был разбит у подножия небольшого, поросшего деревьями холма. Две палатки, костер, флаер под защитой маскировочной сетки и... датчики слежения, связанные с установками автоматического боя, натканные по периметру.

Это была слишком суровая защита для парочки охотников, и рассчитана она была явно не на появление у лагеря диких и опасных зверей.

Утром, когда мы вышли к лагерю, «коктейль выносливости» уже прекратил свое действие и усталость начала брать свое. Мы мечтали только о небольшом отдыхе, и когда у каждого на груди появилось по три красные точки от лазерных целеуказателей, это стало для нас неприятным сюрпризом. Мы слишком хорошо понимали, что в любой момент эта точка может смениться боевым импульсом, от которого легкая полевая броня не спасет.

Но, на наше счастье, системы работали в пассивном режиме защиты, и установки не стали открывать огонь на поражение сразу же по обнаружении целей.

Мы замерли на месте.

Мое «предчувствие» молчало. То ли оно не собиралось предупреждать меня каждый раз, когда моей жизни возникала непосредственная угроза, то

ли сейчас такой угрозы не было.

В этом-то и проблема со всеми предчувствиями. Никогда ничего нельзя сказать наверняка.

– Вы кто такие? – разнесся по джунглям усиленный микрофоном голос.

– Пехота Альянса, – сказал Дюк.

– Да ну? – Удивление в голосе присутствовало, а вот акцент в нем совершенно не обнаруживался. – Неужто на самом деле так?

Полог одной из палаток откинулся, и перед нами возник здоровенный араб с карабином неизвестной мне конструкции в руках.

Росту в этом молодчике было добрых два метра, густая черная борода скрывала половину лица и опускалась на грудь, камуфляж «джунгли» и черный берет придавали парню сходство с командиром какого-нибудь партизанского отряда...

– И что вы тут делаете, пехота? – осведомился здоровяк.

– Ищем наследника левантийского престола, – сказал Дюк.

– Логично, – сказал здоровяк. – Асад, это по твою душу.

По сравнению со своим телохранителем наследник калифа выглядел не так колоритно.

Среднего роста, худой, даже можно сказать тощий, камуфляж болтался на нем, как на вешалке, а оружие в его руках казалось чем-то чужеродным и никак не вписывалось в его образ.

Он был похож скорее на школьного учителя и посреди джунглей смотрелся абсолютно нелепо.

– Миссия спасения, – констатировал он с ироничной улыбкой. Из-за смуглой кожи и черной бороды, пусть и не такой роскошной, как у Азима, улыбка наследника казалась особенно белоснежной. – Я все думал, хватит ли у ребят мозгов не предпринимать такой ход, но, видимо, мозгов не хватило.

– Пехота. – Азим пожал плечами. – Мозги там вообще в большом дефиците. Ребята, вы вообще в курсе, что я уже пятьдесят метров веду вас под прицелом? Я мог бы отправить вас на тот свет раньше, чем вы бы сообразили, что происходит.

– Не суди их строго, – сказал Асад. – Они потеряли транспорт, всю ночь продирались через джунгли и не ожидали, что у нас тут все настолько серьезно. Правильно, ребята?

Мы попали в исключительно дурацкое положение, потому как нас забыли предупредить, что объект спасения может считать, что совсем не нуждается в спасении. И что он отправился в джунгли с куда большим

количеством оружия, чем это требовалось для охоты.

Я прикинул расстояние до ближайшего дерева, за которым мог бы укрыться от огня, прекрасно понимая, что вряд ли успею это сделать, если начнется стрельба.

Но стрельбы не случилось.

– Ладно, Азим, хватит пугать наших гостей, – сказал Асад. – Идите сюда, чай пить будем. Заодно и поговорим.

Оказавшись внутри охраняемого периметра, я облегченно выдохнул, немного расслабился и более внимательно осмотрел лагерь.

Или эти ребята совсем не охотники, или я ничего не понимаю в охоте.

Одна из палаток была просто напичкана разнообразным оборудованием, одних только мониторов систем наблюдения было три штуки. На установленном позади палатки шесте красовались сразу две спутниковые антенны.

Посреди лагеря находился очаг. Пока Азим разводил огонь и устанавливал чайник на специальной треноге, Асад расположился в небольшом походном кресле и задумчиво потер подбородок.

– Ну и как вы собираетесь меня спасать? – поинтересовался он.

– Мы потеряли флаер...

– Еще вчера, – сказал Асад. – Знаю. Наши системы наблюдения позволяют отслеживать все, что творится поблизости, и мы не могли оставить без внимания боевой транспорт, направляющийся в нашу сторону. Вам крупно повезло, что вы успели покинуть транспорт до того, как в него попали. Не знаю, утешит ли вас тот факт, что крейсер ВКС «Стремительный» покинул локальное пространство планеты за двадцать шесть минут до того, как ваш транспорт был уничтожен. Так каким же образом вы собираетесь меня спасать, парни? Или у вас есть какой-то резервный способ обратиться с этой планеты?

– Нет, – признался Дюк.

– Тогда вам крупно повезло, – сказал Асад. – Потому что у нас такой способ есть.

– Как это? – удивился Дюк.

– У нас тут космическая яхта в секретной пусковой шахте спрятана, – сообщил Асад. – Если уж отправляться на охоту в столь дикие и опасные места, стоит озаботиться альтернативными путями отхода.

– Что-то мне подсказывает, что вы не только на охоту сюда прилетели, – сказал Дюк.

Асад ухмыльнулся.

– Охота – это очень растяжимое понятие, – сказал он.

Левантинцы оказались весьма компанейскими ребятами.

Они напоили нас чаем, поделились своими припасами, которые оказались на несколько порядков вкуснее наших сухпайков, а потом предложили спокойно отдохнуть пару часов, заверив, что их лагерь на данный момент является одним из самых безопасных мест на планете.

Получив разрешение сержанта, Джек и Бо отрубились сразу же после завтрака, а тем временем сам Дюк предложил хозяевам лагеря свои услуги по несению караула.

– В принципе это необязательно, но если ты почувствуешь себя спокойнее, сержант, то можешь посидеть за мониторами, – сказал Асад. – Азим объяснит тебе, что к чему.

– Я уже имел дело с такими системами, – сказал Дюк. – Пехота Альянса использует те же стандарты.

– Тем лучше, – сказал Асад. – Нам тут предстоит провести еще пару дней, и лишние руки не помешают.

– Лишние стволы тоже не помешают, я думаю, – сказал Дюк.

– О да, – сказал Асад. – Впрочем, я полагаю, что до этого дело не дойдет.

И уже непонятно, кто кого собирается спасать... Дюк хмыкнул.

– Сержант, если хочешь о чем-то спросить, спрашивай, – сказал Асад. – Чем раньше мы все проясним, тем меньше шансов, что впоследствии что-то помешает нам правильно понять друг друга. И давай без церемоний. Сейчас не та ситуация.

– Кто вы такие? – спросил Дюк.

Это был чертовски хороший вопрос, мне это тоже было интересно.

– Мы – именно те, за кем вас сюда послали, – сказал Асад.

– Но вы ведь сюда не развлекаться явились.

– Это верно.

– Вы сказали, у вас есть корабль. Что мешает вам покинуть эту планету прямо сейчас?

– Кое-какие незаконченные дела, – сказал Асад. – Ладно, не буду ходить вокруг да около. Я здесь для того, чтобы собирать информацию о тактике скаари во время вторжения на планету с небольшим населением и практически отсутствующей орбитальной обороной. Конечно, с большим удовольствием я бы посмотрел, как ребята продираются сквозь защиту какой-нибудь более продвинутой планеты, и это было бы куда более познавательно, но иногда приходится довольствоваться тем, что есть.

– Разведка? – недоверчиво спросил Дюк.

– Есть вещи, которые будущему правителю небольшого, но гордого и независимого государства следует знать из первых рук, – сказал Асад. – Например, тактику захвата, которую осуществляют большие государства.

– Неужели нельзя было поручить это кому-то еще? – удивился Дюк.

– Ты говоришь, как советники моего отца. Почти слово в слово. Но аппаратура может давать сбои, другие люди могут лгать или неправильно интерпретировать события, – сказал Асад. – Если я хочу быть уверенным, я должен наблюдать за всем сам.

– И многое можно увидеть, сидя посреди джунглей? – спросил я.

Наверное, с моей стороны было невежливо вступать в этот разговор, но уж больно мне стала любопытна его логика. Еще ни разу не сталкивался с ситуацией, когда будущий глава государства сам занимается столь приземленным делом, как полевая разведка.

– Три наших спутника-шпиона, замаскированные под местные спутники связи, поставляют нам информацию в режиме реального времени, – сообщил Асад. – Следить за ними с поверхности планеты куда проще и безопаснее, чем болтаться в космосе, в то время как боевые корабли скаари прочесывают систему.

– Выходит, вы заранее знали о нападении скаари?

– А кто о нем заранее не знал? – спросил Асад. – Разве что жители этой несчастной планеты. Ведь не случайно же Альянс полгода назад вывел отсюда все свои корабли, оставив лишь «Стремительный», и в три раза сократил штат посольства, а бизнесмены поспешили вывести свои активы. Под вопросом была только конкретная дата.

– Мило, – сказал я.

– Сроки определялись с точностью до пары недель, – сказал Асад. – Так что мы с Азимом отправились на свою «охоту» заблаговременно, заранее подготовив себе путь отхода. Единственное, чего я не ожидал, это что ваше начальство в пылу эвакуации вспомнит о нашем существовании и отрядит группу для нашего спасения.

– А скаари знают о вашем присутствии? – поинтересовался Дюк.

– Думаю, в ближайшие дни они будут заняты немного другими проблемами, а к тому моменту, как они о нас вспомнят, мы будем уже далеко.

– Собираетесь пробиться сквозь их флот на космической яхте?

– Здесь сконцентрировано не так много кораблей, чтобы сквозь них пробиваться, – сказал Асад. – И я делаю ставку на скорость и маневренность, а не на огневую мощь. Не думаешь же ты, что я сам сунул

свою голову в петлю?

ГЛАВА 4

Говоря о том, что левантинцам не мешают лишние руки, Асад немного лукавил. На самом деле занятия для четверых здоровых мужиков тут не было, и следующие два дня мы слонялись по лагерю без дела, стараясь не путаться под ногами у тех, кого должны были спасать.

Они и сами не особо напрягались. Асад большую часть времени проводил за компьютером, который занимался приемом и обработкой информации со спутников, Азим и Дюк попеременно сидели за мониторами системы наблюдения за местностью, а нам троим, мне, Джеку и Бо, было совершенно нечем заняться.

Разве что действительно сходить на охоту и добыть пару трофеев, которые в старости можно будет повесить на стенку, а заодно несколько разнообразить наш рацион. Останавливали нас всего несколько факторов.

Во-первых, ни у кого из нас не было собственной стенки, а украшать подобным образом казарму являлось нарушением устава.

Во-вторых, шансы дожить до старости, учитывая обстоятельства, считались весьма сомнительными.

В-третьих, и это самое главное, сержант Дюк запретил нам покидать пределы лагеря.

Становилось скучновато. Я уже начал забывать о том, что мы находимся на оккупированной врагом планете, и только ждал, пока Асад закончит свои непонятные дела и поможет нам убраться отсюда.

Конечно, я никогда раньше не встречал наследника калифа, будущего правителя государства, в состав которого входит несколько планет, а потому до встречи с Асадом ад-Дином мог только предполагать, каким должен быть такой наследник, однако Асад эти предположения полностью опровергал.

Он в совершенстве владел государственным языком Альянса, был очень прост в общении и настаивал, чтобы все обращались к нему на «ты». Он ел вместе с нами и был не прочь почесать языком у костра, и дистанция, а точнее, гигантская социальная пропасть, разделяющая нас, простых смертных, и потомственного аристократа, совершенно не чувствовалась.

Может быть, потому, что мы познакомились с ним именно при таких обстоятельствах, в джунглях чужой планеты, на которой шла война. Полагаю, что в иной, более подобающей наследнику калифа обстановке он

мог вести себя совершенно по-другому. Но были ли у нас, простых пехотинцев Альянса, шансы увидеть Асада в другой обстановке?

Он никогда не распространялся о своем возрасте. Выглядел он лет на тридцать пять, что при развитии современной медицины ровным счетом ни о чем не говорило. Ему могло быть и шестьдесят, и восемьдесят лет. Бо помнил, что читал о возрасте самого калифа в официальных источниках. Мухаммеду ад-Дину было сто сорок два.

Интересно, в молодости он тоже прятался по чужим планетам, наблюдая за вторжением Чужих? И если уж на то пошло, то сколько должно быть лет человеку, чтобы его по-прежнему можно было называть молодым в этом чудесном мире будущего?

Утром третьего дня Асад торжественно возвестил, что его миссия здесь закончена и он увидел все, что хотел. Скаари полностью контролировали крупные города планеты – их и было-то шесть штук – и большую часть континента. Все очаги сопротивления были подавлены, так что вторжение Гегемонии можно считать завершенным.

Сворачивать лагерь мы не стали. Асад объяснил, что вся эта туча оборудования все равно не влезет на яхту и он рассчитывал бросить его здесь с самого начала.

– Пора покинуть этот забытый Аллахом мир, – торжественно заявил Асад, и мы отреагировали на эти слова одобрительными возгласами.

«Секретная пусковая шахта» оказалась небольшой ложбиной по другую сторону холма. Маскировочная сеть так удачно вписывалась в местный пейзаж, что я бы запросто прошел мимо этого места, ничего не заподозрив. Полагаю, что именно этой особенностью рельефа и был обусловлен выбор места под «наблюдательный пункт».

Азим сдернул часть сети в сторону, и мы узрели «космическую яхту».

Скажу прямо, воображение она не поражала. Ни своими размерами, ни изысканностью своих форм.

Серебристый каплеобразный корпус около тридцати метров в длину пробуждал ассоциации с большой каплей ртути, но не более того.

– Тоже мне яхта, – пробурчал Джек, явно испытывающий схожие с моими чувства.

– Штурмовой катер класса «ифрит», – сообщил Асад. – Незаменимая штука при маневрах в гравитационных полях планет и больших астероидов. Быстрый и юркий, именно то, что нам сейчас надо.

– Только далеко ли мы улетим? На них же нет гипердвигателей, – сказал Дюк, демонстрируя осведомленность о ТТХ техники

потенциального противника.

– На этом есть, – заверил его Асад. – Правда, он занимает большую часть свободного пространства, так что нам придется потесниться. Большого комфорта гарантировать не могу. Вот если бы я принимал вас на борту своей «Пери»...

Да, для того чтобы назвать «ифрит» яхтой, требовалось либо очень богатое воображение, либо большое чувство юмора.

Штурмовые катера и так не обладают большими запасами жилого пространства, но этот экземпляр перецеоголял их все. Ради того чтобы впихнуть в небольшую посудину гипердвигатель, от жилого пространства пришлось отказаться вообще. Заодно с катера демонтировали все оружие. Энергии генератора все равно не хватит одновременно и на работу гипердвигателя, и на поддержку систем ведения огня, объяснил нам Асад. Да и зачем оружие? Драться хотя бы с одним крейсером скаари на штурмовом катере – это весьма изощренный способ самоубийства.

Штурмовые катера не предназначены для дальних перелетов, поэтому о комфорте пассажиров их создатели обычно не заботятся. Но на катере, для таких перелетов приспособленном, все оказалось еще хуже.

А если учесть, что «ифрит» должен был принять на борт в три раза больше народу, чем это планировалось с самого начала...

– У нас всего три антиперегрузочных кресла, – сообщил Асад, размещаясь на месте пилота. – И хотя на посудине стоят улучшенные гравикомпенсаторы, при маневрировании на больших скоростях перегрузка может достигать 3 G. Да и потряхивать может изрядно. И хотя я предпочел бы обойтись без экстремальных маневров, гарантировать ничего нельзя, сами понимаете. Поэтому я посоветовал бы вам лечь на пол, за что-нибудь зацепиться и расположиться со всем возможным комфортом.

– И постарайтесь не свернуть себе шеи, – посоветовал Дюк, усаживаясь в третье кресло. – Полет будет долгим, так что не стоит омрачать его тесным соседством с вашими трупами.

Асад нахлобучил на голову шлем пилота и принялся тщательно застегивать ремни. На фоне его речи об улучшенных гравикомпенсаторах это выглядело особенно оптимистично.

Джек и Бо уже разместились на полу, почти целиком оккупировав его площадь. Мне осталось только скромное местечко в уголке. Одна проблема – хвататься там было абсолютно не за что, и я представил, как в случае экстремальных маневров Асада буду болтаться по всей кабине, не только рискуя свернуть шею, но и представляя угрозу для всех остальных.

Лучше бы он все-таки воздержался от таких маневров.

– Начинаю предполетную проверку, – сообщил Асад. – Активирую реактор.

Ага.

С момента активации реактора «ифрит» засветится на всех радарх, наблюдающих за данным районом, очень яркой точкой, и скаари, вне всякого сомнения, отправят кого-то на проверку энергетической аномалии.

Что ж, пусть отправляют. Когда их патрули придут на место, мы будем уже далеко от планеты.

Словно подтверждая теорему о том, как неразумно быть оптимистом в наше непростое время, наследник левантийского престола разразился длинной эмоциональной тирадой на родном языке.

Не надо быть филологом, чтобы определить ругательства на слух.

Азим задал какой-то вопрос на том же языке.

Наверное, полубопытствовал по поводу происходящего.

– Ты проводил предполетную подготовку, когда мы сюда прибыли? – Асад перешел на язык Альянса, чтобы всем присутствующим было понятно, о чем идет речь.

– За три дня до атаки. Неполную, без активации реактора, чтобы не засветить катер.

– Блок управления маневровыми двигателями выдает ошибку, – сказал Асад.

Азим отстегнул ремни, выбрался из кресла и потопал в технические помещения, чтобы глянуть на неисправный блок управления своими глазами.

– Я так понимаю, вы не на этом катере на планету прилетели, – сказал Дюк.

– Разумеется, – сказал Асад. – Мы прибыли на планету курьерским кораблем Альянса, как и положено дипломатам моего уровня, наносящим неофициальный визит. Катер здесь спрятали наши люди, еще полгода назад.

Выходит, готовящееся вторжение скаари не было секретом уже полгода назад, обалдело сообразил я. И не знали об этом только те, кто больше всех пострадал от вторжения, – мирные жители планеты.

Наверное, так оно всегда и бывает при вооруженных конфликтах местного значения. Обычные люди гибнут, а политические воротилы снимают со всего этого сливки.

Азим вернулся минут через пять, и я впервые увидел, как бледнеют смуглые люди. Цвет лица у них становится пепельно-серым.

– Блок управления маневровыми двигателями уничтожен, – сообщил

Азим. – Блок управления гипердвигателем в порядке.

– Толку с него? – спросил Асад. – Не можем же мы войти в гипердрайв на неподвижном корабле.

– Говорят, в таких случаях может получиться красивый фейерверк, – заметил Дюк.

– Только мы им уже не насладимся, – буркнул Асад. – Как именно уничтожен блок управления?

– Миниатюрное взрывное устройство, – сказал Азим. – Полагаю, оно сработало после нескольких часов стоянки, когда стало очевидно, что корабль прибыл на место и его следующими пассажирами будем мы.

– Салим?

– Скорее, Джамшит, – сказал Азим. – Если бы бомбу подсунул Салим, он бы постарался подгадать, чтобы взрыв произошел именно тогда, когда мы будем на борту. Да и сама бомба была бы гораздо мощнее.

– Но это было бы не так элегантно, – сказал Асад. – Видимо, родственные чувства взяли верх, и кто-то в семейке хочет, чтобы меня просто взяли в плен.

– Или устранили чужими руками.

– Это одно и то же в принципе, – сказал Асад и обвел взглядом кабину. – Можете встать с пола, полет отменяется, потому как запасного блока управления у нас нет, а если бы и был, то вряд ли кто-то из вас обладает должным уровнем квалификации, чтобы произвести его замену в полевых условиях.

– А запасной план у вас есть? – поинтересовался я.

– Нет. А у вас?

– У нас и основного-то не было.

– Замечательно, – сказал Асад. – Итак, господа, поскольку теперь уже скаари точно знают о нашем присутствии, у нас осталось два варианта. Либо сдать в плен, либо поиграть в партизанскую войну. Мы с Азимом по умолчанию голосуем за войну, но поскольку вы не являетесь подданными Калифата, то можете принять для себя и другое решение.

– В плен к ящерицам? – спросил Дюк. – Никогда. Кроме того, я знаю, как они поступают с пленными людьми.

– Собственно, вот так и работает политическая структура Альянса, – ухмыльнулся Асад. – В результате демократических процедур было принято единственно возможное решение, которое по факту никого из присутствующих не устраивает.

Мы ненадолго вернулись в лагерь, забрали оставленные там припасы,

в том числе и несколько брошенных боекомплектов, а также перенастроили систему наблюдения таким образом, чтобы данные с камер и датчиков передавались на компьютеры корабля. М-да, убратся с планеты у нас не получилось. Теперь нам предстояло познакомиться с ней поближе.

– У нас есть небольшое преимущество перед скаари, – сказал Асад. – Они знают о моем присутствии на планете, а энергетический спектр «ифрита» на радарх сильно отличается от любой местной техники. Так что они сложат два и два и поймут, где меня искать. Но, поскольку они полагают, что живой я представляю большую ценность, чем мертвый, то стрелять на поражение во всех без разбора они не будут. Нас же подобные ограничения не сдерживают.

– А ты уверен, что ты нужен им живым?

– Иначе они бы уже долбанули по нам с орбиты, – сказал Асад. – Еще в первые же пять минут после обнаружения «ифрита» на радарх.

– Логично, – признал Дюк.

– Полагаю, что переночевать мы можем на корабле, – сказал Асад. – Удара с орбиты, как я говорил, можно не опасаться, так как я нужен скаари живым, а флаер мы засечем задолго до того, как он будет представлять для нас угрозу. Утром предлагаю выдвинуться вот в этом направлении. – Он ткнул пальцем в монитор, на который была выведена карта.

– Почему именно туда? – спросил Дюк.

– Там есть река, – объяснил Асад. – А у меня с детства слабость к рекам. И вообще, направление нам сейчас не принципиально. На войне главное – вовремя предпринять маневры.

– Это уже война, Асад? – спросил я.

– А ты думаешь, скаари на танцульки сюда прилетели? – ухмыльнулся бородатый наследник левантийского престола. – И космопорт они чисто ради шутки разбомбили? И на нас тоже просто так охотятся, из спортивного интереса?

– Я не в этом смысле, – сказал я. – Как думаешь, это очередная локальная стычка, пусть даже планетарного масштаба, или это начало большой бойни, которую все так ждут?

– Понятия не имею, – сказал Асад. – Тут многое, если не все, зависит от политиков. Причем от ваших политиков. Даже ребенку понятно, что Новая Колумбия человечеству более не принадлежит, а принадлежит она скаари. Однако, хапнув эту планетенку, дальше клан Прадеша двинуться не сможет. Ибо с теми силами, которые я наблюдал, все, на что он может рассчитывать, – это попытаться удержать планету под своим контролем. И если Альянс спустит все на тормозах, смирившись с потерей для

человечества этой планеты, то это будет всего лишь локальная стычка, один из многих эпизодов противостояния людей и скаари. А вот если ВКС полезут отбивать планету обратно, тогда мы и получим крупномасштабную войну со всей Гегемонией.

– Как-то все это странно, – заметил Дюк. – Неужели от самих ящериц здесь ничего не зависит?

– Много ли ты знаешь о внутреннем устройстве Гегемонии, сержант?

– Почти ничего.

– А я много знаю, – довольно ухмыльнулся Асад. – Изучал их не один десяток лет. Понимаешь, у скаари очень сложная внутренняя политика, она так сильно завязана с их религией, что эти понятия в их языке определяются одним словом.

– И что из этого следует? – спросил Дюк.

– Ну вообще-то из этого следует довольно много всяких любопытных вещей, – сказал Асад. – Но если говорить о данном конкретном случае... Кланы скаари независимы друг от друга только теоретически. На самом деле их связывает между собой куча договоренностей, там вообще очень сложные взаимоотношения... Если какой-то клан, в данном случае клан Прадеша, начинает войну, то это его личное дело и вмешиваться до завершения конфликта никто не станет. В данном случае конфликт уже завершён – планета находится под контролем скаари почти целиком. Мелкие очаги сопротивления вроде нашей группы можно не считать. – Асад снова ухмыльнулся. Похоже, мысль о том, что наша группа, состоящая из шести человек, может быть названа «очагом сопротивления», немало его забавляла. – Но вот если внешний агрессор нападает на какой-то клан скаари, то другие кланы, связанные с ним договоренностями, должны прийти на помощь. И если ВКС прилетят отбивать планету обратно, то клан Прадеша не останется драться в одиночестве.

– То есть они впишутся в эту ситуацию всей расой? – уточнил я.

– Конечно, не всей. Клан Прадеша – не самый влиятельный в Гегемонии. Но пять-шесть кланов вступят в войну точно. А дальше... Кто его знает, как будет дальше.

– Альянс не вступился за Новую Колумбию, – заметил Азим. – Так что в данном случае подход скаари мне нравится больше.

– Боевых кораблей Леванта в локальном пространстве планеты я тоже не видел, – заметил Дюк.

– Левантийский Калифат никогда не вещал от имени всего человечества и не настаивал, что все должны объединиться вокруг него, – сказал Асад. – А Альянс сдал Новую Колумбию врагу вполне осознанно.

Поэтому я не думаю, что ВКС в ближайшее время заявятся ее отбивать.

– Что ты хочешь этим сказать? – нахмурился сержант. – Альянс отдал планету скаари? Как это понимать?

– Ровно так, как я и сказал, – ответил Асад. – Новая Колумбия в последние годы только что из штанов не выпрыгивала, так она хотела вступить в Альянс и получить защиту ВКС.

– Переговорный процесс искусственно затягивался местным руководством.

– Сержант, ну ты хоть на мгновение забудь про эту пропаганду, – сказал Асад. – Сам подумай, какого шайтана местные дипломаты стали бы затягивать этот процесс, когда у границ системы постоянно появляются боевые корабли скаари? Процесс затягивался, спорить не буду. Только затягивали его ваши собственные дипломаты.

– Зачем?

– Тут много факторов, – сказал Асад. – Во-первых, помимо Новой Колумбии существует еще с десяток независимых миров, чье положение не настолько катастрофично, и они вовсе не рвутся принимать ваши демократические ценности. На примере Новой Колумбии им показали, что случается с такими мирами. И я знаю об этом не понаслышке, потому что представляю как раз один из таких независимых миров.

– А ты думаешь, что Калифат сможет выстоять в одиночку?

– В одиночку никто не сможет выстоять, – сказал Асад. – Но вашу демократию мы никогда не примем. В случае войны речь может идти только о военном союзе, не более того.

– Неужто Калифат будет диктовать Альянсу условия?

– Да запросто, – сказал Асад. – Калифату принадлежат три планеты, но в случае угрозы население промышленного Дамаска может быть эвакуировано на Левант в течение пары недель. А Левант и Агроба обладают орбитальной обороной шестого класса. Сколько планет Альянса, кроме Земли, способны похвастаться такой защитой? Наш военный флот состоит из кораблей нашей собственной постройки, а не списанных крейсеров Альянса. Наши планеты самодостаточны и способны выдержать десятилетнюю осаду, потому что у нас нет проблем с перенаселением. Но я не думаю, что кто-то будет нас осаждать. Более вероятно, что противник обломает зубы при первом же штурме и отправится искать добычу полегче.

– Это заявление тоже сильно смахивает на пропаганду, – сказал я.

– Ни в коем случае, – сказал Асад. – За все время своего существования Калифат не проиграл ни одной локальной войны. В отличие от Альянса, который вчистую слил битву на астероидах.

– Кленнонцы сунулись в нашу сферу влияния двадцать три года назад, – заметил Азим. – Попытались захватить дамасские рудники и уползли восвояси, потеряв шесть боевых кораблей. В ваших новостях это событие никак не освещалось.

– Я бы все-таки не стал сравнивать локальные заварушки с тем, что может случиться, – сказал Дюк. – Левант – богатая система. Думаю, что она обозначена у ящериц как одна из целей первой волны вторжения.

– Сейчас это пустопорожние разговоры, – отмахнулся Асад. – Или кто-то из вас ознакомился с генеральным военным планом скаари? Нет? Чудесно. Тогда вернемся к нашей милой Новой Колумбии. Вторая причина, по которой Альянсу было невыгодно ее защищать, – на планете нет практически ничего ценного. Ничего такого, чего нельзя получить у других миров. А с другой стороны, собственная орбитальная оборона у планеты... ну, мы все видели, на что она способна. Если бы Новая Колумбия вошла в состав Альянса, ее защиту пришлось бы строить с самого нуля. Но поскольку с планеты нечего взять, это экономически невыгодно. Одни расходы.

– Как-то это все слишком цинично звучит, – сказал я.

– Это политика, – сказал Асад. – Политика всегда цинична. Миллионы людей, которые живут на планете, в расчет не принимаются. Чисто по-человечески их жалко, конечно, но так уж сложилось. Они забрались слишком далеко и слишком долго настаивали на своей независимости, и в нынешней ситуации планету было куда проще и дешевле слить, чем сохранить для человечества.

– Калиф поступил бы иначе?

– Правители бывают разные, – сказал будущий калиф, пожимая плечами. – Хороший правитель никогда не запустил бы ситуацию до такой степени, я думаю. Впрочем, на все воля Аллаха. В первую очередь надо думать о своих.

– В Калифат входят всего три планеты, – сказал Дюк. – В Альянс – десятки.

– Это и есть самая большая ошибка Альянса, – сказал Асад. – Он слишком большой, а государством таких масштабов очень сложно эффективно управлять. Если бы вместо одного Альянса существовал хотя бы с десяток независимых политических образований, сейчас все было бы совсем по-другому.

– Мы бы погрязли в междоусобицах на манер скаари, – сказал Дюк.

– А вот и нет, у нас со скаари разная психология, – возразил Асад. – Когда человечество жило на одной планете, основной причиной грызни

были ресурсы. Большинство же звездных систем, которые входят в Альянс, вполне способны обеспечивать себя сами, и воевать между собой им экономически невыгодно. Человечеству вполне хватило бы места в галактике, если бы галактика принадлежала только ему. Поделить ее со скаари гораздо сложнее.

– А тут еще кленнонцы, – поддакнул ему Дюк.

– Кленнонцы – это люди, что бы по этому поводу ни говорила пропаганда Альянса, – сказал Асад. – С кленнонцами можно договориться.

Я мысленно отметил, что Асад ад-Дин разделяет взгляды полковника Визерса. Интересно, а Левантийский Калифат уже предпринимал какие-то шаги по сближению с Империей?

Ведь по идее им гораздо легче найти общий язык – у них одинаковый политический строй, и «демократические ценности» не станут для них камнем преткновения.

Писатели-фантасты когда-то предполагали, что агрессивность свойственна именно молодым расам, но, похоже, что они ошиблись. Самая древняя раса галактики оказалась и самой воинственной.

Пока человечество занималось решением своих внутренних проблем, скаари нападали как на Альянс, так и на Империю, но мы до сих пор точно не знали их военного потенциала.

Понятно, почему некоторые люди выступают за объединение всех сил человечества перед лицом угрозы скаари. Нельзя не опасаться того, о ком почти ничего не знаешь.

Оторвавшись от размышлений, я обнаружил, что Асад продолжает говорить.

– ...Впрочем, в данной ситуации есть еще один нюанс, который позволит человеческим силам дать отпор скаари на Новой Колумбии и не спровоцировать всеобщую войну, – сказал Асад. – Дело в том, что после стычки в системе Виктории клан Прадеша де-юре находится в состоянии войны с Кленнонской Империей, причем именно скаари выступают агрессором. И если скаари вышибут отсюда не ВКС Альянса, а силы Империи, то у Гегемонии не будет официальных поводов начинать войну. А если учитывать, что клан Прадеша уже давно является бельмом на глазу Гегемонии, они даже порадуются такому исходу. Но исключительно про себя, разумеется.

– Империя слишком далеко отсюда, так что, даже если ребята решат вписаться в эту ситуацию, их флоту потребуется полгода, чтобы добраться сюда в обход Альянса, – буркнул Дюк. – Да и с чего бы им вмешиваться? Эта планета не представляет никакой ценности, если даже Альянс

отказался за нее драться.

– Всякое может быть, – сказал Асад. – Это уже вопросы политики, а в политике даже жесты могут представлять особую ценность.

– Ты просто теоретизируешь или знаешь что-то, чего мы не знаем? – спросил я.

– Увидим, если будет на то воля Аллаха, – сказал Асад.

ГЛАВА 5

Азим, всю ночь наблюдавший за мониторами, разбудил нас за два часа до рассвета.

– Отряд скаари в десяти километрах, – сообщил он. – Высадились с флаера и только что пересекли границу зоны безопасности.

Мы сгрудились возле монитора, показывающего карту местности. Полтора десятка красных точек находились за красной чертой, которой была обведена зона, контролируемая датчиками корабля.

– Они пройдут здесь. – Дюк ткнул пальцем в экран. – Пойдем, Алекс. Это будет не сложно.

...Это был первый в моей жизни реальный бой, и мы положили пятнадцать штурмовиков ящериц, убрав основную группу из снайперских винтовок.

Правда, моя винтовка при этом пострадала так, что отремонтировать ее не удастся даже при наличии доступа к гарнизонному арсеналу, не говоря уже о джунглях.

Спустившись со своих огневых точек, мы с Дюком обыскали трупы скаари и собрали оружие и боеприпасы, столько, сколько смогли унести.

Но это было уже после того, как у меня перестали трястись руки. Адреналиновый отходняк после боя, как сообщил мне сержант. Обычное дело для того, кто убивает в первый раз.

И только на обратном пути к кораблю Асада до меня дошло, что же на самом деле мы сотворили.

Пятнадцать трупов. Пятнадцать хваленых штурмовиков расы, более древней, чем само человечество. И мы перебили их вдвоем.

Или репутация скаари как воинов сильно преувеличена, или мы такие специалисты, что по сравнению с нами отдыхает сам Джон Рэмбо.

– Не стоит недооценивать ящериц. Они шли брать в плен наследника калифа, не предполагая, что тут могут оказаться профессиональные военные, а потому не ждали сопротивления. В следующий раз нам придется гораздо хуже. Кстати, а кто такой Джон Рэмбо? – Видимо, последнюю фразу я произнес вслух.

– Рэмбо – выдуманный персонаж, – ответил я. – Мне про него в детстве сказки рассказывали.

Когда мы вернулись к кораблю, Асад читал Джеку и Бо очередную лекцию о внешней политике Калифата.

– ...У нас нет боевых станций на Дамаске, а его население мы можем эвакуировать в считанные дни, как я уже говорил. – Асад вытянулся в кресле пилота. – Мы принципиально не собираемся защищать эту планету. Там ведь никто не живет, кроме обслуживающего рудники персонала, а мы защищаем только миры, на которых есть люди.

– И толку от этого, если Дамаск может захватить любой дурак? – поинтересовался Бо.

– Именно что дурак, – сказал Асад. – Видишь ли, так сложилось, что всем гораздо выгоднее ситуация, когда Дамаск принадлежит нам. Потому что то, что мы там добываем, мы продаем любому, кто может себе позволить оплатить счет. Если же кто-то попытается захватить планету и перекрыть поток, направив его вместо трех только в одну сторону, он сразу же столкнется с озлобленными конкурентами, которые лишились поставок. А оборонять Дамаск очень сложно, знаете ли. На создание орбитальной обороны с самого нуля требуются годы, а мы не повесили на орбиту ни одного боевого спутника.

– А сами-то вы сможете прожить без Дамаска?

– Все важные производства, кроме корабельных верфей, находятся на Агробе, – сказал Асад. – Верфи – на Леванте. А запаса металлов с Дамаска нам самим хватит на долгие годы. Не думаешь же ты, что мы продаем все, что добываем?

– Эта политика поддержания статус-кво хороша только до тех пор, пока не начнется глобальная заварушка, – заметил я. – Потом будут совсем другие расклады.

– Война многое поменяет, – согласился Асад. – Но посуди сам, две планеты защитить все-таки проще, чем три. И я не такой идиот, кстати, чтобы думать, будто Калифат способен бесконечно сопротивляться любому из трех гигантов, которые могут на него напасть. Войну против Альянса, Империи или скаари в одиночку нам все равно не выиграть.

– Могу я задать неприятный вопрос?

– Попробуй.

– Как будущий правитель ты наверняка задумывался о союзниках. По крайней мере ты должен разбираться в таких вещах. Наверное, первоочередным своим союзником вы рассматриваете отнюдь не Альянс. Мне кажется, с Империей вам договориться гораздо проще.

– Там монархия и тут монархия? – улыбнулся Асад. – Я не открою тебе страшной государственной тайны, если скажу, что при дворе уже

обсуждались такие планы. Пожалуй, мы не смогли бы договориться только со скаари, хотя просчитывали и такую возможность. Но они – Чужие. А все остальные – люди.

– Очень непохожие друг на друга люди, – буркнул Дюк.

– Население Альянса очень похоже на население Империи, – сказал Асад. – Как бы люди ни выглядели и как бы они себя ни называли, они остаются людьми. И договориться можно с каждым. От себя могу только добавить, что император Таррен Второй показался мне более приятным человеком, чем ваш президент.

– Ты знаком с обоими?

– Левант часто посещают высокопоставленные гости, – сказал Асад. – Я знаком даже с тремя главами самых влиятельных кланов Гегемонии. Правда, в отличие от остальных, для общения с ними мне нужен переводчик.

Системы наблюдения не фиксировали появления новых отрядов скаари, но оставаться там, где противник будет искать нас в первую очередь, было глупо, и мы последовали примеру Джона Рэмбо из первой части фильма, о которой я вспомнил не так давно. То есть ушли в леса и постарались оторваться от преследователей.

Скаари пока еще не добрались до оставленных на орбите спутников-шпионов, и мы получали информацию о передвижении противника. Впрочем, это был только вопрос времени. Как только ящерицы доберутся до лагеря и обнаружат антенны, им не составит никакого труда обрезать идущий к нам поток информации. Даже сами спутники сбивать не придется.

К вечеру мы уже знали, что скаари идут на нас двумя большими отрядами, с запада и с востока. Похоже, ребята сделали выводы из негативного опыта первого своего отряда и больше так подставляться не собирались.

– Клянусь бородой пророка, я никогда не любил леса, но мы вовремя расстались с комфортом, – философски заметил Асад. – Ребята явно не скупятся на затраты.

– Видимо, они считают тебя настолько ценным заложником.

– Как только я попаду в их руки, моя ценность упадет до нуля, – сообщил Асад. – Отец не пойдет ни на какие компромиссы, а у меня есть много братьев. И вообще, процедура наследования в Калифате не обязательно предполагает кровное родство с правящей династией. Бывали прецеденты...

– Мухаммед расстроится, если вас убьют, – заметил Азим.

– Не сомневаюсь, – сказал Асад. – Опечалится минут на пять. Причем жалеть он больше будет не обо мне, а об усилиях, потраченных на мою подготовку.

Этот диалог состоялся вечером того же дня, когда мы с Дюком приняли первый бой.

Особого восторга по поводу этой победы никто из нас не испытывал. Это была первая боевая стычка, и глупо было бы рассчитывать, что за ней не последует еще целый ряд столкновений, куда более серьезных.

Асад буркнул пару слов в знак того, что ценит нашу доблесть, а Джек с Бо сказали, что тоже не прочь открыть свой счет в этой игре, но это была всего лишь бравада напоказ.

Наверное, в глубине души уже каждый смирился с тем, что хеппи-эндом такая история кончится вряд ли.

Уставшие после дневного перехода, мы сидели на поваленных стволах деревьев, поедали сухпайки – их запаса хватит еще на неделю, а потом нам придется охотиться – и вели светскую беседу перед сном.

Более других меня интересовал вопрос о взрывном устройстве, из-за которого мы застряли на этой планете, но я не решался спрашивать Асада напрямую. Из его короткой беседы с Азимом, когда они упоминали какие-то имена и обсуждали «семейное» происхождение бомбы, можно было сделать вывод, что речь идет о каких-то дворцовых разборках, наверняка связанных с наследованием. Неужели такое бывает и в реальной жизни?

Задавать наследнику такие вопросы мне казалось нетактичным, а сам он вовсе не горел желанием поднимать эту тему.

Когда я проснулся, было еще темно. Все, кроме несущего дежурство Азима, вповалку спали на траве. Сержант Дюк даже похрапывал.

Я прикинул, видел ли я Азима хоть раз спящим за все это время, но моя уникальная память не фиксировала подобного эпизода. Или он принимает какие-то более совершенные боевые коктейли, которые позволяют не спать неделями, или он просто сверхчеловек какой-то. Не зря же ему доверили охрану столь важной для Калифата персоны.

Спать не хотелось совершенно, и я поднялся с земли, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить остальных.

Азим сидел на коряге, прислонившись спиной к дереву, и смотрел куда-то в ночь. На земле перед ним лежал выключенный КПК.

– Они добрались до лагеря, – сказал Азим, перехватив мой взгляд. – Больше их передвижения мы отслеживать не можем.

- Когда это случилось?
 - Два часа назад.
 - Не собираешься сказать остальным?
 - Утром скажу. У нас все равно целый день форы, так что пара часов большого значения не имеет.
 - Скаари быстрее нас перемещаются по лесу.
 - Да. Без драки нам все равно не разойтись.
 - Наверное, Асад уже и сам пожалел, что вызвался добровольцем на этот наблюдательный пункт, – заметил я, не ожидая реакции на эту реплику.
- В конце концов, телохранитель не обязан обсуждать с посторонними прихоти охраняемого им тела. Но Азим ответил.
- Это было меньшее из зол, – сказал он. – Обстановка на Леванте накалилась до предела, и Асаду надо было на время убраться из столицы. Не думаешь же ты, что у Калифата на самом деле нет других наблюдателей, которых мы могли бы сюда направить?
 - Если вопрос стоял в том, чтобы просто исчезнуть из столицы, почему вы не могли отправиться на какой-нибудь курорт? Почему именно сюда?
 - Любой другой вариант расценили бы как бегство, – сказал Азим. – Но никто не осмелится назвать бегством визит в военную зону. По крайней мере вслух, а только это и важно.
 - Интриги?
 - Дворцовая политика. Мухаммед стар, – сказал Азим. – Врачи обещают ему не больше года. И хотя Асад является его официальным наследником, есть еще трое, кто может претендовать на титул. Но для этого надо избавиться от основного кандидата, как ты понимаешь. За последние полгода мне пришлось отразить четыре попытки убийства. И две были предотвращены дворцовой охраной еще на стадии планирования.
 - Да, пожалуй, тут действительно безопаснее, чем на Леванте, – сказал я.
 - Если бы еще получилось вовремя отсюда убраться...
 - Взрывное устройство замедленного действия, выведшее из строя маневровые двигатели... Это какая-то странная диверсия. Не проще ли было бы взорвать корабль?
 - Политическим противникам Асада мало убить его, – сказал Азим. – Надо еще сделать это так, чтобы самим остаться вне подозрений. Если бы корабль взорвался при старте, на Леванте поднялось бы слишком много шума. Проще списать смерть наследника на скаари.
 - При этом сами скаари вроде бы не рвутся его убивать.

– Они думают, что пленный Асад представляет какую-то ценность, но использовать его в качестве рычага давления на Мухаммеда... Это глупо. Мухаммед не пойдет на уступки, даже если они будут резать Асада на части и транслировать картинку в прямом эфире.

– Суровый у вас калиф, – сказал я.

– Только таким может быть настоящий правитель. – Послышался шорох, и подошедший сзади Асад положил руку мне на плечо. – Азим, ты уже все рассказал или хочешь поделиться с Алексом подробностями моей личной жизни?

Я думал, Азим смутится и начнет оправдываться, но недооценил отношений, которые существовали между наследником и его телохранителем.

– Она не такая насыщенная, как об этом говорит желтая пресса, и даже не такая насыщенная, как тебе этого хочется, – сказал Азим. – Ты так и не обзавелся третьей женой, хотя Мухаммед и настаивал на браке с Наргиз.

– Одной вдовой меньше, – мрачно пошутил Асад и увидел выключенный КПК. – Мы больше их не видим?

– Нет. – Азим понял, что речь сейчас идет не о вдовах.

– Полагаю, они уже и спутники посшибали, – сказал Асад. – Только это они зря. Мы все равно не передавали информацию за пределы системы.

– Это тот случай, когда лучше перестраховаться, – сказал Азим. – Ты на их месте поступил бы так же.

– Вне всякого сомнения. – Асад зевнул, прикрыв рот рукой. – Буди своих, Алекс. Думаю, нам пора выдвигаться.

Ближе к полудню Азим подстрелил местный аналог ягуара. Снял его из нейростаннера со ста пятидесяти метров, продемонстрировав нехилые снайперские способности.

Нейростаннер стреляет почти бесшумно. Голубая молния с легким треском сорвалась с его ствола и исчезла между деревьев, а мгновением позже мертвый хищник уже свалился с облюбованной им ветки.

– Сегодня на ужин будет не сухпак, – ухмыльнулся Азим, убирая нейростаннер в кобуру и снимая с пояса большой охотничий нож.

Вблизи подстреленная тварь действительно напоминала земного ягуара, за исключением ушей, больше похожих на собачьи, нежели принадлежащих хищнику семейства кошачьих.

– Как называется эта штука? – поинтересовался я.

– Понятия не имею, – сказал Азим.

– Я тоже. – Асад расхохотался. – Да, мы с тобой те еще охотники.

Азим вырезал из туши несколько кусков мяса, завернув их в пленку, которую достал из своего рюкзака, и мы отправились дальше, предвкушая мясной ужин. Сухпайки следовало экономить, к тому же всем уже до чертиков надоел их вкус, и разнообразие в еде нам совсем не помешает.

– Что мне нравится на этой планете больше всего, – заметил Асад, – так это тот факт, что местные насекомые не проявляют к нам никакого интереса. Бегать по джунглям от скаари – это одно удовольствие. А вот бегать по джунглям от скаари, попутно отмахиваясь от moskitov и всяких хищных жучков, – это совсем другое.

– На Сигурде не было жизни от плотоядных жуков, – вспомнил Дюк. – Прямо летающие челюсти какие-то, а не насекомые. Каждый мог по несколько граммов мяса за один раз откусить.

– Они еще в земле живут, да? – уточнил Асад.

– Ага. Стоит наступить неосторожно на такое гнездо, и оттуда вылетает сотня этих фурий. Пока наши яйцеголовые не создали действенный репеллент, территорию приходилось с огнеметом зачищать.

– А трупы они не едят, кстати, – сказал Асад. – Только живое мясо. Ты был на Сигурде во время восстания, сержант?

– Нет, нас перебросили туда позже. Для наведения порядка, так сказать.

– Думаю, это было несложно после того, как по поверхности отработали мониторы, – сказал Асад.

– По-всякому приходилось.

– Пятнадцать лет прошло, а сепаратистское движение на Сигурде уже снова возрождается, – сказал Асад. – Даже несмотря на все зачистки. Альянс рвет на части. Генеральной Ассамблее просто необходима большая война, которая всех сплотит, иначе ей не удержаться у власти и Альянс начнет разваливаться изнутри.

Сержант промолчал. Или он не владел вопросом на уровне дипломата, или же просто не хотел соглашаться из патриотических побуждений.

– Это я не в порядке критики, – сказал Асад. – Поверь, Калифату тоже хватает внутренних проблем.

Вот в это можно было поверить.

Раз сам наследник престола скитается по джунглям чужих планет вместо того, чтобы вести подобающий его положению образ жизни во дворце... Кушать пахлаву и тискать наложниц в гареме. Или чем там наследники еще должны заниматься?

ГЛАВА 6

Никогда раньше не думал, что попаду в армию.

Тем более не предполагал попасть в армию будущего.

И уж совсем не мог ожидать, что звездные войны, в которых человечество столкнется с расой Чужих, будут так напоминать партизанскую деятельность отряда повстанцев в какой-нибудь стране Латинской Америки.

К концу первой недели я начал чувствовать себя чуть ли не Че Геварой.

Мы двигались, постоянно меняя направление, но поддерживая курс на северо-восток. Избегали выходить на открытые пространства, дабы нас не могли обнаружить спутники скаари, прятались от флаеров, которые прочерчивали небо над нашими головами несколько раз в день.

Или скаари оказались совсем никудышными следопытами, или две недели нам просто везло. Но потом нам везти перестало.

Азим, шедший впереди основной группы, заметил их первым и подал знак, по которому мы залегли на землю и взяли оружие наизготовку.

Спустя несколько минут визор начал определять цели.

Больше двух десятков солдат Гегемонии двигались по направлению к брошенному нами лагерю чуть ли не встречным с нами курсом.

Если бы нам повезло, скаари бы прошли всего в нескольких десятках метров от того места, где залег наш небольшой отряд.

Но нам не повезло.

Скаари вдруг остановились и потянулись за своим оружием.

– Разобрали цели, – ожил в наушнике голос Дюка. – Стрельба по команде.

На визоре отметились мишени, разобранные моими товарищами. Я навел прицел на бойца рядом с целью, выбранной Дюком. Жаль, оружие левантийцев не соответствовало пехотным стандартам Альянса и мы не могли видеть, куда будут стрелять наследник и его телохранитель.

– Огонь! – скомандовал Дюк.

Шестеро скаари рухнули сразу же после первого залпа.

Реакция чужаков на неожиданную угрозу сильно отличалась от человеческой.

Когда по людям внезапно начинают палить, они предпочитают сначала залечь в укрытие, а потом определить направление, с которого ведется

огонь, и начать ответную стрельбу.

Скаари же бросились прямо на нас, преодолевая расстояние гигантскими прыжками.

При передвижении скаари почти не производили шума, а их броня работала в камуфляжном режиме, так что казалось, будто на нас надвигаются бесшумные скользящие цели, ловко снующие между деревьями.

Это было неожиданно.

Но не настолько неожиданно, чтобы я начал мазать.

Если бы разделяющее нас расстояние было хотя бы на двадцать метров больше, мы бы уничтожили их всех еще на подходе.

Но этого расстояния не хватило.

Я снял четверых, когда смертоносная тень пролетела прямо надо мной и опустилась на землю в нескольких метрах за моей спиной. Слева грохотал совмещенный карабин Асада, заглушая и шелест веток, и негромкие щелчки импульсной винтовки Дюка, работающего очередями.

Я откатился в сторону, переворачиваясь с живота на спину и пытаюсь обнаружить противника.

Когда красный кружок моего прицела уперся ему в грудь, скаари уже целился в меня. На какой-то миг наши взгляды встретились, а в следующий миг голова Чужого взорвалась после меткого попадания левантийца.

Это он очень вовремя подсутился.

Не успел труп чужака упасть на землю, как рядом с ним образовались еще четверо бойцов, угодивших под наш перекрестный огонь. Благо к тому времени я уже целился в нужную сторону...

В этой стычке мы потеряли Бо.

Он угодил под разряд «мясорубки» скаари, и несколько сотен миниатюрных снарядов разорвали его тело на части. Собственно, за такой поражающий эффект оружие Чужих и получило свое название.

Джек и сержант отделались легкими ожогами, у Азима было прострелено бедро, зато на нас с наследником не обнаружилось ни царапинки.

Несмотря на требования Азима немедленно выдвигаться в путь, сержант настоял на том, чтобы похоронить рядового Стогова. Точнее, то, что от него осталось.

Похороны были недолгими. При помощи трофейного плазмомета Дюк в считанные секунды выжег в земле яму соответствующих размеров, куда мы сложили останки Бо. Забросать могилу землей и травой тоже оказалось

делом нескольких минут.

Прощального слова никто не сказал, вместо него мы почтили память погибшего минутой молчания и двинулись дальше.

У нас еще оставалось свежее мясо после очередного выстрела Азима, но костер этой ночью мы решили не разводить, поужинав сухпайком. Впрочем, насколько я заметил, особого аппетита ни у кого не было. Дюк вызвался нести караул первым, после чего все разошлись на ночлег.

В тот день, да и на следующий тоже мы избегали разговаривать друг с другом без особой надобности.

Лично я был только рад такому молчанию. В тот момент, когда я помогал Дюку укладывать в могилу разорванного на части Бо, война окончательно стала реальностью. Я осознал, что большинство из нас, если не все, закончат именно так – безымянной могилой в джунглях никому не нужной планеты. Конечно, если к тому моменту еще останется кому хоронить.

И решение, принятое мною полгода назад, уже не казалось таким правильным. Жизнь в условиях Вселенной неудачников все же предпочтительнее, чем такая смерть.

Смерть при выполнении приказа, который утратил смысл уже через несколько часов после того, как его отдали.

Как мы могли доставить кого-то на «Стремительный», если крейсер оперативно покинул систему, полностью оправдав свое название?

– Рио-Норте, – объявил Асад, когда мы вышли на берег реки.

Шириной около сотни метров, река неторопливо катила свои мутные воды, на противоположном берегу угадывались очертания далеких холмов.

– Пойдем по течению или переправимся здесь? – поинтересовался Дюк, вглядываясь в небо, проступающее сквозь переплетение веток и лиан. Словно спутники скаари можно увидеть невооруженным взглядом.

– Переправляться лучше в темноте, – сказал Азим. – Меньше шансов для наблюдателя.

– У нас фора всего около полусуток, а стемнеет только часа через четыре. Не слишком ли много времени мы потеряем?

– Наша цель – холмы, – сказал Асад. – Там есть система пещер, где мы будем в относительной безопасности.

– Мне очень нравится слово «безопасность», – сказал Азим. – Но оно плохо сочетается со словом «относительная».

– Какие шансы, что их спутник наблюдает сейчас именно за этим районом? – поинтересовался Асад.

– Какие бы они ни были, лучше не рисковать, – сказал его телохранитель.

Дискуссия была прервана флаером скаари, пролетевшим на высоте ста метров вдоль течения реки. Поскольку переговоры мы вели, лежа в укрытии густых кустов, Чужие нас не заметили. Но вопрос о форсировании водной преграды решился сам собой, и все согласились подождать до вечера.

Мне трудно было в это поверить, но с момента вторжения клана Прадеша на Новую Колумбию прошло уже больше месяца.

Это по данным КПК.

Определить субъективное время я затруднялся. Иногда мне казалось, что с тех пор минуло не больше недели, иногда – что мы болтаемся в этих джунглях уже целую вечность.

Запасы воды подошли к концу первыми, теперь нам приходилось набирать воду в местных ручьях и обеззараживать ее таблетками. Что будет, когда закончатся и таблетки, мне было страшно даже представить.

Сухпак кончился две недели назад, теперь нам приходилось добывать еду охотой, для чего мы в последнее время использовали трофейное оружие скаари, приберегая скудные остатки своих боеприпасов для будущего неизбежного боя (который, скорее всего, должен был стать для нас последним). Как-никак наши интеллектуальные «игрушки» уже доказали свою эффективность, а «машинки» скаари в наших руках выглядели не слишком впечатляюще. В последние дни даже Азиму не удавалось подстрелить ничего стоящего, и жили мы впроголодь.

Зато пока мы больше ни разу не нарывались на поисковые отряды скаари, и это не могло не радовать. Боеспособность нашего маленького отряда снижалась каждый день, так что неизвестно, переживем ли мы еще одну такую встречу.

И дело даже не в физической усталости и истощении. С каждым днем мы все отчетливее понимали, что лишь оттягиваем неизбежное. Перспективы на этой планете для нас не существовало.

Покинуть планету мы не могли. Скаари контролировали все крупные населенные пункты, так что искать счастья в городах нам тоже не стоило. Джунгли... Даже если бы Чужие прекратили свою охоту на нас, сколько бы мы могли продержаться в джунглях?

До тех пор пока не кончатся боеприпасы к последней единице оружия? А потом охотиться на местную живность с копьями и каменными топорами? Жить в шалашах и добывать огонь трением?

Это если к тому времени мы не загнемся от дизентерии из-за нехватки

дезинфицирующих таблеток, повышающих качество здешней воды.

Конечно, все мы это хорошо понимали, но старались не подавать виду, сохраняя хорошую мину при плохой игре. Лучше всего это получалось у выходцев с Леванта. Или восточные люди лучше умеют владеть собой, или же они все-таки знали что-то такое, что было неизвестно нам.

До вечера флаер пролетал над рекой еще четырежды, и каждый раз интервал между его появлениями был разный.

Но все же в темноте наши шансы форсировать реку были выше, чем при дневном свете. Универсальные пехотные комбинезоны обладают специальным покрытием, которое делает их невидимым в инфракрасном спектре, и легче всего нас было обнаружить именно днем, путем обычного визуального наблюдения.

Ночью же темные движущиеся точки на экранах радаров можно было принять за местных животных.

Ну, по крайней мере, мы на это рассчитывали.

Разведданные Асада утверждали, что клан Прадеша не является самым продвинутым в техническом плане. Некоторые технологии, известные Гегемонии, были ему недоступны.

Таким образом главы правящих кланов оберегали свою власть.

– Чего мы ждем? – поинтересовался Джек. – Стемнело больше часа назад.

– Флаер что-то давно не пролетал, – ответил Азим.

– Может, они на ночь вернулись в свои теплые и уютные казармы? – спросил Джек с ноткой зависти в голосе.

– Подождем еще немного, – предложил Дюк. – Я предпочел бы не рисковать.

– Как скажешь.

Взаимоотношения в нашем отряде поменялись. Если раньше граждане Альянса относились к левантийцам с некоторой долей недоверия, теперь от него не осталось и следа. Внутренняя субординация тоже полетела к черту. Мы все находились в одинаковой заднице, и любой из нас мог не дожить до следующего рассвета, так какая разница, кто был рядовым, кто капралом, кто сержантом, а кто – наследником далекого престола. Мы стали равны и относились друг к другу как к равным, сами того не замечая.

Теперь мне стало понятно, почему Азим вел себя так вольно по отношению к Асаду. Наверняка они слишком через многое прошли вместе, чтобы до сих пор сохранить дистанцию, разделяющую их социальные статусы.

Мы стали еще не друзьями, но уже и не чужими друг другу людьми. Товарищами по оружию. Мы вместе спали, ели из одного котелка – он у нас и был-то всего один, и за него следовало благодарить запасливого Азима, – вместе сражались, проливая свою и чужую кровь.

Может быть, это звучит слишком пафосно, зато точно отражает положение дел. Мы стали боевым братством. И слушали не того, кто старше по званию, а того, кто говорит более правильные вещи.

Прошло еще полчаса. Флаер так и не появлялся, и это вселило в нас надежду, что он до утра больше и не появится. Это было не самое смелое предположение – у нас и самих были приборы ночного видения, и я не видел причин, по которым скаари могли бы свернуть патрулирование на ночь, однако мне хотелось в это верить не меньше, чем всем остальным.

– Течение реки не очень быстрое, – сказал Дюк. – Сильно сносить не должно. Входим в воду все одновременно и ориентируемся вон на ту корягу. – Он ткнул рукой в направлении поваленного и наполовину погруженного в воду дерева на другом берегу. – Оказавшись на берегу, сразу же валим под защиту деревьев. Отставших не ждем. А еще лучше, чтобы никто не отставал.

Современное оружие не боится влаги, из некоторых его видов можно стрелять даже под водой. Рюкзаки закрываются герметично, так что мы могли не опасаться подмочить припасы. Словом, подготовка к форсированию водной преграды много времени не заняла.

– Вперед! – скомандовал Дюк, и мы побежали к воде.

Создатели универсального полевого комбинезона постарались, чтобы он не слишком мешал при погружении в воду, однако плавать в одежде, ботинках, с рюкзаком и винтовкой за спиной было не так легко, и расстояние, еще днем казавшееся легко преодолимым, превратилось в настоящее испытание.

Зато вода в Рио-Норте оказалась очень холодной.

Это здорово взбодрило мой организм, и он сразу передумал тонуть.

Сначала я греб просто для того, чтобы согреться, одновременно принаравливаясь к весу снаряжения за моей спиной. Рюкзак оказался тяжелее винтовки, поэтому центр тяжести сместился на правую сторону. Наконец-то мне удалось приспособиться к новому для меня стилю плавания боком и войти в ритм, я бросил взгляд на противоположный берег и обнаружил, что до коряги, которая служила нам ориентиром, осталось не так далеко.

В нескольких метрах от меня плыл Дюк, Джек был сзади, и я слышал

его фыркание, достойное тюленя. Асад обогнал нас на несколько метров, зато Азим уже выбирался на берег.

Он, наверное, железный, подумал я. Хотя вряд ли. Если бы он был железным, он бы просто утонул.

Но назвать телохранителя Асада деревянным у меня бы не повернулся язык.

Азим бросил взгляд назад, убедился, что охраняемое им тело не утонуло и бодро выгребает по течению, и, замешкавшись на несколько секунд, рванул к полосе деревьев, которую отделял от реки небольшой песчаный пляж.

Несколькими десятками гребков позднее я для пробы принял вертикальное положение, и мои ноги уже почти коснулись дна. До берега оставалось всего ничего, и я принялся гребсти с удвоенной силой.

Дюку удалось опередить меня на несколько метров, и он не плыл, а шел вброд, его силуэт возвышался над водой. Джек все еще энергично фыркал сзади...

И тут появился патрульный флаер скаари.

Осветительная шашка взлетела к небесам и повисла там на маленьком парашюте, заменив собой местную звезду.

Даже днем на планете не было так светло.

Нырять на дно и притворяться корягой было уже поздно, теперь все надежды только на скорость. Никогда я не плавал так быстро.

Патрульный транспорт скаари оказался оборудован стационарным плазмометом. Оружие не очень точное, но с его поражающим эффектом это и неважно. От первых же выстрелов в реке начала закипать вода.

Наверное, это нас и спасло. Облако поднимающегося к небесам пара помешало скаари нормально прицелиться.

А потом Азим открыл огонь из-под защиты деревьев. Конечно, сбить бронированный флаер из импульсной винтовки – задача почти невыполнимая, но когда импульсы регулярно гасятся о лобовое бронестекло, пилот начинает нервничать.

А когда пилот нервничает, флаер дергается. Это тоже мешает прицеливанию.

Я выбрался из воды и бросился в джунгли, Джек отставал от меня всего на пару шагов, и фыркание сзади сменилось пыхтением и проклятиями.

А потом был только короткий крик боли, и больше шагов сзади я не слышал.

Влетев под защиту деревьев, я бросил короткий взгляд назад. От рядового Терренса не осталось ничего, что мы могли бы похоронить.

Да и времени на последние ритуалы у нас не было. Еще немного, и от нас тоже не останется ничего такого, что можно будет положить в могилу.

Обычно мои воспоминания о произошедших со мной событиях похожи на полнометражный художественный фильм, где любую сцену можно пересмотреть с различных ракурсов и большое количество раз. Но эта ночь запомнилась в качестве нарезки из нескольких десятков коротких видеоклипов.

Мы бежали через джунгли, а над нами висели искусственное солнце и флаер скаари, поливающий джунгли огнем.

Вот я перепрыгиваю через ствол поваленного дерева, с разбегу прорываюсь сквозь переплетение лиан, а справа от меня обрушившийся с небес огонь поглощает молодые деревца, не оставляя от них даже пепла.

Горячий воздух бьет в лицо.

Асад спотыкается, кубарем летит по земле, Дюк мгновенно оказывается рядом и помогает ему подняться на ноги. Они бросаются вперед, и мгновением позже на то место, где они только что стояли, попадает заряд плазмы.

Азим орет проклятия на своем языке.

Жаль, но у нас не осталось оружия, из которого можно сбить тяжелую боевую технику, пропахивающую небо над нашими головами.

Хорошо хоть, что скаари все еще не могут нас видеть, стреляя по большей части наугад. Если бы мы оказались на открытом пространстве, ночь стала бы для нас куда короче.

Когда осветительная шашка погасла, окрестности освещало лишь зарево лесных пожаров.

Зато стрельба внезапно прекратилась.

Либо скаари все-таки пришли к выводу, что так не стоит беспорядочно тратить боеприпасы, либо вспомнили, что Асад нужен им живым...

А может быть, транспорт улетел на дозаправку. В одном нельзя было сомневаться – теперь скаари точно знали район, в котором нас следовало искать, и скоро на берегу реки высадутся толпы этих ящеров.

И вот тогда нам точно придется несладко.

ГЛАВА 7

Под утро мы вкололи себе последние ампулы боевого «коктейля выносливости». Хотя патрульный флаер больше не висел над нашими головами, останавливаться было нельзя. Скаари знали, где мы, и сейчас они уже, скорее всего, высаживаются на небольшом пляже.

Нам следовало как можно быстрее добраться до холмов, о которых говорил Асад. При столкновении в джунглях у нас не было вообще никаких шансов.

И мы продолжали бежать даже после того, как коктейль перестал действовать.

Существуют ли пределы прочности у человеческого организма? Вне всякого сомнения. Известны ли мне эти пределы? Вряд ли.

Кажется, что вот уже он, край, за которым ты ничего не сможешь сделать. Но тут что-то случается, ситуация из неприятной превращается в экстремальную, и ты делаешь больше. И когда тебе кажется, что организм не в состоянии больше ничего выдать, экстремальная ситуация становится катастрофической.

И ты продолжаешь. Даже несмотря на то что самому тебе это кажется невероятным.

Ноги сводит от усталости, сердце бьется так, словно вот-вот выскочит из груди, а легкие разрываются от недостатка кислорода. Но ты продолжаешь движение.

Мы бежали, бежали и бежали...

В итоге мы достигли пещер и обогнали скаари на двенадцать часов.

– Это будет место нашего последнего боя, – торжественно возвестил Асад и от усталости рухнул на траву.

Место оказалось вполне ничего. Перед холмами – судя по очень скудной растительности, их скорее стоило обозвать гольцами – было небольшое открытое пространство, которое противнику придется пересечь. Это сулило штурмовикам скаари немалые неприятности, поскольку никаких удобных площадок для приземления среди самих холмов не наблюдалось. А для того чтобы высадиться за грядой холмов и зайти к нам с тыла, нужна была недюжинная альпинистская подготовка либо тип конечностей, намного более приспособленных для хождения по скалам, чем даже ноги человека. Не говоря уж о лапах скаари.

В пещеру было два входа, расположенные друг над другом. Нижний, широкий и хорошо заметный со стороны джунглей, располагался в склоне холма на высоте около пятнадцати метров. Метрами пятью выше обнаружилась небольшая щель, которая вела в ту же пещеру. Идеальная позиция для залегания снайпера. Жаль только, что последнюю снайперскую винтовку мы бросили неделю назад, потому как кончились подходящие к ней боеприпасы.

– Эх, было бы нас человек пятнадцать, мы бы могли обороняться тут неделями, – вздохнул Асад.

– Тяжелым вооружением этот холм можно скрыть до уровня земли минуты за три, – заметил Дюк.

– Значит, нам крупно повезло, что скаари не будут использовать тяжелое вооружение.

– Не переоцениваешь ли ты значимость своей персоны?

– Я – вряд ли, – сказал Асад. – Зато они сильно переоценивают.

Дюк взял с собой импульсную винтовку и занял позицию у верхнего входа. Мы втроем должны были защищать нижний. Правда, Азим посоветовал Асаду укрыться в глубине пещеры, на что наследник послал его на встречу с шайтаном.

– Скаари уже показали, что я нужен им живым, – сказал он. – Значит, они будут очень аккуратны при стрельбе.

– Ночью они показали это особенно убедительно, – заметил я.

– Не думаю, что они таки стремились нас убить, – сказал Асад. – Скорее, загоняли нас в ловушку.

Похоже, они в этом преуспели. Мы действительно в ловушке, из этой пещеры нет других выходов, если и существует система пещер, проходящая под всеми холмами, наш экземпляр с ней явно не общается. Но идти дальше не было никакого смысла. И сил тоже не было.

Планета принадлежала скаари. Мы не могли бегать от них бесконечно.

– Понимаешь, сам факт, что они охотились за нами все это время, свидетельствует об их заинтересованности в моей персоне, – продолжил Асад. – Представь себя на их месте. Ты только что захватил целую планету. У тебя куча текущих проблем. Неужели ты будешь отряжать солдат для уничтожения нескольких вооруженных людей, бегающих по джунглям? Мы чем-то им угрожаем? Можем чем-то угрожать? Ничего подобного. Мы для них совершенно не опасны. Проще всего было бы о нас просто забыть. Тем не менее скаари тратят на нас свое время и средства. И жизни тратят, между прочим. Неужели только из чувства мести за тех бойцов, которых

мы уже убили?

Интересно, он на самом деле так думает или пытается таким образом хоть немного успокоить остальных? Или успокаивает самого себя?

Речь Асада звучала логично, но она предполагала наличие у скаари человеческой логики, в то время как сами скаари людьми не были. Кто знает, чем могут руководствоваться при своих действиях древние разумные динозавры?

Посреди ночи я вдруг поймал себя на мысли, что меня совершенно не страшит завтрашний бой. Это было странно, потому что раньше я всегда боялся смерти. Попробовав заглянуть в себя, я не нашел даже остатков этого страха.

Видимо, крайняя степень усталости делает человека безразличным ко всему. Это не бесстрашие, это последняя степень пофигизма, когда тебе становится по фигу даже собственная жизнь.

Самое страшное, что может случиться, – меня завтра убьют.

Мысль промелькнула, не вызвав никакой ответной реакции.

Меня завтра убьют! – возопил я.

Ну и что?

Пустота. Безразличие. Отрешенность.

Усталость.

Холодная решимость забрать с собой на тот свет как можно больше ящериц.

И ничего больше.

Я не мог даже ужаснуться своему новому состоянию, так как все эмоции умерли. словно их выжег плазменный дождь, обрушившийся на нас прошлой ночью.

Скаари появились через час после рассвета.

Что ж, к этому времени мы успели немного отдохнуть, подкрепили свои силы остатками еды и были готовы дать бой.

Только скаари не торопились лезть в драку.

Их тени постоянно мелькали между деревьями на той стороне прогалины, но огонь пока никто не открывал.

И тут над джунглями разнесся ровный механический голос, говорящий на языке Альянса с акцентом... С акцентом робота из какого-нибудь древнего мультфильма, нарисованного в те времена, когда люди ничего не знали о роботах.

К тому же механический переводчик скаари безбоянно коверкал слова. На выходе получалась дурацкая пародия на пиджин-инглиш, да еще и с

чудовищным акцентом инопланетного механизма.

– Говорит лейтенант Тьин Карр Ингдешш, – или что-то в этом роде. Человек не способен воспринять на слух имя скаари, даже если его произносит машина-переводчик. – Мы заинтересованы в особи, кто приближен к главе клана Леванта. Откажись от бой, и мы храним вам жизнь. Мы ценим тот, кто бьется достойно. Но этот бой не выиграть.

Ого, последняя фраза получилась вполне осмысленной.

– Ты ответишь или я отвечу? – поинтересовался Азим у своего босса.

– Давай лучше ты. У меня потом неделю глотка болеть будет.

Оптимистичный прогноз, подумал я. Неужто глотка Асада собирается прожить еще целую неделю?

Азим прокашлялся и выдал в ответ странную смесь из щелчков, взвизгов и похрюкиваний.

На той стороне наступила тишина. Зато над нами громко и от души расхохотался сержант Дюк.

– А что он сказал? – спросил я.

– Что он когда-то осквернил действием яйцо, из которого вылупился этот лейтенант, – перевел Асад. – Можно сказать, даже надругался над тем яйцом. Для скаари это особенно обидный подвид ругательств.

Бой начался с вялой перестрелки.

Скаари явно не потеряли надежды захватить того, «кто приближен к главе клана Леванта», живым, потому не использовали ни плазмометов, ни нейростаннеров. И даже не предпринимали попыток забросать нас гранатами.

Мы находились под защитой рельефа, враг скрывался в тени деревьев. Отвечая на один выстрел из десяти, мы не могли с уверенностью сказать, достигают ли наши выстрелы цели.

Первую попытку пересечь открытое пространство предприняла группа из десяти воинов. Им понадобилось бы всего три прыжка, чтобы достичь склона холма, но мы не предоставили им такой возможности.

При этом мы старались отслеживать все их попытки обойти нас с флангов. Если им удастся подняться по склону выше входов в пещеры, их бойцы начнут просто валиться нам на головы, а это было бы решительно неприятно.

Если бы течение боя не менялось на протяжении дня, рано или поздно встал бы вопрос – что кончится раньше, наши боеприпасы или их солдаты? Исход боя зависел бы от этого вопроса.

Все-таки скаари – идиоты, отстраненно подумал я, посылая импульс за

импульсом в переплетение веток на той стороне прогалины. Я бы на их месте уже давно запросил поддержки с воздуха и посадил на вершине холма десантную группу. Но то ли у них не хватило на это мозгов, то ли подобный маневр противоречил военному этикету чужой расы, что в принципе можно считать разными определениями одного и того же факта, но ничего подобного не произошло.

Пожалуй, критический момент наступил тогда, когда они попытались пересечь прогалину большими силами. Несколько десятков стремительно перемещающихся особей мы просто не успели отстрелить, и шестеро бойцов оказались в непосредственной близости от нашего входа в пещеру.

Я выронил винтовку и схватился за лежащий под рукой игольник. Нам с Асадом удалось застрелить еще двоих, парочку снял Дюк, при этом чуть не вывалившись со своей огневой точки.

Но двое штурмовиков ворвались в пещеру.

Я попытался прицелиться и тут же был сбит с ног мощным ударом хвоста скаари. В падении я таки умудрился выстрелить и ранить одного из ящеров в ногу. Тот взревел... ну, собственно, как и положено реветь раненому динозавру. Он рухнул рядом со мной, в каких-то полутора метрах, и я успел выстрелить первым, наведя кружок прицела на его голову.

Озираясь по сторонам, я пытался найти взглядом последнего штурмовика, и тут мои глаза узрели невероятное.

Азим и скаари сошлись в рукопашном бою, опровергая все доводы инструкторов учебного лагеря на Тайроне, утверждавших, что сие просто невозможно.

Великан с Леванта уступал ящерице в росте будучи ниже на целую голову. И был легче на добрых пятьдесят килограммов. Кроме того, считалось, что скаари превосходят человека не только в физической силе, но также в ловкости и скорости реакции. А еще у скаари есть лишняя конечность, что является дополнительным преимуществом в ближнем бою.

Человек по определению не может победить скаари.

Человек – не может.

Азим смог.

Я успел уловить взглядом только финальную часть схватки. Ящер выбросил вперед свои верхние конечности, но, несмотря на стремительность этого движения, они только рассекли воздух в том месте, где должен был находиться Азим. Сам же он взвился в воздух в прыжке, который невероятно ожидать от человека его габаритов, и большой охотничий нож вонзился ящерице в череп.

Штурмовик упал и задергался в конвульсиях раньше, чем я успел даже прицелиться.

Но времени на восхищение боевым искусством Азима у нас не было. Все те несколько секунд, которые потребовались нам для того, чтобы разделаться с ящерами, Асад продолжал удерживать позицию в одиночку, а скаари все лезли и лезли через прогалину.

Мы с Азимом вернулись на свои позиции и помогли поставить заградительный огонь.

А потом в военных действиях наступило небольшое затишье.

– Два с половиной часа уже воюем, – отметил Асад, даже не взглянув на свой КПК. – Не думал, что к этому времени мы будем еще живы, Алекс?

– Такое впечатление, что скаари атакуют на «отвалите».

– В смысле? – не понял Асад.

– В смысле «отвалите от нас», – сказал я. – Типа, только для очистки совести. Потому что должны, а не потому что им это надо.

– Да, без огонька воюют, – ухмыльнулся Азим.

Сын калифа бросил взгляд на небо.

– Не хочу вас обнадеживать, – сказал он. – Но, похоже, что если мы останемся в живых до вечера, то у нас есть все шансы пережить не только следующую ночь, но еще очень много дней и ночей.

– С чего вдруг такой оптимизм? – Лично я не видел на небе ничего, кроме редких облаков.

– По-моему, я знаю, что происходит, – сказал Асад. – И если я не ошибаюсь в своих предположениях, то скоро мы узнаем это наверняка.

– Самое время поиграть в загадки, – сказал я.

Азим безразлично пожал плечами. Он-то уже привык к манерам своего командира.

После передышки скаари предприняли еще две попытки взять нас с наскока, но ни одна из них даже не могла сравниться по степени опасности с предыдущей попыткой.

Основную часть времени мы продолжали лениво перестреливаться, и такое ведение боя было нам на руку.

Мы-то уж точно не торопились отправиться на тот свет. А вот почему не спешат скаари, я не понимал.

А потом огонь с их стороны прекратился совсем.

Десять минут, пятнадцать, двадцать...

– Они явно что-то задумали, – сказал я. – Или задумывают прямо

сейчас. Затишье – это не к добру.

– Обычно так оно и есть, – сказал Асад. – Но вдруг сейчас это не то затишье?

Полчаса тишины.

И хотя я был благодарен скаари за очередную передышку, мне становилось все тревожнее и тревожнее. Сорок минут.

– Вот оно! – вдруг воскликнул Азим, тыча пальцем вверх.

Я проследил за направлением, которое указывал его палец, и опять ничего не увидел. Нашли время для шуток...

И тут высоко над облаками что-то сверкнуло. Я не понял, что это, и готов был даже списать замеченную мною вспышку на оптический обман, но тут она повторилась. И еще, и еще.

А потом такими вспышками зарябило все небо.

– Полагаю, что скаари ушли, – сказал Асад. – В данный момент они испытывают куда более серьезные проблемы, чем попытка захвата заложника.

– Ушли? – Я не мог поверить собственным ушам. – После всего этого они просто ушли? Это что же за проблемы такие должны быть?

– Поэтому они и атаковали, как выразился Алекс, на «отвалите», – сказал Азим. – Если мы видим сейчас то, что мы видим, то началось все гораздо раньше, и они не могли об этом не знать. Поэтому и не особенно лезли под огонь.

Замечательно. Теперь еще и Азим начал говорить загадками.

В небесах то и дело появлялись новые яркие вспышки, одна из них была похожа на ядерный взрыв, случившийся в верхних слоях атмосферы. Раскаленный трением об атмосферу метеорит прочертил небо, оставляя за собой дымный след, и рухнул где-то на севере континента.

Самый высокобюджетный фейерверк, который мне доводилось видеть за всю свою предыдущую жизнь.

А скаари так и не открывали огонь, не лезли на штурм и вообще не подавали никаких признаков жизни.

– Да что происходит-то?! – возопил я, не сводя глаз с неба.

– Я не пророк, но не боюсь сильно ошибиться, если предположу, что это благословенный Аллахом имперский флот освобождает планету от присутствия ящериц, – сказал Асад.

– Но откуда он тут взялся? – Я слишком хорошо помнил разговор о последствиях возможного вмешательства Кленнона в этот конфликт. Особенно отчетливо я помнил фразу о том, что имперскому флоту понадобится около полугода, чтобы перебросить к планете силы,

требующиеся для штурма.

– Полагаю, правительство Альянса все-таки разрешило имперским кораблям проход через их территорию, – сказал Асад. – Также предполагаю, что наши приключения на этой планете завершены.

– То есть воевать с кленнонцами мы не будем? – уточнил я.

В пехоте было принято считать, что кленнонцы – куда более опасный противник, чем скаари. И куда более вероятный наш враг.

– Конечно, мы не будем с ними воевать, – сказал Азим. – Напротив, мы постараемся как можно скорее сдаться им в плен и сделать так, чтобы адмирал Реннер узнал о нашем пленении как можно раньше.

– Ты даже знаешь, кто ими командует? – поразился я.

– В имперском флоте не так много адмиралов, которым могли бы поручить столь деликатную задачу, – сказал Асад. – И хотя я и не являюсь пророком, я уверен, что знаю имя парня, который сейчас руководит штурмом.

Скаари действительно ушли. Они даже не стали забирать с собой трупы. Очевидно, что, когда они подобрались к нашим позициям, имперский флот Кленнона уже присутствовал в системе, но было еще неясно, чья возьмет и за кем останется та битва. Потому они и атаковали так, как атаковали, без особого энтузиазма и огонька. И без поддержки тяжелой техники. Возможно, техника в этот момент уже спешно грузилась в доки.

А когда имперский флот свалился на орбиту Новой Колумбии и даже вошел в верхние слои атмосферы, стало понятно, что бой за планету скаари проиграли. И фигура заложника перестала представлять ценность.

А потому они просто ушли. Удрали, боясь опоздать на эвакуационный транспорт.

Наверное, они действительно уважали нас как врагов. И их уважение выразилось в том, что напоследок они не жажнули по нам из плазмомета и не стали закидывать гранатами.

Или просто не стали терять времени.

Но, похоже, что Гегемония Скаари умела достойно принимать поражения.

Кленнонцы явились за нами через три дня, и по сравнению с последним месяцем нашего пребывания на Новой Колумбии эти три дня показались мне настоящим пикником.

Азим в первый же день подстрелил какую-то тварь, похожую на

горного козла – вообще-то мы были в холмах, но козлы, очевидно, не так остро чувствуют разницу, – а я нашел небольшой ручеек, в котором можно было набрать воду.

И все остальное время мы больше ничего не делали. Ели, пили, валялись на траве и вели неспешные разговоры, нежась в лучах местного солнца, которое вдруг стало для нас очень ласковым.

Мы старались насладиться каждой минутой каждого дня, потому что мы были живы. И в тот период чувствовали, что живы, особенно остро.

ГЛАВА 8

Забавная ситуация. В данный момент за контроль над планетой воевали кленнонцы и скаари, а лагерь для военнопленных, устроенный на месте столичного стадиона, был заполнен исключительно людьми.

Скаари никогда не сдавались в плен. Их штурмовики следовали принципу «победа или смерть» и в случае поражения предпочитали отправиться на тот свет, прихватив с собой как можно больше врагов.

Хотя «заполнен» – это не совсем правильное слово, потому что людей было не так уж много. В основном это были ребята из местных сил самообороны, которых скаари не успели истребить. Уцелевшие мирные жители могли возвращаться по своим домам, по крайней мере те, у которых остались дома. Кленнонцы гарантировали им неприкосновенность на всех территориях, контролируемых имперскими войсками.

Наша четверка держалась особняком.

Поскольку в нас с Дюком до сих пор можно было опознать военных Альянса, аборигены одаривали нас весьма недружественными взглядами, и я вполне мог понять их чувства. По сути Альянс бросил Новую Колумбию на произвол судьбы, сначала позволив скаари захватить ее без боя, а потом пропустив в локальное пространство системы военный флот Кленнонской Империи.

Эlegantный ход, ничего не скажешь.

Показать всем независимым мирам, что их ждет в случае неприсоединения к Альянсу, а потом отдать планету кленнонцам, чтобы те организовали мощный форпост на подступах к человеческому сектору космоса, используя оборонительные порядки Империи в качестве буфера.

При этом кленнонцы на Новой Колумбии оказываются слишком далеко от границ Империи и не могут представлять для Альянса самостоятельной угрозы.

Если же Асад не ошибается, скаари тоже достигли целей войны – они сложили все тухлые яйца в одну корзину, а потом эту корзину уронили. Клан Прадеша, неподвластный правящим кланам Гегемонии и доставляющий своими выходками много проблем, был уничтожен чужими руками, а это значит, что одной междоусобицей в Гегемонии будет меньше.

Непонятно только, чего добивались кленнонцы. С одной стороны, они приобрели пригодную для жизни планету.

С другой же – эта планета находится в окружении врагов, и в случае

возникновения угрозы ее будет очень трудно удержать.

Впрочем, я просто ничего не знал об их основных задачах на Новой Колумбии. Оставалось только исходить из мысли, что Империей вряд ли управляет идиот и военная операция Реннера была вполне успешной. По-видимому, Кленнон тоже достиг поставленных целей, в чем бы они ни заключались. Как здорово.

Три основных игрока галактики разыграли эту партию как по нотам, и каждый получил желаемое. Единственными проигравшими оказались жители Новой Колумбии, на чьем поле развернулась эта игра.

Галактические сверхдержавы поиграли мускулами и на пробу бряцнули оружием. Но это еще не та война, которая может положить конец цивилизациям. Это пока только разминка.

С одной стороны стадиона был обустроен туалет, с другой расположилась полевая кухня, где пленные три раза в день могли получить еду. Ни палаток, ни спальных мешков нам не выдали, сидеть и лежать приходилось на траве, благо столица находилась в зоне тропического климата, ночи стояли теплые, и особых неудобств это нам не доставляло.

Лагерь постоянно обходили кленнонские патрули, состоящие из трех солдат и офицера, а поскольку порядок, за соблюдением которого они следили, никто не нарушал, делать им было особенно нечего.

Вечером нашего первого дня в качестве военнопленных патруль остановился рядом с нами. Офицер снял матовый боевой шлем, похожий на мотоциклетный, и продемонстрировал нам свою лысую голову и мощные надбровные дуги.

– Асад ад-Дин? – спросил кленнонец.

При этом он смотрел на Азима. Вполне понятное заблуждение, телохранитель выглядел куда представительнее, чем охраняемая персона.

– Он. – Азим мотнул головой в сторону наследника.

– Адмирал Реннер просил нас позаботиться о том, чтобы вас содержали в условиях, достойных вашего титула и положения, – ничуть не смутившись, сказал офицер. – Если вы пройдете с нами...

– Не пройду, – перебил его Асад. – Я дрался вместе с этими людьми, и теперь я тоже буду с ними. Условия здесь вполне удовлетворительные.

Если это был жест, то весьма красивый, хотя и не совсем понятно, на кого рассчитанный. Азим и бровью не повел, словно не ждал от будущего верховного правителя Калифата другого ответа, офицер тоже не выглядел сильно расстроенным.

А вот меня это впечатлило. Не так часто сильные мира сего готовы

разделить тягости и лишения вместе с остальными людьми.

– Как вам будет угодно, – сказал офицер и развернулся, явно собираясь вернуться к патрулированию.

– Адмирал Реннер сейчас в городе? – спросил Асад.

– Адмирал Реннер на борту флагмана. Вы хотите, чтобы я что-то ему передал?

– Нет, – сказал Асад. – Нам с ним есть о чем поговорить, но я поберегу это для личной встречи. Думаю, что она все-таки состоится.

Офицер пожал плечами, нахлобучил шлем и зашагал прочь.

– Клянусь бородой пророка, Реннер спустится с орбиты не позже завтрашнего дня, – пробормотал Асад. – Он слишком любопытен для военного.

Есть ли что-нибудь удивительное в том факте, что наследник левантийского престола лично знаком с адмиралом, возглавляющим армию вторжения на Новую Колумбию?

Если вспомнить, при каких обстоятельствах мы познакомились с самым наследником, то ничего удивительного в этом нет.

Гораздо более интересный вопрос – есть ли взаимосвязь между этими фактами или просто так совпало?

– Иногда я умею предсказывать будущее, – сказал Асад. – Это не дар пророка, это всего лишь предсказания скромного человека, основанные на богатом жизненном опыте и умении анализировать факты. Кленнонская Империя не заинтересована в таком бесполезном заложнике, как я, поэтому я со стопроцентной уверенностью могу предположить, что адмирал Реннер предоставит нам с Азимом корабль, чтобы мы могли спокойно отправиться домой.

– Это хорошо, – сказал Дюк. – Значит, мы выполнили приказ, обеспечив вашу безопасность на этой планете до самого отбытия.

– Собственно, об этом я и хочу поговорить, – сказал Асад. – Я не знаю, как кленнонцы поступят с военнопленными Альянса, тем более что тут их, как мы все заметили, не очень много. Скорее всего, Альянс даже не будет поднимать этот вопрос, записав всех пропавших без вести в убитые. Это не та цифра, из-за которой они стали бы торговаться. С другой стороны, вы дрались за меня, и по законам чести я у вас в долгу. А я очень не люблю быть у кого-то в долгу.

– Три миллиона кредитов Альянса на счет каждого из нас, и будем считать, что мы в расчете, – сказал я.

– Я хотел предложить кое-что другое, – сказал Асад. – Почему бы вам не отправиться со мной?

– Это похоже на дезертирство, – сказал Дюк.

– А не все ли равно, на что это похоже? – спросил Асад. – Сколько тебе осталось служить по контракту?

– Два года до продления.

– А тебе, Алекс?

– Четыре с половиной. Я в армии не так давно.

– А что вас ждет потом? – спросил Асад. – Сержант, ты продлишь контракт и будешь месить грязь на других планетах, и при этом ты все время будешь помнить, как твое командование поступило с тобой, бросив тебя на этой планете. А ты, Алекс? Пройдет четыре с половиной года, куда ты потом пойдешь? Кому ты, бывший сочик, будешь нужен в гражданской жизни? Пропаганда обещает, что служба в армии откроет перед тобой все двери, но по факту девяносто процентов людей, отслуживших первые пять лет, продлевают контракт. И так до самой пенсии. Потому что иначе Альянсу не удержать численность своих вооруженных сил на требуемом уровне, и, официально не афишируя своих действий, они сделают все, чтобы ты остался в армии или вернулся в нее спустя каких-то полгода. Ты об этом мечтал, Алекс? А ты, сержант? Неужели ты не хочешь для себя чего-то другого?

– Может быть, когда-то и хотел, – сказал Дюк. – Но я уже не помню тех времен. И себя, тогдашнего тоже не помню. Я уже не представляю себя вне армии, так что... Понятия не имею, что я буду делать в этом вашем Калифате. Лучше уж я останусь здесь и дождусь обмена. А если его не будет... Местным силам самообороны наверняка потребуется боевой сержант.

– А ты, Алекс?

– Допустим, я полечу с вами, – сказал я, наблюдая за реакцией Дюка. – Что дальше?

– Три миллиона на твой счет я, пожалуй, переводить не буду, – сказал Асад. – Но в принципе сумма обсуждаема, хотя вряд ли она будет столь велика. Пока я еще не калиф и не могу обещать многого, но Азим может подтвердить, что на благодарность рода ад-Дин еще никто не жаловался.

Краем глаза я заметил кивок Азима.

Дюк не стал вопить о моем предательстве, дезертирстве и долге перед Альянсом, не попытался вцепиться мне в глотку или заняться еще каким-нибудь членовредительством.

По лицу сержанта невозможно было определить, что творится у того в голове. Впрочем, когда-то он сказал, что считает меня тайным агентом, и если он до сих пор не отказался от этой мысли, то его не удивит любое мое

решение.

– Мне надо будет принять мусульманство? – спросил я наследника.

– По желанию, – сказал он. – Обязательным условием это не является.

– А время подумать у меня есть?

– Конечно, – сказал он. – Ровно до тех пор, пока я не отправлюсь на встречу с адмиралом Реннером. Я ведь должен знать, что ему говорить.

Асад не сомневался, что эта встреча состоится. Интересно, какова истинная цель его нахождения на этой планете? Он сам признал, что это не охота. Но только ли наблюдение?

Однако предложение Асада мне понравилось. Оно открывало куда большие перспективы, чем служба в армии, а я не ощущал за собой долга по защите демократических ценностей Альянса. Если таковой и был, я выплатил его в джунглях этой планеты.

Я отдавал себе отчет в том, что по-прежнему очень мало знаю об окружающем мире. Пребывание внутри замкнутых структур, будь то лаборатории СБА, Вселенная неудачников или казармы пехоты, не способствует получению разнообразной информации о том, что творится вокруг.

Асаду ад-Дину, будущему правителю Левантийского Калифата, не нравился Демократический Альянс. Честно говоря, он и мне пришелся не по душе. По крайней мере, та его часть, с которой я успел познакомиться за последние восемь месяцев.

СБА, социки, пехота...

Зато сам Асад был мне симпатичен. Конечно, он был хитрым лживым сукиным сыном, каким и положено быть человеку его положения, но понятие чести было ему не чуждо. И хотя он врал или просто чего-то недоговаривал, по отношению ко мне он всегда вел себя честно.

Такой влиятельный человек может стать полезным другом...

– Отойдем? – Дюк положил руку мне на плечо, прервав цепочку размышлений.

Я поднялся с травы, машинально отряхивая грязные брюки. Движение, вызванное исключительно выработанной за долгие годы привычкой. В этих штанах я полтора месяца носился по джунглям, и то количество грязи, которое они собрали за это время, можно отчистить только лопатой.

Левантийцы проводили нас понимающими взглядами.

– Если ты как-то связан с СБА или какой-то другой службой, то сам примешь решение, и я не смогу на него повлиять, – сказал мне Дюк, когда мы отошли на достаточное, с его точки зрения, расстояние.

– Я не агент...

– Не перебивай. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то тебе стоит согласиться на это предложение, – сказал мне Дюк. – Обмен военнопленными, если он и будет, это долгая и нудная процедура. А то, что он предлагает... Был бы я в твоём возрасте, я бы согласился не раздумывая. Калифат гораздо богаче Альянса, там совсем другой уровень жизни. И с таким покровителем ты сможешь достичь гораздо большего, чем в пехоте.

– А почему ты не хочешь лететь с ними?

– Мне шестьдесят четыре года, из них сорок я провел в армии. До отставки ещё двадцатник, надеюсь, война до этого времени не начнется, и я смогу насладиться военной пенсией. Мне поздно что-то менять в этой жизни. Да я уже этого и не хочу.

– Ты на самом деле так думаешь?

– В армию Альянса люди приходят служить по многим причинам, – сказал Дюк. – Поиски приключений, возможность послужить своему государству, любовь к космическим кораблям, например. Но пехоты это все не касается. В пехоту Альянса все приходят, руководствуясь только одним доводом. Людьюми движет желание изменить свою жизнь к лучшему. Ты был социком, Джек и Бо тоже. Я – не был, но существование на той планете, где я родился и вырос, мало чем отличалось от жизни социков. Я хотел посмотреть другие планеты, я их посмотрел. Некоторые даже не сквозь прицел. А ещё я хотел, чтобы мне не надо было думать, где я завтра буду спать и удастся ли мне раздобыть что-нибудь на обед. Эти проблемы армия способна решить. Но вряд ли она даст тебе что-то большее.

– Не ты ли недавно поминал дезертирство?

– Ты ведь все равно не собираешься всю жизнь провести в пехоте, – сказал Дюк, пожимая плечами. – Так какая разница, когда ты уйдешь, сейчас или через четыре с половиной года? Для пехоты – практически никакой. Для тебя – огромная, это ведь твоя жизнь. А такой шанс вряд ли представится тебе во второй раз.

– Вряд ли, – согласился я.

Если уж Дюк меня уговаривает свалить с планеты вместе с Асадом, тут и думать не о чем, надо валить.

– Хоть успеешь нормально пожить в мирное время, – ухмыльнулся Дюк. – Когда разразится война, Калифат падет одним из последних.

Старый знакомый Асада ад-Дина адмирал Реннер спустился на поверхность с орбиты уже на следующий день. Сами мы, конечно, этого спуска не видели. Нам об этом сообщил офицер патруля, явившегося для того, чтобы сопроводить Асада на встречу с адмиралом.

Азим даже не делал попытки отправиться с ним. Не самое типичное поведение для телохранителя особо важной персоны. Или он изначально понимал, что дело безнадежно, или у них с Асадом существовала четкая договоренность.

Или они оба безоговорочно доверяли этому адмиралу Реннеру.

Надеюсь, они не ошибаются, и Асада действительно увели на встречу с адмиралом, а не на расстрел.

Впрочем, мне было даже спокойнее от осознания того факта, что Азим остался в лагере вместе со мной. За Азимом-то наследник точно должен будет вернуться.

Асад отсутствовал больше трех часов. За это время мы даже успели сходить на обед, хотя мне от волнения и кусок в горло не лез.

Вчера я почувствовал себя на пороге очередных изменений в моей жизни, которые, по очень осторожным прикидкам такого уже довольно опытного неудачника, как я, можно было наконец-то расценивать как положительные, и мне не хотелось, чтобы в последний момент все обломалось.

Как уже неоднократно упоминалось и более умными, чем ваш покорный слуга, людьми, человек – существо странное и непоследовательное. Несколькими днями раньше я смирился с мыслями о смерти и безымянной могиле в джунглях, и лагерь для военнопленных казался мне воплощением рая.

Теперь же мне не хотелось даже возвращаться в пехоту. Асад поманил меня в другую жизнь, и я страстно хотел в нее попасть.

Не представляю, чем я могу заняться в Левантийском Калифате, но это однозначно должно быть лучше, чем служба в мобильной пехоте Альянса или прозябание во Вселенной неудачников.

– Тебе не кажется, что Асад слишком долго отсутствует? – спросил я у Азима.

– Нет, – сказал он. – Не волнуйся за него, Алекс. У них с Реннером много общих тем для разговоров и без этой планеты. Они учились вместе.

– Вместе учились? – удивился я. – Где?

– В Имперской Военной Академии.

– На Кленноне?

– Где же еще? Империя славится своими офицерами. Я тоже там учился, кстати.

– Так ты офицер? – Наверное, удивление в моем голосе превышало все нормы приличия.

– Капитан, – сказал Азим. – Штурмовой отряд «Черные драконы»,

если тебе это о чем-то говорит.

– Не говорит, – признался я.

– Это подразделение элитного спецназа, – вмешался в разговор Дюк. – Специалисты по городским боям.

– Не только по городским, сержант, – улыбнулся Азим. – У нас очень широкая специализация.

– Всех телохранителей набирают из «Черных драконов»? – поинтересовался я.

– Нет, – ухмыльнулся здоровяк. – Асаду просто удивительно повезло.

Самодовольство? Да. Бахвальство? Может быть, слегка.

Я знал Азима, видел, чего он стоит в деле, так что если он сейчас и преувеличивал, то не слишком сильно.

Мне оставалось с ним только согласиться. Асаду действительно повезло с телохранителем.

Адмирал Реннер был кленнонцем.

Это означало, что эталоном красоты по человеческим стандартам ему никогда не стать. Потому что и за тысячу лет стандарты не смогут настолько измениться.

Росту в нем было сантиметров сто шестьдесят. И столько же в плечах. Квадратное туловище на мощных коротких ногах наводило на мысли о тумбочках. Причем непременно о тумбочках, вырезанных из дуба. Из цельного куска древесины.

Адмирал был лысым. Вообще все встреченные мною кленнонцы были лысыми, словно их генные инженеры, отвечающие за совершенствование расы, сочли волосы рудиментом и предпочли от них избавиться.

Приплюснутый нос, маленькие, прижатые к голове уши, слишком широко сидящие глаза... Кривой шрам на подбородке тоже не прибавлял обаятельности облику адмирала. Про таких говорят «с лица воду не пить».

Полагаю, пить воду с лица Реннера не отказался бы только умирающий от жажды путешественник, заблудившийся в Сахаре.

Когда мы с Азимом зашли в кабинет адмирала, они с Асадом сидели за столом, рядом с ними стояли бокалы, и... О чудо! В пепельнице, стоявшей рядом с Реннером, дымилось нечто очень похожее на тонкую сигару. А в самом кабинете витал устойчивый аромат табака. Реннер поднялся нам навстречу.

– Азим! – прорычал он. – Давно же мы не виделись! Сколько лет прошло?

– Шесть, Рен.

– А ты все такой же бородатый!

– А ты все такой же громкий.

Кленнонец и левантиец заключили друг друга в дружеские объятия. Сцена смотрелась несколько комично, так как макушка адмирала утыкалась куда-то в район солнечного сплетения Азима.

А объятия были такими душевными, что обычный человек не вышел бы из них без пары-тройки сломанных ребер.

Высвободившись из медвежьей хватки Азима, адмирал сделал шаг назад и перевел взгляд на меня.

– Капрал Стоун?

– Да, сэр, – отчеканил я.

– Наслышан о ваших подвигах. Должен заметить, что немало удивлен. Асад – старый лис, об этом выкормыше «Черных драконов», – он ткнул сучковатым пальцем в сторону Азима, – я вообще промолчу. Каким образом вам удалось вообще выжить в такой компании? И не только выжить, но и проявить себя?

– Не знаю, – сказал я. – Наверное, мне просто удивительно повезло.

– В военном деле везение играет немаловажную роль, – сказал Реннер.

– Тебе ли этого не знать, – ухмыльнулся Азим. – Больше половины твоей репутации составляет цепь удачных совпадений и случайностей.

– Хороший стратег умеет рассчитывать совпадения и предсказывать случайности, – назидательно сказал Реннер. – Господа, не хотите ли выпить бренди двенадцатилетней выдержки?

– Не откажусь, – сказал Азим.

Он бесцеремонно протиснулся мимо хозяина кабинета, взял со стола бутылку и принялся озиаться в поисках свободной посуды.

– Слева, – подсказал Реннер.

Азим достал из небольшого бара бокал и наполнил его до половины. А потом так же резво осушил.

Наш человек. А еще говорят, что мусульмане не пьют...

– Капрал? – Реннер сделал приглашающий жест.

– Э-э-э... – От запаха табака уже кружилась голова. – А можно мне лучше вот такую же штуку?

Реннер проследил за направлением моего взгляда и презрительно удивился.

– Это ж наркотик, – сказал он. – Слабый, но давно запрещенный на всех планетах Альянса.

– Мне казалось, что Новая Колумбия не является одной из планет Альянса, – сказал я. – А по запаху ваш наркотик сильно похож на табак.

– Табак и есть, – сказал Реннер. – Только вот откуда приличному молодому гражданину Альянса может быть известен запах табака?

Они с Асадом переглянулись, и я понял, что чересчур расслабился в атмосфере, которая показалась мне дружеской. Видимо, приличный молодой гражданин Альянса физически не имел абсолютно никакой возможности не только вдыхать аромат табака, но и знать о его существовании.

Легенда Алекса Стоуна трещала по швам.

Вот вам еще один довод о вреде курения.

А самое обидное, что у меня даже не было возможности правдоподобно соврать о каких-нибудь нелегальных молодежных тусовках и модных андеграундных течениях на территории Альянса, так как я понятия не имел, существуют ли такие течения в природе.

Из четверых присутствующих в этом кабинете я знал о жизни Альянса меньше всех. Хотя и был единственным, кто числился его гражданином.

Видимо, гамма овладевших мною эмоций отразилась у меня на лице, так как Реннер внезапно расхохотался и хлопнул меня по плечу. Так, что я аж чуть присел. Наверное, после этого дружеского хлопка у меня останется изрядный синяк.

– Расслабься, – посоветовал Реннер. – Вряд ли кто-то из нас донесет на тебя в полицию нравов.

Реннер протянул мне шкатулку с сигарами и объяснил, как пользоваться встроенной в нее зажигалкой.

Табак оказался куда крепче того, к которому я привык, или просто сказывался долгий перерыв. Я закашлялся. От первой же затяжки у меня закружилась голова.

Но зато потом мне стало очень хорошо. Да, табак – это наркотик, а я слишком давно нуждался в этой дозе.

– Я уже распорядился об орбитальном челноке, – сказал Реннер. – На орбите вас ждет малый торпедный катер. Оружие мы с него сняли, конечно, и особого комфорта там тоже не ждите, но до Леванта эта посудина долетит.

– Я потом пришлю катер обратно, чтобы его стоимость не вычли из твоего жалованья, – сказал Асад.

– Плевать, – сказал Реннер. – Можешь оставить на память, пусть вычитают.

– Адмиралам имперского флота так хорошо платят?

– А мы не за деньги служим, – сказал Реннер.

– Неужто вообще не платят? – театрально ужаснулся Асад. – Срочно

переходи на службу во флот Калифата.

– Как ты можешь предлагать такое настоящему патриоту?

– Патриотизм профессионала – это штука, которая должна хорошо оплачиваться, – заметил Асад. – Государство должно заботиться о своих патриотах.

– Но патриоты должны быть готовы проливать свою кровь бесплатно.

– Вот такой вот парадокс, – сказал Асад. – Тем не менее эта схема особенно хорошо работает, когда выполняются обе составляющие.

– Кстати о патриотизме. – Взгляд Реннера снова уперся в меня. – Асад является нашим стратегическим партнером и личным знакомым императора Таррена, поэтому никто не сможет осудить меня за то, что я предоставил ему транспорт и позволил убираться отсюда на все четыре стороны. Тут все просто. С тобой, Алекс, ситуация куда более запутанна. Официально здесь не может быть ни одного представителя вооруженных сил Альянса, иначе могут наступить непоправимые дипломатические последствия в наших отношениях со скаари. Я лично очень рад, что ты собираешься убраться с этой планеты, и Асад выразил желание взять тебя с собой. В отчете, который наши бюрократы, несомненно, заставят меня написать, ты будешь проходить как местный житель, оказавший ценные услуги левантийскому двору. И никакого капрала Стоуна, понимаешь?

– Понимаю, – сказал я.

– И все было бы хорошо, если бы не твой сержант, – сказал Реннер. – Почему он не хочет лететь с вами?

– Это его выбор.

– Вне всякого сомнения. Но этим выбором он здорово осложняет мне жизнь. Единственный солдат Альянса на этой планете. Что мне с ним делать?

– А в чем проблема?

– Альянс официально заявил, что вывел отсюда все свои войска еще до вторжения скаари, – сказал Реннер. – Если я начну переговоры о судьбе сержанта с руководством ваших ВКС... Словом, если эта информация просочится наружу, из нее могут раздуть громкую историю, которая все осложнит. Солдаты Альянса не должны были сражаться со скаари в этой войне.

Черт побери, как у них тут все сложно. Даже адмиралы думают о политических последствиях каждого своего шага. Или адмиралы как раз должны особенно об этом задумываться?

– Он вообще вменяем, этот твой сержант? – спросил Реннер.

– Вполне.

– Думаю, если я поговорю с ним один на один, мы придем к какому-нибудь решению, – сказал Реннер. – Должен заметить, что раньше воевать было куда проще.

– Ага, и планеты раньше были больше, и гравитация не прижимала к земле так сильно, – согласился Асад. – Помнишь Регул?

– Помню Регул, – подтвердил адмирал.

И они погрузились в воспоминания о добрых старых деньках, когда все они были молоды и жизнь казалась им устроенной куда проще, чем сейчас.

Я сидел в удобном кресле, слушал их воспоминания и курил.

Впервые за долгое время мне не угрожала физическая опасность, скаари не собирались изжарить меня живьем, а сотрудники СБА не стремились вытащить мои мозги и запихнуть их в банку. И в будущем у меня появилась надежда хоть на какой-то период стабильности.

В жизни наступали очередные перемены, и, хотя я помнил древнее китайское проклятие, мне казалось, что эти перемены будут к лучшему.

Несмотря на то, что я по-прежнему находился в мире, о котором слишком мало знал и в котором не занимал никакого положения, несмотря на то что в будущем человечеству грозила самая страшная война, которую только можно было представить, несмотря на то что у меня было очень мало шансов избежать участия в этой войне...

Здесь и сейчас мне ничто не угрожало. И люди, сидевшие рядом со мной, были мне симпатичны и не вынашивали в отношении меня никаких коварных планов.

Я сидел и курил.

И мне было хорошо.

notes

Примечания

Том Клэнси – американский писатель, автор цикла романов о Джеке Райане. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Роберт Ладлэм – американский писатель, автор цикла романов о Джейсоне Борне.

Саус-парк – город из популярного одноименного мультфильма,шедшего на канале MTV.

КПК – карманный персональный компьютер.

Вид компьютерных игр-стрелялок, где действие происходит «от первого лица».